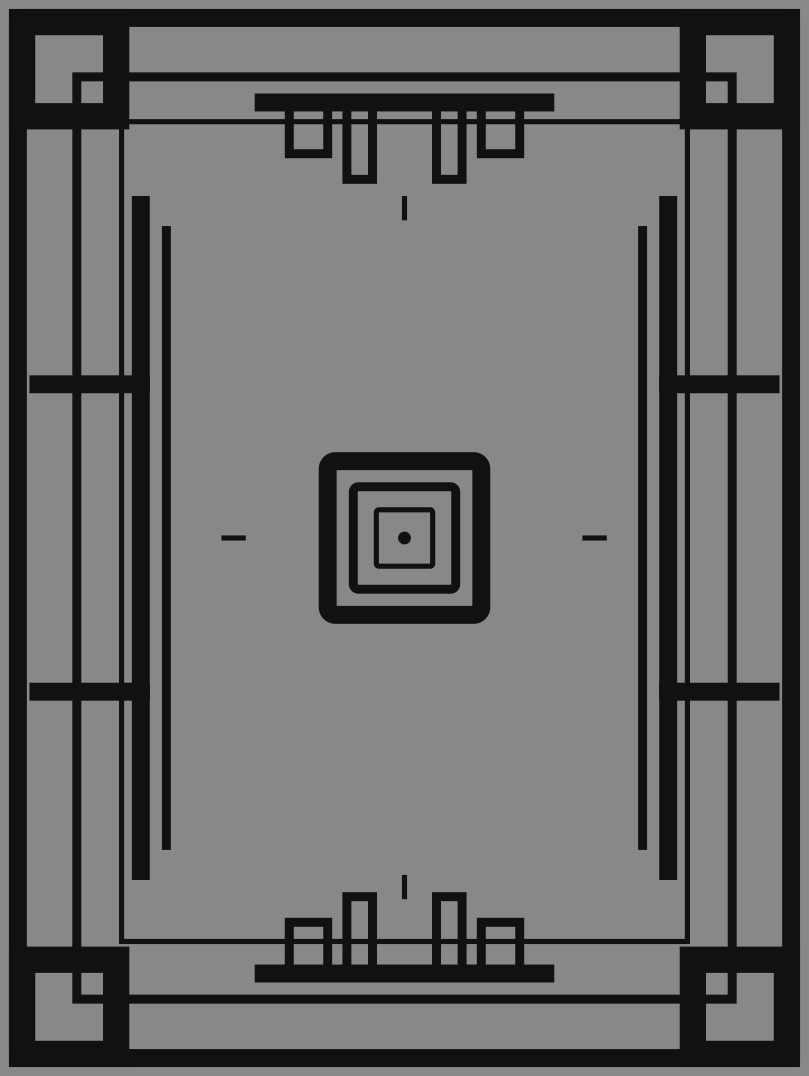

# Угасающее солнце: Шон'джир Кэролайн Черри

Аннотация
Кэролайн Черри. Угасающее солнце: Шон'джир
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22

**Аннотация**

Кэролайн Дж.Черри. Угасающее солнце: Шон'джир ("Войны Мри" #2).
Пер. – С.Емцова, А.Дорофеев.
C.J.Cherryh. The Faded Sun: Shon'Jir (1979) ("The Mri Wars" #2)
HarryFan SF&F Laboratory: FIDO 2:463/2.5

# Кэролайн Черри
# Угасающее солнце: Шон'джир

# 1

Мри все еще накачивали наркотиками. Таким вот, ошеломленным и сбитым с толку, его постоянно держали здесь, где эхом отдавались голоса землян и странные звуки машин.

Каждый день, дважды, Дункан приходил, чтобы постоять у кровати мри под взглядом офицера безопасности, который торчал сразу же за застекленной перегородкой. Он приходил, чтобы увидеть Ньюна — ему разрешалось это, потому что на Кесрит Дункан был единственным, кто знал его. Сегодня в золотистых глазах с большой радужной оболочкой пребывало затуманенное сознание. Дункану почудился упрек в этом взгляде.

Ньюн потерял в весе. Его золотистая кожа была отмечена множеством следов залечиваемых ран, жестокости и гнева. Он сражался за жизнь и выиграл битву, которую, будь он в полном сознании, он бы, несомненно, отказался выиграть; но Ньюн оставался равнодушен к землянам, которые приходили и крутились около него, к ученым, которые, заодно с его врачами, лишали

мри достоинства.

Мри, враги человечества. Сорок лет войны, разрушенных миров, и миллионы мертвых — и все же большинство землян никогда не видели врага. И совсем немногие видели живых мри и их лица без вуалей.

Они были красивыми людьми, высокими, и стройными, и золотистыми под своими черными мантиями: волосы цвета желтой меди; тонкие человеческие черты; длинные изящные руки; пушок на мочках ушей; глаза, похожие на чистейший янтарь, снабженные мигательной перепонкой, которая защищала их от пыли и яркого света. Мри были одновременно и похожими на землян, и пугающе чуждыми. Таким же был их ум, способный постигать ход чужих мыслей и при этом однако упорно отказываться от любых компромиссов.

В соседней каюте, подвергаясь такому же лечению, лежала Мелеин, которую называли госпожой, предводительница мри: молодая женщина — и в отличие от жилистого худощавого Ньюна, мри-воина, Мелеин была нежной и изящной. Лица мри пересекали шрамы, три тонкие голубые линии, тянувшиеся по обеим щекам от внутреннего уголка глаза к внешнему краю ску-

лы; их назначения земляне не понимали. Тонкие голубые линии на лице спящей Мелеин придавали ее очерченным бронзовыми ресницами глазам неземную красоту; она казалась слишком хрупкой, чтобы участвовать в жестокостях мри или выносить тяжесть преступлений мри. Те, кто лечил мри, обращались с Мелеин нежно; находясь в ее комнате, разговаривали вполголоса, стараясь как можно меньше касаться девушки, или делая это очень осторожно. Она казалась скорее прекрасным печальным ребенком, чем плененным врагом.

Поэтому для своих исследований они выбрали Ньюна — самого настоящего врага, который заставил дорого заплатить за свой плен. Он изначально был более сильным, его раны заживали гораздо быстрее, поэтому считалось само собой разумеющимся, что Ньюн выживет. Они называли свои исследования лечением, и именно такое название фигурировало в записях, но в ходе этого «лечения» с Ньюна была снята голограмма, его просканировали изнутри и снаружи, взяли образцы ткани и сыворотки — удовлетворялось любое пожелание исследователей — и не однажды Дункан видел, как с Ньюном обращаются с бесчувственной грубостью, или как тот, лежа

на столе, уже почти просыпается, а люди вокруг как ни в чем не бывало продолжают заниматься своими делами.

Дункан старался не замечать этого, опасаясь, что любой протест с его стороны навсегда закроет ему доступ к мри. Мри заставили жить, несмотря на их многочисленные раны; они оживали; они выздоравливали; и Дункан считал это самым важным. Внутренняя этика мри отвергала посторонних, ненавидела медицину, отказывалась от жалости своих врагов; но у этих мри выбора не было. Они принадлежали ученым, которые нашли способ продлить их жизни. Им не позволяли просыпаться — и это тоже сохраняло им жизни.

— Ньюн, — негромко позвал Дункан, пользуясь тем, что охранник снаружи на минуту отвлекся. Он коснулся тыльной стороны руки Ньюна с длинными пальцами под опутывающей кел'ена сеткой; мри все время держали тщательно связанным, потому что иначе бы он при первом же удобном случае разодрал свои раны — и этого боялись. Любой другой мри, попавший в плен, поступил бы точно так же, чтобы покончить с собой. Никто никогда не оставался в живых.

— Ньюн, — снова настойчиво произнес он; этот ритуал Дункан исполнял дважды в день, стараясь

хотя бы сообщить мри, что остался кто-то, кто может произнести его имя; стараясь — в каком бы далеке ни блуждало сознание мри — заставить его думать; стараясь наладить какой-то контакт с застывшим разумом мри.

Глаза Ньюна на миг ожили и снова стали неподвижными, подернувшись дымкой, когда перепонка закрыла их.

— Это Дункан, — он настойчиво сжимал руку мри. — Ньюн, это Дункан.

Перепонка отодвинулась; глаза прояснились; тонкие пальцы дрогнули, почти сжались. Ньюн смотрел на него, и сердце Дункана забилось с надеждой: это был первый признак того, что мри находится в здравом уме, что с разумным существом, которое Дункан знал, все в порядке. Дункан увидел, что взгляд мри скользнул по комнате, задержавшись на двери, за которой виднелся охранник.

— Ты все еще на Кесрит, — негромко проговорил Дункан, чтобы охранник не услышал и не помешал им. — Ты на борту разведывательного корабля «Флауэр», прямо за городом. Не обращай внимания на человека. Это пустяки, Ньюн. Все хорошо.

Возможно, Ньюн понял; но янтарные глаза

затуманились и закрылись, и он снова скользнул в объятия наркотиков, свободный от боли, от понимания, свободный от воспоминаний.

Они были последними в их роду, Ньюн и Мелеин — последние мри, не только на Кесрит, но и где бы то ни было. Именно поэтому ученые не отпускали их: это был шанс разрешить загадку мри, который мог больше никогда не представиться. Здесь, на Кесрит, в ночь огня и предательства, исчезла раса мри — все, кроме этих двоих, которым удалось спастись, — о, ирония судьбы! — попав в руки своих врагов.

И в этом им помог Дункан, которому они доверяли.

Дункан коснулся бесчувственного плеча Ньюна и, повернувшись уходить, задержался, чтобы заглянуть сквозь перегородку из темного стекла в каюту, где спала Мелеин. Он больше не разговаривал с ней с тех пор, как она обрела могущество. Для мри она была бы святой, неприкосновенной: чужой смог бы поговорить с ней только через других. Оказавшись среди своих врагов, одинокая и испуганная, она бы вынесла все, кроме унижения. Ее враги, которых она могла ненавидеть и презирать, исчезали в беспамятстве и забытье; но перед ним, чье имя она знала, который видел

ее, когда она была свободной, ей, наверное, было бы очень стыдно.

Она спокойно отдыхала. Дункан несколько мгновений наблюдал, как дыхание вздымает ее грудь, уверяя себя, что девушка в полном порядке и ей удобно, затем повернулся и открыл дверь, рассеянно поблагодарив охранника, который выпустил его из запретной секции во внешний коридор.

Дункан поднялся на главный уровень тесного разведывательного корабля, от одетых в белые мундиры ученых и штабных офицеров в голубом, которым, вообще-то, было не место на «Флауэре». Сам он носил коричнево-зеленый мундир ПлаР, планетарной разведки. Он был экспертом, как и весь научный персонал «Флауэра»; правда, его знания больше не требовались на Кесрит или где-либо еще. Война окончилась.

Он стал пережитком, как и мри.

Уходя с «Флауэра», он расписался в журнале — обычная канцелярская формальность. Охрана знала его достаточно хорошо — человека, жившего среди мри, на Кесрит знали все. Он ступил на трап и спустился вниз, на решетчатый настил, который земляне уложили на сыпучую почву Кесрит.

Снаружи, на белой равнине, насколько хватало глаз, ничего не росло. Жизнь Кесрит, с ее щелочными озерами, пустынями и немногочисленными мелкими морями, была скудной. Планета освещалась красным солнцем, Арайном, и двумя лунами. Это была единственная из шести планет системы, где почти не было жизни. Разреженный воздух, ледяной в тени и обжигающий на солнце; после дождя кожа горела и сохла. Мельчайшая, едкая пыль проникала даже сквозь прочнейшие уплотнители, досаждая людям и понемногу разрушая машины. Большая часть Кесрит была непригодна для жизни; земляне ютились в долине около единственного города планеты, на берегу ядовитого моря: изобилующий влагой маленький клочок покрытой коркой земли, которая ломалась под тяжестью человека, среди гейзеров и испаряющихся луж.

Не было ни одного человека — коренного обитателя Кесрит. Сначала на планете жили только дусы — огромные неповоротливые животные, с коричневой бархатной шкурой и массивными лапами, чем-то похожие на медведей. Потом пришли мри, чьи башни однажды поднялись на высоких холмах, где теперь осталась лишь груда камней, похоронившая под собой своих

обитателей.

Следом явились жаждущие минералов, богатства и территорий регулы, которые наняли мри, чтобы воевать с землянами.

Нынешние хозяева Кесрит, земляне, получили в наследство город регулов: приземистый агломерат уродливых зданий, самое высокое из которых имело всего лишь два этажа, да и те — ниже человеческих стандартов. Город был спланирован в виде прямоугольника: на самом краю находился Ном, единственное двухэтажное здание, остальные строения обступали раскинувшуюся перед ним площадь. Все улицы огибали площадь Нома. Узкие, предназначенные для транспорта регулов, а не для человеческих машин, улицы то здесь, то там пересекались стрелками вездесущего белого песка. Слева от города находилось Алкалинское море, питаемое грунтовыми водами Кесрит. Вулканический огонь бурлил в его глубинах и под долиной, некогда прекрасной землей, покрытой тонкой корочкой поверхностных отложений и выходами полезных ископаемых, — а теперь изрытой шрамами битвы.

В море уходили башни завода для опреснения воды. Сейчас на нем полным ходом шли ремонтные работы — нужно было попытаться

освободить город от сурового рациона. На противоположном конце города прежде находился космопорт, теперь полностью разрушенный: участок обожженной земли и груды искореженного металла, что прежде были кораблями регулов и мри.

Единственным кораблем на планете сейчас был «Флауэр», разведчик, которому для посадки не требовалось специальных площадок, примостившийся на скалистом участке покрытой водорослями дороги. Вокруг наскоро соорудили аэродром, насыпав грунт и укрепив его решетчатым настилом — труд, который быстро сведут на нет щелочные дожди. Кесрит разрушала все. Выстоять могло лишь то, что было объектом постоянного внимания и подновления; но и тогда непогода и пыль в конце концов делали свое дело. Вся поверхность Кесрит словно бы растворялась под проливными дождями; из-за гор сюда приходили различной силы ураганы, неся долине жизнь; но из-за них выжить здесь было непросто.

Только дусы и мри могли постоянно жить здесь как ни в чем не бывало, не нуждаясь в защитных сооружениях; и дусы помогали мри.

Вот что досталось землянам, еще недавно неза-

конно присвоившим чужое владение в войне с мри и теперь вынужденным сражаться с их планетой, смертельно напуганным ураганами, обеспокоенным дикими дусами. И лишь регулы, которые, чтобы сделать приятное победившим их землянам, уничтожили расу мри, относились к ним по-дружески.

Дункан неторопливо шагал по настилу, ощущая привкус едкого воздуха. Даже при такой сравнительно медленной ходьбе яростное излучение Арайна обжигало его открытые лицо и руки. Был полдень. Когда Арайн находился в зените, местность вокруг словно вымирала; но земляне благодаря системе жизнеобеспечения не обращали внимания на солнце. Те, кто жил в городе, где солнечный свет означал день, установили на Кесрит свой распорядок дня, разбивая его на слегка удлиненные секунды, минуты, часы. Но землян в городе было немного, и персонал «Флауэра», как и находящийся на орбите военный корабль, по-прежнему жил по Универсальному Стандартному времени.

Дункан шел, внимательно изучая землю: вот прячет свое кожистое тело джо, одно из крылатых созданий Кесрит, пережидая жару в тени огромного камня… а вот след песчаной змеи, ко-

торая недавно проползла рядом с настилом, ища подходящий камень, чтобы спрятаться от солнца и хищников. Джо терпеливо поджидал свою жертву. Замечать все это научил Дункана Ньюн.

По другую сторону вывороченного взрывом пласта минерала привычно распустил свой султан гейзер. Планета понемногу накапливала силы, еще не зная, что теперь сюда будет прибывать все больше и больше землян, чтобы уничтожить все это и сделать Кесрит своей.

Настил подходил к бетонной стене на окраине города, местами засыпанной движущимся песком. Ступая по твердому грунту, Дункан прошел мимо обзорной площадки Нома, где возвышалась система наблюдения, и поднялся к задней двери, которой теперь пользовалось большинство землян, направляясь на «Флауэр», к аэродрому и посадочной площадке.

Дверь с шипением открылась и закрылась. Воздух Нома обрушился как шок; казалось, у него был собственный запах, запах землян и регулов. Сладковато-влажный, он заметно отличался от воздуха, что властвовал снаружи, в той напоенной светом и стужей жаре, одновременно обжигавшей и замораживавшей. Внутри были сады, которые сейчас почти не поливали — рас-

тения с планет регулов, такие же важные, как и их хозяева: белый, в темно-каштановых пятнах, виноград, ронявший при малейшем прикосновении свои лавандовые цветы; поникшее дерево с редкими серебряными листьями; жесткий серо-зеленый мох. И построенные регулами холлы — высокие в центре, по крайней мере, по стандартам регулов — рослые земляне чувствовали себя здесь как в тюрьме. Сводчатые коридоры с углублением вдоль глухой стены, в котором были проложены блестящие рельсы, позволявшие тележкам регулов двигаться более быстро и безопасно. Когда Дункан повернул к лестнице, одна из них стремительно шмыгнула мимо, сделала быстрый поворот и исчезла. Судя по скорости, то была транспортная тележка, перевозившая груз.

Регулы обожали машины. Они двигались медленно, тяжело, не в силах пройти самостоятельно даже небольшое расстояние — короткие ноги не выдерживали веса тела. Лишь юные регулы, пока еще бесполые, могли передвигаться на ногах; их тела еще не обрели солидность. Старшие, у которых атрофировались мускулы ног, почти не двигались, спасаясь в протезном комфорте своих тележек.

И, чужие в коридорах Нома, двигались земляне,

высокие стройные фигуры, странно быстрые среди приземистых неповоротливых туш регулов.

Собственная комната Дункана находились на втором этаже. В некотором смысле это было роскошью: будучи помощником губернатора Кесрит, он довольно продолжительное время не знал, что такое уединение. Но эта маленькая отдельная комната лишила его доступа к властям Кесрит, особенно к Ставросу, достопочтенному Джорджу Ставросу, губернатору новых территорий, завоеванных землянами. Вернувшись из лазарета, куда он попал после своего путешествия по Кесрит, Дункан обнаружил, что его место уже занято неким Э.Эвансом из военно-медицинской службы. Переехать обратно в старые апартаменты в приемной Ставроса его не пригласили, хотя он очень надеялся на это. Согласно протоколу регулов, которого земляне упорно придерживались, старшему такого высокого ранга, как Ставрос, полагался по меньшей мере один юноша-секретарь, чтобы помогать ему и избавлять от нежелательных посетителей; и эта обязанность теперь принадлежала Эвансу. Дункана держали на расстоянии; Ставрос, еще недавно близкий ему человек, стал внезапно официально-вежливым: максимум, на что Дункан мог рассчитывать — это

случайное приветствие, когда они встречались в холле. Даже доклад, который Дункан представил после своего возвращения, попал к Ставросу через вторые руки: ученых, медиков и военных.

Дункан решил, что он впал в немилость. Ставросу пришлось уступить регулам, которые ненавидели Дункана и опасались его влияния. И что его ждет в дальнейшем, Дункан не знал.

Это было концом всех его надежд. Используя благосклонность Ставроса, Дункан мог бы занять какой-нибудь высокий пост в колонии. За пять лет полной опасностями службы на Кесрит ему причиталась довольно круглая сумма и гарантированное возвращение домой, а если одобрит губернатор, можно было поселиться на самой Кесрит. Что ж, тогда он решил, что ему невероятно повезло и некоторое время даже почти верил в это. Дункан согласился, не задумываясь: во время войны он практически достиг своего служебного потолка. Тогда ему казалось, что теперь у него будет больше шансов остаться в живых.

Он снова выжил; выполнив задание Ставроса, покрытый шрамами и обожженный солнцем, он вернулся из пустынь Кесрит, где сгинул бы любой из недавно прибывших землян. Он единственный из землян изучил Кесрит; и он побывал

среди мри и вернулся живым, что до него не удавалось никому.

И после всего пережитого он рассказал Ставросу правду о том, что узнал.

И это было его самой большой ошибкой.

Дункан прошел мимо апартаментов Ставроса в свою по-спартански обставленную комнату без обязательной маленькой передней, считавшейся среди регулов Нома признаком солидного общественного положения. Коснувшись переключателя, он запер дверь, одновременно отодвинув штормовые экраны. Открылся вид на дорогу, по которой он пришел; на присевший на своем островке «Флауэр» — половинку яйца на опорах; на рыжевато-красное небо, которое, по крайней мере, сегодня, было безоблачным. Уже несколько дней не было бурь. Природа Кесрит, подобно всем живущим на планете, казалось, исчерпала свою силу.

Дункан разделся и тщательно протер тело химическим кондиционером — на Кесрит из-за едкой пыли процедура далеко не лишняя, а лечивший Стена врач просто требовал этого, и переоделся в свой корабельный мундир. Он направился в библиотеку, расположенную на другой стороне Нома, куда можно было попасть

через коридор нижнего этажа; библиотека являлась частью университетского комплекса регулов, которым теперь владели земляне.

Там он проводил свои дни и вечера; и все, кто знал Стэна Дункана в прошлом на Земле, нашли бы это неслыханным. Особой тяги к занятиям за ним никогда не замечали. А в своем деле он был неплохо подкован. Он мог без труда разобраться в корабельных и артиллерийских системах, немного знал геологию и экологию, умел работать с компьютерами — словом, мог все, что требовалось для эффективного ведения боя. К этому его готовили с юности: Дункан был сиротой, и все его мысли были направлены на то, чтобы выжить. Его учили лишь тому, что было необходимо; инструкторам он нужен был живым только для того, чтобы убивать врага.

Но все это было еще до того, как он увидел, что его война закончилась — до того, как увидел, что регулы уничтожили его врагов; попал к уцелевшим мри; или увидел гордого мри в руках землян.

Двадцать веков записей, карт и пленок лежали в библиотеке регулов; где-то здесь, в лабиринтах языка и тайн регулов, скрывалась истина. Дункан изучал все это. Сведения о том, чем были мри на

Кесрит, чем они были где-нибудь в других местах, интересовали его куда больше, чем ученых «Флауэра».

Ставросу это не нравилось. Регулам подобный интерес казался нездоровым, и они с видом оскорбленной невинности считали это новой политикой землян. Ставроса, чей авторитет в новой колонии Кесрит был огромен, такие фокусы смущали и злили.

Но Дункан по-прежнему пропадал в библиотеке все свободное время, которого у него теперь вдруг оказалось невероятно много. Сначала он надоедал ученым «Флауэра», которые рылись в библиотеке, готовя подборку пленок и записей для дальнейшего изучения в лабораториях Элага-Хэйвена и Зороастра. Дункан искал обрывки записей, касавшихся мри, и оказался неожиданно полезным некоторым ученым «Флауэра», которых этот вопрос тоже интересовал. Его собственные отрывочные познания в языке регулов мало чем могли помочь ему в расшифровке пленок или карт; но он обращался к специалистам. Со всем присущим ему упорством Дункан пытался заставить их понять то, чего не понимал сам.

Изучить тех, с кем он воевал всю свою жизнь; их нравы, быт, жилье — то, что он прежде видел

лишь полностью уничтоженным.

Взяв свои записи и собственноручно сделанный словарь, Дункан уже собирался уходить, когда на панели интеркома вспыхнула лампочка вызова.

— Помощник Стэн Дункан, — голос регула назвал его прежним титулом помощника Ставроса. Дункана это удивило. — Помощник Стэн Дункан.

Он нажал клавишу для ответа, встревоженный тем, что кто-то в Номе захотел переговорить с ним, разрушить его безвестность. И это произошло именно тогда, когда ему более всего хотелось остаться одному и дождаться очередного назначения, чтобы высокопоставленные персоны поскорее забыли о его существовании.

— Я здесь, — сказал он регулу.

— Его превосходительство бай Ставрос велит тебе немедленно подойти к нему в его кабинет.

Дункан заколебался; сердце сжалось в предчувствии того, что период ожидания закончился. Где-то в недрах «Флауэра», должно быть, подписаны бумаги, объявляющие его пригодным к службе; где-то в Номе готово его новое назначение. Все для пользы колонии Кесрит!

— Передай его превосходительству, — сказал он, — что я иду.

Регул что-то невежливо буркнул и прервал

связь. Дункан швырнул свои записи на стол, распахнул дверь и шагнул в коридор.

Ставрос не случайно вызывал его именно сейчас. Дункан придерживался своего привычного распорядка дня: в полдень, закончив лечебные процедуры, он возвращался к себе в комнату, а оттуда направлялся в библиотеку.

И именно его визиты в библиотеку вызвали подобное недовольство.

Он начал лихорадочно обдумывать самое худшее, что могло его ожидать: выговор, приказ прекратить посещение библиотеки… или ему запретят появляться на «Флауэре» и у мри. Он уже вызвал недовольство Ставроса; и теперь стоило ему не выполнить приказ, как он навсегда окажется на орбитальной станции или на крейсере «Сабер», который охранял Кесрит.

«Занимайся своими делами, — скажет ему, наверное, Ставрос. — Оставь мри ученым.»

Он шагал по ведущему вниз коридору, грубо расталкивая плечами на поворотах еле ползущих молодых регулов. Регулы тоже не спешили извиниться перед ним: человека можно было не бояться. Вслед ему летело гневное шипение, многие юноши останавливались, чтобы свирепо посмотреть ему вслед.

Кабинет Ставроса, опять-таки, согласно статусу регулов, находился на первом этаже Нома, за широкими дверями, через которые могли без труда проехать тележки регулов.

Двери кабинета оказались распахнутыми. Секретарем в приемной Ставроса был землянин, офицер с «Сабера», назначенный на этот пост из-за своих особых лингвистических способностей, которые были бесполезны на этом посту; что ж, по крайней мере, Ставрос был по-прежнему осторожен и не поставил на этот пост юношу-регула, где можно было слишком много подслушать — а уж регул бы запомнил все слово в слово. Секретарь встрепенулся, отгоняя скуку, и сдержанно поприветствовал Дункана. Офицеры регулярной армии уважали Дункана, хотя тот и принадлежал к планетарной разведке.

— Губернатор просил вас сразу войти, — произнес офицер, и, покосившись на закрытую внутреннюю дверь, добавил:

— Там бай, сэр.

Хулаг.

Старейший из регулов на Кесрит.

— Благодарю, — сказал Дункан сквозь зубы.

— Сэр, — проговорил секретарь. — Прошу прощения: губернатор советует вам войти тихо. Он

так и сказал, сэр.

— Хорошо, — сказал Дункан с видимым усилием — чтобы заметил секретарь. Он знал: все на Кесрит считают, что он попал в немилость из-за своей опрометчивости. А как вести себя среди дипломатов, он знал куда лучше, чем любой интендант из регулярной армии.

Сейчас было не время для выражения чувств. Если он окажется на «Сабере», это будет полная победа бая регулов. Несколько неосторожных слов по отношению к Ставросу или баю — и Дункан мог потерять все оставшееся влияние, которое можно было бы использовать, чтобы помочь мри. И он решил держать себя в руках. Регул не сможет понять разногласий между стариком и юношей; а Ставрос, даже если почувствует какой-то намек на возражение, сделает вид, что не заметил его.

Секретарь нажатием кнопки открыл дверь, и Дункан не торопясь вошел демонстрируя покорность и должное уважение к двум правителям Кесрит.

— Дункан, — укоризненно воскликнул Ставрос. Странно похожие тела землянина и бая регулов утонули в металле тележек. Ставрос был очень стар; половина его тела была парализована почти

сразу после прилета на Кесрит. Этот недуг до сих пор мешал ему говорить, и для разговоров с регулами ему приходилось пользоваться дисплеем тележки. Но с людьми он старался разговаривать сам. Сила понемногу возвращалась в частично парализованное тело, но Ставрос пока что не спешил покидать сделанную регулами тележку — символ старшего регула. Дункан понимал практические соображения, по которым Ставрос отказывался покинуть машину: скорость, мощь, мгновенный доступ к любому контуру в Номе, но он ненавидел политику, которую тот осуществлял — приспособление человека к регулам, подражание отношениям регулов.

— Сэр, — негромко отозвался Дункан, отвечая на приветствие; и в следующее мгновение он посмотрел на бая Хулага, внешне — сама учтивость, и дрожащий от гнева внутри, улыбнувшись, когда встретился со взглядом маленьких темных глаз старшего регула. Вид огромного неуклюжего монстра, закутанного в расшитый серебром газ, покрытого многочисленными складками жира, под которыми, особенно в нижних конечностях, почти полностью атрофировались мускулы, вызывал у Дункана отвращение. Темное, как и остальная кожа регула — правда, не такое глад-

кое, — лицо было похоже на костяную тарелку. Симметричные черты делали его похожим на человеческое, но каждая из черт по отдельности была абсолютно чуждой. Коричневые круглые глаза утонули в складках морщин. На месте носа остались щели, которые могли раздуваться или полностью закрываться. Рот с поджатыми губами напоминал заживающую рану в нижней части костяной тарелки. Сейчас ноздри Хулага были плотно сжаты: бай не хотел показывать свое неудовольствие. У регулов быстрые выдохи соответствовали нахмурившемуся лицу человека.

Хулаг внезапно демонстративно повернулся спиной к Дункану и улыбнулся Ставросу; глаза и ноздри регула расслабились, рот немного приоткрылся. Является ли такой жест естественным для регула или это всего лишь попытка подражать человеку, сказать было трудно.

— Как хорошо, что юноша Дункан вернулся, — пророкотал Хулаг на базовом языке.

— Да, — громко ответил Ставрос на языке регулов. Установленный на его тележке дисплей повернулся к Дункану; на нем появились слова на базовом языке: «Садись. Жди.»

Дункан отыскал стул возле стены и, усевшись, стал слушать. Ему хотелось узнать, почему его

вызвали на это совещание, почему Ставрос решил использовать его в этом устроенном явно для Хулага спектакле. Дункан плохо знал язык регулов, поэтому он мало что смог разобрать из слов бая, а ответов Ставроса вообще не понял. С того места, где он сидел, Дункану был хорошо виден дисплей старика, но ему удалось прочитать лишь несколько слов, написанных замысловатыми иероглифами — сами регулы почти никогда не использовали их: для них в этом не было нужды.

Регулу достаточно было один раз услышать что-либо, и он уже никогда это не забывал, независимо от сложности. Бумага им не требовалась. Свои записи они обычно надиктовывали на пленку, распечатывая их лишь в том случае, когда считалось, что те будут необходимы в течение очень долгого периода времени.

Услышав свое имя и фразу «освобожден от обязанностей», Дункан замер. Он сидел тихо, вцепившись руками в края массивного стула, пока два дипломата обменивались бесконечными любезностями. Наконец Хулаг собрался уезжать.

Тележка бая развернулась. Хулаг снова одарил его своей фальшивой улыбкой. — Славный денек, юноша, — сказал он.

У Дункана хватило ума подняться и поклонить-

ся, как подобало поступить юноше по отношению к старшему; и тележка умчалась в открытую дверь, оставив его сжимающим кулаки и глядящим на Ставроса.

— Садись, — сказал Ставрос.

Дверь закрылась. Дункан пододвинул стул к тележке старика. Окна потемнели, отрезая их от внешнего мира. Осталось лишь комнатное освещение.

— Мои поздравления, — произнес Ставрос. — Ты — великолепный актер!

— Меня переведут? — прямо спросил Дункан, вызвав недовольный блеск в глазах Ставроса. Дункан сразу же пожалел об этом — ведь Ставрос мог подумать, что он вот-вот сорвется, а Дункану вовсе не хотелось, чтобы у старика появились подобные мысли.

— Терпение, — посоветовал ему Ставрос. Затем он вызвал секретаря в приемной, велев никого не впускать, и лишь тогда, вздохнув, позволил себе расслабиться, по-прежнему пристально наблюдая за Дунканом. — Мне удалось уговорить Хулага, — заговорил Ставрос, — не снимать с тебя голову. Я сказал ему, что от пережитого тобой в пустыне твой рассудок помутился. Такое оправдание Хулага, похоже, устроило: это позволяет

ему считать свою гордость не задетой. Теперь он согласен терпеть твое присутствие, хотя это ему и не нравится.

— Этот регул, — сказал Дункан, упорно продолжая твердить свое, хотя это уже стоило ему карьеры, — уничтожил целую расу. Даже если он сам не нажимал кнопку, он приказал это сделать кому-то. Я представил вам свои выводы о событиях той ночи. Вы знаете, что я говорю правду. Вы знаете это.

— Официально, — проговорил Ставрос, — я не знаю. Дункан, пойми же меня, наконец! Дело не такое простое, как тебе бы хотелось. Хулаг сам пострадал от всего этого: он лишился корабля, своих юношей, остатков своего богатства, своего престижа и престижа рода. Род регулов, невероятно важный для человечества, может пасть! Ты понимаешь, что я тебе говорю? Род Хулага — против войны. Его падение будет опасно для всех нас, и не только для тех, кто сейчас находится на Кесрит. Речь идет о мире, ты понимаешь это?!

Они снова вернулись на круги своя. Здесь начинались споры, исход которых был уже предрешен. Дункан открыл было рот, чтобы снова, в который раз, упорно отстаивать свои выводы, но Ставрос нетерпеливым жестом велел ему

замолчать, зная тщетность всего этого разговора. Дункан вдруг почувствовал страшную усталость. Надежда покинула его. Он больше не верил тем, кто управлял Кесрит, и особенно этому человеку, которому он когда-то служил.

— Послушай, — резко бросил Ставрос. — На Хэйвене земляне тоже умирали…

— Я был там, — с горечью отозвался Дункан. Он не стал говорить о том, что Дункан не был на Хэйвене. Там, на Элаге-Хэйвене и остальных десяти планетах той зоны, многих из сослуживцев Дункана даже не удалось похоронить. А дипломаты отсиживались в глубоком тылу.

— Там земляне тоже умирали от рук мри, — настойчиво гнул свое Ставрос. — И земляне снова начнут умирать, если мир будет нарушен, если где-то регул, который желает войны, придет к власти… и еще получит наемников, подобных мри. Или ты не берешь это в расчет?

— Беру.

Ставрос некоторое время молчал. Он подъехал на своей тележке к столу и взял стоящую на краю чашку с соем. Сделав глоток, старик посмотрел на Дункана поверх чашки и снова поставил ее. — Я знаю, что это имеет значение, — сказал он в конце концов. — Дункан, мне жаль, что тебя

пришлось заменить.

Дункан впервые слышал это от Ставроса. — Да, сэр, — пробормотал Дункан. — Я знаю, это было необходимо.

— Причин было несколько, — сказал Ставрос. — Во-первых, ты нанес прямое оскорбление баю Хулагу, и тебе еще повезло, что после этого ты остался в живых. Во-вторых, ты попал в лазарет, и никто не знал, что с тобой… а мне была необходима помощь… — Он махнул рукой на свое тело, утонувшее в металле. — Ты не врач. И с этой точки зрения Эванс подходит куда лучше. А ты нигде не пропадешь.

Дункан слушал, с болью осознавая, что им играют, готовя для чего-то. Никто не смел управлять Джорджем Ставросом; Ставрос управлял всеми. В этом он был профессионалом; и разум в его упрятанном в металл теле был чужд человеческим условностям. Этот старик, задолго до возникновения планетарной разведки управлявший планетами и улаживавший военные конфликты, забросил семью и спокойную тихую старость ради поста губернатора на Кесрит. Еще недавно Дункану казалось, что между ним и Ставросом возникла некая привязанность; ради старика он был готов на все… даже поверил в него настоль-

ко, чтобы рассказать ему правду. Но для того, чтобы так коварно, даже безжалостно управлять другими, требовалось немалое искусство. Что ж, Ставрос недаром получил свое назначение; Дункан больше не верил ему; злости на то, что его использовали, у него не было… и он знал, что даже после всего происшедшего Ставрос умудрился солгать ему снова.

— Я, как мог, оправдывал твои действия, — сказал Ставрос. — Но теперь от тебя, как от моего помощника, пользы никакой. Да, мне удалось убедить Хулага терпеть твое присутствие. Но если ты опять возьмешься за старое, он вряд ли это вынесет, и тогда я не ручаюсь за твою жизнь. Мне не нужны подобные проблемы, Дункан, как, впрочем, и те, которые могут возникнуть в случае твоей смерти. Регул просто не поймет, что у нас убийство юноши — это то же самое, что и убийство старика.

— Я не хочу, чтобы меня выдворили с планеты.

— Не хочешь?

— Нет, сэр. Не хочу.

Ставрос вгляделся в него. — Ты буквально не отходишь от этих двоих мри. Это просто какая-то одержимость! Когда дело касается мри, ты просто теряешь рассудок, Дункан. Подумай. Объясни

мне. Что ты надеешься сделать или отыскать? Чем объяснить твою столь внезапную тягу к знаниям, эти часы в библиотеке, на глазах у регулов? Что ты ищешь?

— Я не знаю, сэр.

— Ты не знаешь. Но тебе нужна любая информация о мри.

Дункан стиснул зубы, откинулся назад и заставил себя дышать ровно. Ставрос молча ждал. — Я хочу знать, — в конце концов произнес Дункан, — что они из себя представляли. Я видел их мертвыми. На моих глазах умирала целая раса. Я хочу понять то, что я видел уничтоженным.

— Это бессмыслица.

— Я был там. Вы — нет. — Перед глазами Дункана вновь встала ночь, тьма, слепящий свет смерти. Тело мри, придавившее его; землянин и мри, оба такие беззащитные перед силами, уничтожившими расу.

Ставрос долго смотрел на него. Лицо старика было усталым, в глазах застыла непривычная для Ставроса жалость. — О чем ты думаешь? Что это из-за тебя погибла раса? Тебя гложет мысль, что ты не меньше Хулага виновен в случившемся?

Вопрос почти попал в цель. Дункан сидел тихо, зная, что не сможет спокойно говорить об этом.

Ставрос на некоторое время позволил воцариться тишине.

— Наверное, — в конце концов проговорил Ставрос, — будет лучше, если ты на некоторое время вернешься на «Сабер», в более привычную для тебя обстановку, где ты сможешь привести свои мысли в порядок.

— Нет, сэр. Лучше не будет. Вы сняли меня с должности. Я согласился с этим. Но дайте мне что-то еще: я не собираюсь уезжать домой или выходить в отставку. Дайте мне другое назначение, здесь, на Кесрит.

— Это просьба, как я понимаю.

— Да, сэр. Это просьба.

— Все твои поступки с тех пор, как ты стал моим секретарем, регул запомнил и считает далеко не случайными. А ты продолжаешь стоять на своем. Ты пришел сюда, чтобы помогать, ПлаР Дункан, а не формировать политику.

Дункан не ответил. В этом не было нужды. От продолжительной речи губы Ставроса свела судорога. Он тяжело дышал, и Дункану стало жаль старика: юноша вспомнил, что Ставрос болен, и, несмотря на это, пытается среди всех остальных обязанностей не забывать и о личном долге. И Дункан решил держать себя в руках.

— Ты обвинил бая Хулага в убийстве, — сказал наконец Ставрос. — Ты едва не свел на нет все дипломатические усилия на Кесрит. Возможно, ты считаешь себя правым. Хорошо, пускай… — Сиплый, напряженный голос Ставроса смягчился. — Хорошо, допустим, что ты действительно прав. Но не тебе это решать, Дункан. И ты должен знать это, будь ты хоть тысячу раз прав.

— Да, сэр, — произнес он очень тихо.

— Когда это произошло, — сказал Ставрос, — я был целиком на твоей стороне. И я уверен, что бай хотел убить тебя, хотя я и пытался его разубедить. Увидеть тебя среди мри — для него это было слишком. Я думаю, ты понимаешь это. И, наверное, ты думаешь, что в этом нет ничего особенного. Мне бы очень хотелось разубедить тебя в этом, Дункан. Но я не могу. Хулаг, скорее всего, действительно виновен. Но подобные обвинения вредят нашей нынешней политике. Мне удалось вернуть тебя живым. Это просто чудо, если учесть то, что творится здесь. Кроме того, мне удалось сохранить жизнь твоим мри.

— Жалкие остатки! Врачи…

— Да. Жалкие остатки. Но здесь ты уже ничего не исправишь, даже при всем твоем желании.

— Да, сэр.

— Врачи доложили мне, что ты практически здоров.

— Да, сэр. — Дункан глубоко вздохнул, решив, что Ставрос просто-напросто пытается успокоить его. Глядя, как губернатор неуклюже пристраивает пустую чашку в автомат, Дункан поднялся и помог старику, наполнив чашку, которую губернатор собирался предложить ему. Ставрос поблагодарил его, улыбнувшись одной стороной лица.

— Я все еще не тот, что прежде, — удрученно проговорил Ставрос. — Врачи ничего не обещают, но гимнастика делает свое дело. По крайней мере, я теперь уже гораздо лучше управляюсь с этим. Подай мне, пожалуйста, чашку.

Дункан выполнил просьбу, вложив чашку в руку Ставроса, потом уселся, сжимая в ладонях свою. Немного погодя он сделал первый глоток, наслаждаясь приятным теплом. Сой являлся слабым стимулятором. Дункан с удивлением обнаружил, что выпил больше, чем обычно пил в эти последние несколько дней; но с тех пор, как он побывал в пустыне, у него пропали вкусовые ощущения. Он отпил горячей жидкости и расслабился, думая, что Ставросу все же удалось втянуть его в свои искусные интриги, успокоить,

сместить, даже дать ему новое назначение; и о том, во имя чего все это делалось. Что ж, теперь ему оставалось только верить, что Ставрос все прекрасно понимает, и заискивания старика перед регулом — всего лишь игра.

— Мое публичное заявление было ошибкой, — это признание у Дункана еще никому не удавалось вырвать. — Нет, я прекрасно понимал, что я говорю. Но мне не следовало говорить об этом регулу.

— У тебя был упадок сил. Я все понимаю.

Дункан криво усмехнулся и отставил чашку в сторону.

— Парни из Службы безопасности накачали меня наркотиками, чтобы я помалкивал, и вам это известно. Так что это был не упадок сил.

— Ты говорил о священном месте, — сказал Ставрос. — Но в отчетах об этом ни слова, а на вопросы ты отвечать отказываешься. Это там ты нашел артефакт, который принес с собой?

Взгляд Дункана заметался, сердце бешено застучало. Руки задрожали. Пытаясь скрыть это, он потянулся за пластиковой чашкой и крепко стиснул ее обеими руками.

— Дункан?!

Тьма и пламя, сверкающий металлический

овоид у Ньюна на руках, словно ребенок — для мри он означал больше, чем их жизнь, жизнь последних из их рода. «Ничего не делай, — Мелеин прятала Дункана, пока он находился в том, святом для мри, месте, — ничего не трогай, ничего не разглядывай.» Он обманул их, отдав раненых мри землянам, чтобы спасти им жизнь; он отдал странный металлический овоид ученым, чтобы те смогли изучить этот артефакт. Он проболтался в бреду. Он смотрел на Ставроса, не в силах скрыть свою беспомощность, не зная, сколько и что именно он рассказал. И в лаборатории «Флауэра» действительно находился артефакт — отпираться было бессмысленно.

— Я думаю, мне лучше переписать доклад, — сказал Дункан. Он не знал, что еще сказать. Пока на планету не пришли парламентарии, здесь все решал губернатор. Но Ставрос не принадлежал к штатским и вынужден подчиняться приказам. Власть Ставроса была почти неограниченной. Он не мог отдать приказ о смертной казни, но отправить Дункана куда угодно, подальше от мри, от всех надежд попасть к ним, попасть на Кесрит, навсегда, — ему ничего не стоило.

— Тогда твой доклад не полон.

Дункан бросил на весы все.

— Я не мог решиться. Вначале я ничего не рассказал об этом, а потом, когда писал, не был уверен, что это вам нужно.

— Это ты можешь рассказать кому-нибудь другому, но не мне.

— Тогда мне было не до рассуждений. По правде… по правде, сэр, мне казалось, что вы ничего не хотите знать о мри и обо всем, что произошло. Я знал слишком много и совсем не был уверен, что за это меня не выпроводят с Кесрит. У меня до сих пор нет такой уверенности.

— Ты знаешь, насколько серьезны предъявленные тебе обвинения?

— Это граница, — сказал Дункан. — Я знаю, что вы можете все, что угодно. Даже расстрелять меня. Я не могу оценить, насколько много я знаю — или насколько это важно. Если можно уничтожить и забыть целую расу… то что есть я?

Ставрос нахмурился, сделал глоток, скривился и снова отодвинул чашку.

— Дункан, регулы живы, их жертвы — нет. Так что мы имеем дело с регулами, которые по-прежнему опасны… А мри… — Он подъехал поближе и заглянул Дункану в глаза. — У тебя, очевидно, есть собственное мнение относительно мри. Как бы ты поступил с ними?

— Отпустил бы их. Они не станут жить в плену.

— Так просто? Но последствия будут просто непредсказуемыми. А как же регулы?

— Мри не собираются воевать с регулами… и их только двое. Только двое…

— Этим двоим нечего терять, и бай Хулаг для них — враг номер один. А Хулаг возглавляет у регулов партию пацифистов, Дункан.

— Я знаю этих двоих мри, — сказал Дункан. — Здесь, на Кесрит, они лишь защищались и никому ничего не сделали плохого. Они пытались спастись, а мы не позволили им. Позвольте теперь им уйти, и они уйдут. Это их единственное желание.

— Пока.

— Для них нет завтра, — сказал Дункан и встретил недоумевающий взгляд Ставроса. — У них не будет потомков. Этих двоих разделяет табу. Но даже если это не так — десять, даже двадцать мри не будут значительной угрозой.

Ставрос нахмурился, отъехал назад, открыл дверь.

— Идем со мной, — проговорил он. — Наверх. Ты никуда еще не торопишься, я надеюсь.

— Да, сэр, — согласился Дункан. Ставрос, без со-

мнения, собирался вывести его из равновесия, и старику это удалось. Дункана просили сопровождать Ставроса при всех, на глазах у регулов. Что хотел продемонстрировать этим губернатор… может быть, то, что теперь он снова доверяет Дункану? Скорее всего, сейчас ему предложат неплохое место, попросив взамен невозможное, и в противном случае его ждет отправка на «Сабер». Теперь со Ставросом будет трудновато спорить.

Тележка легко покатилась по полу кабинета, мимо секретаря, миновала внешние двери, выехала в коридор. Дункан догнал ее, когда Ставрос остановился. Закрепившись на рельсах, можно было разогнать тележку так, что ни один человек не смог бы догнать ее, но Ставрос не стал этого делать. Он неторопливо ехал рядом с Дунканом.

— Первое, — сказал Ставрос, — больше никакой библиотеки. — И когда Дункан попытался было протестовать:

— Там ты будешь все время попадаться на глаза регулам, а мне это не нужно. Ученые с «Флауэра» отыщут все, что тебе необходимо, достаточно лишь описать это. Ты понял меня?

— Нет, сэр.

Некоторое время они шли молча, дожидаясь, пока попавшиеся им навстречу регулы не прой-

дут мимо; затем свернули за угол в ведущий наверх коридор.

— Я хочу, чтобы ты, — сказал Ставрос, — как можно больше времени пропадал на «Флауэре». Держись от регулов подальше. Свою навязчивую идею разрабатывай через посредников, и напиши мне подробный отчет — полный, на этот раз.

Дункан остановился.

— Я все еще не понимаю вас.

Ставрос накренил свою тележку и поднял глаза, чтобы взглянуть на него.

— Ты не ослышался. Я хочу, чтобы ты выложился весь и подготовил мне полный отчет о мри. Любые полномочия, какие захочешь, если только это не касается самих мри.

— Какой мне от этого толк? — спросил Дункан. — Я не ученый.

— То, что ты пережил, — проговорил Ставрос, — делает этот отчет бесценным. Не для исследователей, конечно, а для меня.

— Вы не могли бы объяснить это поподробнее?

Ставрос нахмурился.

— Я тебе кое-что расскажу, Дункан. Выслушай меня. Я не разделяю твоего энтузиазма по сохранению мри как расы. Они были вселенской чумой, бичом, в лучшем случае — анахронизмом

среди более мудрых рас. Но не мы, регулы… и не ты, Дункан, виновны в гибели их расы. Они вымирают потому, что не хотят постигать какой-либо иной жизненный путь. Нет милосердия, нет тюрем, нет переговоров или компромисса: для них есть лишь черное и белое, серый цвет им просто незнаком. Я не виню их за это; но их жизненный путь — это разрушение, и теперь, когда нет войны, они умирают: закон природы, если хочешь — я здесь не при чем. Попробуй доказать мне обратное, если сможешь. И будь осторожнее с ними. На самом деле они могут оказаться совсем не такими, как запомнил ты в своем бреду. И, в конце концов, эти двое мри кого-нибудь убьют: себя — непременно; скорее всего, тебя, и, может быть, кого-нибудь еще.

— Тогда мне необходим доступ к ним!

— Наверное.

— Мне нужно это сейчас! Я смогу поговорить с ними так, как прежде не удавалось никому. Уберите врачей с их наркотиками подальше от мри, пока эти двое еще в здравом уме.

— Дункан… — Ставрос снова медленно двинулся вверх по коридору. — Мри не берут пленных, и ты являешься единственным исключением из этого правила; единственным исключением за

сорок лет. Я надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что в пустыне они спасли тебе жизнь — это довольно странно для них. Они давали тебе пищу и воду, сохранили жизнь, вопреки твоему ожиданию; ты получил от них все необходимое, чтобы выжить. Когда ты предполагаешь плохое и получаешь вместо этого хорошее, возникает определенный эмоциональный эффект, даже когда подлинные мотивы такого поведения тебе неизвестны. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, сэр. Я думал об этом. Возможно, ваши подозрения обоснованны.

— И именно это ты собираешься узнать?

— Это, и многое другое.

Они достигли двери в апартаменты Ставроса. Ставрос открыл ее с пульта, заехал внутрь и, развернув тележку, посмотрел на стоящего в дверном проеме Дункана. В дальнем углу комнаты застыл, увидев их, удивленный юноша — Эванс. Дункан смотрел на того, на ком была сосредоточена вся его ожесточенная ревность: спокойный, не слишком приятный юноша.

— Тебе стоит денек повременить, — сказал Ставрос Дункану. — Побудь в Номе. Я приготовлю приказ о твоем переводе на «Флауэр»; к тому же, это поубавит эмоции тамошних штатских. Я

пошлю тебе его копию. И, думаю, ты понимаешь: мне не нужен еще один возмутитель спокойствия среди ученых «Флауэра»; они очень не любят военных. Будь тактичен. Тогда ты сможешь добиться от них куда большего.

— Да, сэр. — Дункан почти дрожал от волнения: он получил все, что хотел, почти все. — И доступ к самим мри…

— Нет. Нет еще. Нет еще. Иди. Дай мне время.

Дункан попытался как-то поблагодарить старика. Но это ему и прежде не всегда удавалось. В конце концов он что-то пробормотал и, неловко повернувшись, ушел.

— Сэр?

Ставрос развернул тележку, вспомнив, что к своему возвращению заказал обед. Он взял у Эванса чашку бульона, с недовольным видом отказавшись от посторонней помощи. По мере того, как его тело обретало былую подвижность и он мог обходиться без посторонней помощи, к Ставросу возвращалось прежнее высокомерие. Сам Ставрос считал причиной своего недовольства все еще непослушные мускулы, и Эванс сейчас просто подвернулся под руку. Он ворчливо поблагодарил помощника.

— Всю информацию о мри, — приказал он Эван-

су. — И о Стэне Дункане.

Эванс бросился выполнять приказ. Ставрос сидел и прихлебывал бульон, наслаждаясь приготовленной землянами пищей, где даже специй было столько и таких, к чему привыкли земляне. После долгого пребывания под опекой регулов это была настоящая роскошь, но вскоре Ставрос забыл о чашке в своей руке.

Он вдруг понял, что потерял Дункана.

Ставросу очень его не хватало, и сейчас, отпуская Стэна, он по-прежнему считал, что тот слишком устал. ПлаР, его телохранитель в ливрее слуги, которого выдернули из понемногу останавливающейся военной мясорубки, чтобы заставить ходить на задних лапках перед дипломатом. Дункан был еще молод, если можно когда-нибудь снова назвать молодым человека, видевшего сражение на Элаге-Хэйвене. Выдающиеся умственные способности, если верить записям, о которых Дункан, вполне возможно, никогда не подозревал: еще один из молодых людей, чьи судьбы изуродовала война, прежде чем они узнали, кем могли бы стать. Дункана научили воспринимать только приказы планетарной разведки: офицеры этого подразделения работали в одиночку и не привыкли к секретным

стратегическим планам. Обычно им давали только небольшие цели и приказывали выполнить это: все остальное их не касалось. Любой ПлаР мог приспособиться к чуждому окружению, выжить и вести боевые действия на территории врага.

Ставрос сам отправил ПлаРа изучать Кесрит.

И Кесрит едва не убила Дункана. Горнило пустыни изменило даже его внешность. Там, в пустыне, Стэн оставил что-то от прежнего Дункана — свою молодость, или, быть может, человечность. Теперь остались лишь шрамы; под иссушающим солнцем он носил вуаль мри, и половина его лица загорела; выжженные вокруг глаз морщины, от которых взгляд казался пронзительным и чужим. Дункан вернулся с больными от разреженного воздуха и едкой пыли легкими: у него появилась одышка; ставшее вдруг для своего хозяина неожиданно большим тело пригибалось книзу; странная осторожная походка, словно он не доверял почве под ногами. Дни в лазарете, весь арсенал современного оборудования, имеющийся на борту корабля-разведчика, вылечили тело Дункана, но осталась навечно рана в его душе, придававшая молодому ПлаРу вид фанатика.

Бай регулов не зря считал Стэна Дункана врагом. Регулы казались куда менее опасными, чем

мри. А Дункан ненавидел. И Дункан знал регулов лучше, чем любой из землян, кроме, разве что, самого Ставроса: ведь они вдвоем были первыми из землян, кто жил среди регулов. Они должны были первыми преодолеть этот барьер, чтобы здесь, на Кесрит, установить нормальные отношения между регулами и человечеством.

И больше всего Дункан ненавидел бая Хулага Алань-ни. Ведь именно Хулаг сделал то, в чем его обвинял Дункан: уничтожил расу мри, своих наемников, которые по приказу регулов истребляли разумные расы. Отчаянный страх и алчность, которые странным образом переплелись между собой, были тому причиной. Но теперь, испугавшись опалы и рассчитывая получить солидный куш от землян, бай Хулаг засуетился. Он оказался на мели на планете, которую собирался ограбить, среди землян, которых надеялся обмануть и опозорить. Поэтому бай Хулаг сделался сговорчивым и полезным.

Мало кто мог, как Дункан, произнеся «регул», постичь мысли и поступки этого создания, принадлежащего к какому-либо из родов. Регулы представляли собой странный симбиоз торговцев и ученых, но каждый их род, сплоченный родством и торговыми интересами, чаще всего был

таким же независимым, как отдельная нация. Хулаг был из рода Аланей, а Алани, новая сила на политической арене регулов, прекратили войну. Те, кто нанял мри для войны с землянами, были из рода Хольнов, главных конкурентов и врагов Аланей.

Род Хольнов вынужден был сдать Кесрит в конце войны; и в том, кто будет передавать планету землянам, Хольны проиграли Аланям. Но Хольны сумели отомстить: они улетели, ничего не рассказав Хулагу Алань-ни о планете Кесрит и о живущих на ней мри. Погода переменилась; Хулаг, безнадежно опаздывая с эвакуацией и вывозом ценностей с Кесрит, со дня на день ожидая прибытия землян, запаниковал. Именно тогда, в панике, стараясь избежать гнева новых хозяев планеты, Хулаг совершил убийство.

Возможно, истребив таким образом расу мри, бай Хулаг спас жизнь прибывающим землянам — всем, кто летел на «Сабере» и «Флауэре», «Фоксе» и «Ганнибале». Возможно, человечеству следовало с виноватым видом поблагодарить бая Хулага за эту чистку: ведь теперь землянам уже никто не будет угрожать.

Дункан, веривший в абсолютную справедливость, не мог согласиться с этим; но истина

заключалась в том, что род Аланей и его правитель, Хулаг, были с любой точки зрения полезны для Кесрит, главным образом из-за своей зависимости от землян и жгучей ненависти к роду Хольнов, который поставил их в такое незавидное положение. Для Дункана, как и для мри, существовало лишь черное и белое, справедливость и несправедливость. Объяснить Дункану, что род Аланей необходимо поддерживать, усиливать и натравлять на Хольнов, было невозможно: слишком долгий процесс и слишком нереальный для ПлаРа.

Кроме того, это Хольны наняли мри, и Хольны всегда правили ими — и теперь необходимо было завершить начатое Хулагом на Кесрит: всех оставшихся мри следовало уничтожить, проследив, чтобы Хольны не сохранили где-нибудь уцелевшие остатки этих безжалостных и искусных убийц, к которым Дункан так хорошо относился. Регулы без мри ни физически, ни органически воевать не могли. С мри регулы были способны на все. Если кто-нибудь из мри выжил, они наверняка не питают особой любви к роду Аланей — за то, что Хулаг сделал с их расой. И если мри сами начнут воевать… Что ж, призрак этой войны уже навис и над родом Аланей, и над

человечеством.

Суп скис во рту Ставроса, пока старик соображал, какие меры в конце концов придется принять в отношении двоих уцелевших мри, мри Дункана. Дункан был человеком твердых убеждений, прямым и бесхитростным. И Ставрос не хотел разрушать в ПлаРе то, что делало юношу одновременно ценным советником и надежным агентом.

Он любил Дункана как сына.

Поступи Ставрос так с одним из своих сыновей, он чувствовал бы куда меньшие угрызения совести.

# 2

Приказ вышел вечером. Ужиная в одиночестве в своей комнате в Номе, за столом, заваленным всевозможными бумагами по его работе и кропотливо собираемыми материалами, Дункан читал и перечитывал фотокопию.

«Связной по особым поручениям» — таково было название его должности, которое Ставрос выбрал, чтобы облегчить его вхождение в сплоченную команду «Флауэра». Приказ, по существу, причислял Дункана к гражданскому персоналу губернатора, а не к военным, о которых постоянно напоминали сеансы связи со станцией, и Дункан оценил это разграничение: теперь ученые «Флауэра» не будут стараться избегать его. На время проведения исследований Дункан получал некоторые полномочия, но не мог распоряжаться артефактами, информацией или людьми: он лишь самостоятельно выбирал направление исследований. Здесь вступала в действие часть приказа, где говорилось: «оказать полнейшее сотрудничество в продолжении его исследований…» Дункан в который раз читал

этот заключительный параграф, не находя в нем никаких оговорок, и изумлялся, что все это написал Ставрос.

Он начал искать причину и не нашел ее.

В течение часа прибыл пакет документов — не кассета с пленкой, которую можно было получить в Номе — и это мог сделать любой регул. Эти материалы земляне передавали только друг другу. Отметив это про себя, Дункан устроился поудобнее, примостив на коленях несколько папок, битком набитых информацией. Похоже, здесь собрали все, что было известно о пленных-мри. Дункан читал и перечитывал, впитывая все, в чем мог хотя бы чуть-чуть разобраться.

Немного погодя начали приходить поздравления от разных служб «Флауэра» — от охраны, от биологов; от доктора Луиса, седовласого главного хирурга, который заботился о Дункане, пока тот находился в лазарете на борту разведывательного корабля. Луис очень хорошо относился к Дункану. Именно с его молчаливого согласия Стэн каждый день бывал на «Флауэре», несмотря на то, что мог бы проходить все эти процедуры в Номе, подальше от мри. Именно Луис сдерживал не в меру рьяных исследователей; не позволил мри умереть, когда остальные врачи опустили

руки, считая это невозможным. Этому человеку Дункан доверял. Остальные приветствия были более официальными, и среди подчеркнуто вежливых слов сквозила холодность.

Всемогущий ставленник губернатора — таким он внезапно предстал перед учеными, вторгся в то, что было дорого их сердцам — чужак, ничего не смыслящий в исследованиях и работах, ради которых эти штатские забрались в такую даль, к пограничным мирам. Дункана не удивило их негодование. Им хотелось, чтобы его власть распространялась лишь на изменение условий жизни мри, а вот угрожать другим проектам он не мог. Первого он сам искренне желал; во втором сомневался, потому что это было излишне и неблагоразумно. Ставроса же нельзя было назвать человеком слишком щедрым — губернатор, скорее, ничего не делал просто так.

Дункана нацеливали на кого-то или на что-то; Стэн начал опасаться, что так оно и есть. Он снова понадобился старику и чувствовал себя послушным орудием в новой тайной войне против кого-то из врагов Ставроса — был ли то регул, какое-то состязание между штатскими и службой губернатора, или еще нечто более запутанное, включающее все вместе.

Сейчас, вырвавшись из-под опеки Ставроса, Дункан вновь обрел способность думать. Доверительный тон старика, который подхватывал человека, целиком отдавая его в руки Ставроса, больше не мешал ему, и все же Дункан чувствовал неодолимое желание отбросить свои подозрения и схватить приманку — ведь старик предлагал ему все, чего Стэн хотел, все, что для него имело значение.

Наваждение: Ставрос позвал его.

Дункан отозвался и пошел.

Утром на столе у дежурного по «Флауэру» Дункана поджидало множество сообщений от начальников подразделений, которые хотели бы встретиться с ним. Дункан почувствовал беспокойство. Он отложил бумажные дела и первo-наперво спустился в медицинскую секцию, думая о мри, чтобы, как всегда, удостовериться, что с ними все хорошо и им настолько спокойно, насколько это вообще возможно в подобных условиях — ну и, главным образом, что ни один не в меру рьяный исследователь не решил напоследок поработать с ними, прежде чем на любые эксперименты будет наложен запрет.

Но вот из своей секции Дункана окликнул доктор Луис; и через некоторое время Стэн с

удивлением обнаружил, что он, забыв о мри, спешит на конференцию, на которую собираются представители от различных отделов «Флауэра».

Дункан рассердился: он ненавидел подобные процедуры. Его представили собравшимся — прежде его знали как подобного мри, — один из объектов, который они исследовали, накачивая его транквилизаторами, когда Дункан, едва живой вернулся из пустыни, где человек выжить не мог. Он заставил себя улыбнуться и ответить на приветствия, затем откинулся в кресле и приготовился поскучать, выслушивая бесконечные перечни данных и взаимные претензии по объектам и складам. Он считал, что его умышленно затащили сюда — такова была их мелкая месть Ставросу. Дункан почти ничего не понимал в этих разговорах, и, кроме того, ему было просто неинтересно. Он сидел, исподтишка изучая манеры и лица остальных участников, прислушиваясь к мелочным перебранкам и отмечая про себя врагов и друзей — все это могло в дальнейшем пригодиться.

Но, снова прислушавшись к разговорам, он неожиданно заинтересовался: все обсуждали новости от военных, прибывших на станцию. По мере того, как он слушал, эти сведения все

более его тревожили. Разведывательный корабль «Фокс» вместе с крейсером «Ганнибал» и вспомогательным кораблем «Сантьяго» вернулись с Гэргайна, планеты звезды Литах, соседки Арайна; Гэргайн, с ее лишенными атмосферы лунами, была богата полезными ископаемыми и едва исследована регулами. Услышав новости, геологи навострили уши и загудели: часть специалистов «Флауэра» будет направлена на «Фокс». Ожидалось перераспределение экипажа в соответствии с новыми задачами; привлекались некоторые маститые ученые, занятые в проекте с мри. Дункан, поняв суть перестановок, встревожился: в его власти было повлиять на перемещения; наверное, ему следовало что-то сказать — по крайней мере, от него ждали каких-то возражений: ведь ставленник губернатора должен неплохо разбираться в кадровых вопросах. Но Дункан молчал.

Он сидел нахмурясь, пока нынешнее командование «Флауэра» преспокойно улаживало свои дела; ему было грустно, он чувствовал себя не на своем месте: по крайней мере, ему следовало набросать депешу Ставросу… а он не делал ничего, слишком поздно осознав, что на его глазах большинство отделов расформированы. Может быть, то была их своеобразная месть за

вмешательство губернатора. Те, кто дорожил своей независимостью от Ставроса, выставили Дункана на посмешище, а остальные даже не поддержали его.

Он был чужим среди этих академиков и политиканов. Он понимал, каким предстает в их глазах — хаки среди голубого и белого, ненавистный и смешной солдафон с грубыми руками. Под его сердитое молчание они покончили со своими делами и объявили перерыв. Некоторые задерживались, чтобы как ни в чем не бывало перекинуться с ним парой слов; те же, кто отправлялся на «Фокс», демонстративно направлялись к выходу, не обращая на него внимания. Он был по-прежнему вежлив со всеми, с горечью сознавая, что все еще не знает, кто здесь друг, а кто враг. Дункан был сама обходительность — о, Ставрос научил его улыбаться, когда хотелось плакать!

Но уже собравшись уходить, он вдруг почувствовал, что Луис положил руку ему на плечо, а в обращенной к нему улыбке ксенолога Боаз есть нечто большее, чем случайный интерес. Боаз была полной женщиной; голову ее венчала корона из пепельно-серых кос, а в речи чувствовался акцент уроженки Хэйвена.

— Ставрос сказал, что вы упоминали гробницу

мри, — заговорила Боаз.

Дункан взглянул на них. Глава медперсонала и небольшого роста полная женщина, отдел которой распоряжался всем имуществом мри — от этих двоих уже давно зависела жизнь Ньюна и Мелеин. Страсть ученого светилась в глазах Боаз. Ее маленький отдел, по существу, остался нетронутым и мог продолжать работу, а вот среди биомедиков Луиса перестановки повыбили немало признанных авторитетов: недовольные ученые мужи под предлогом разработки методик для будущих разведывательных полетов предпочли более комфортабельное существование на станции.

Оставшись на «Флауэре», Боаз и Луис оказались чуть ли не единственными старейшинами среди поредевшего экипажа разведывательного корабля.

И Луис был доволен выбором Боаз. Дункан внимательно посмотрел в лицо врача, снова перевел взгляд на женщину.

— Я действительно побывал там, — осторожно признал он. — Не знаю, правда, удастся ли отыскать его снова.

— Давайте поговорим в моем кабинете, — предложила Боаз.

— ПлаР Дункан, — снова послышался голос адъютанта. — Вас ожидают у шлюза.

Самолет ждал. Подождет. Дункан надавил клавишу на панели коммуникатора и наклонился к микрофону.

— Здесь Дункан. Сообщите им, что я подойду через несколько минут.

Теперь, когда Луис выдал ему официальное разрешение, он направился в охраняемую секцию лазарета. Ярко-красный значок позволял ему запросто посещать любые отсеки корабля, кроме оборудованных голосовыми замками. И теперь, когда перед ним мгновенно распахивались двери, он испытывал странное удовольствие от заискивающих взглядов охраны.

И когда он вошел в комнату Ньюна, охранник снаружи повернулся к нему спиной: не часто Дункан мог наслаждаться подобным уединением.

Он коснулся мри, наклонился и позвал его, все еще лелея надежду, что в самый последний момент у него будет возможность сделать иной выбор. Он снова получил довольно влиятельный пост; вернул столь необходимую благосклонность; избежал всех уготовленных ему хитрых ловушек; но когда он смотрел на худое, открытое лицо мри, никакого триумфа не ощущалось.

Как ему хотелось, чтобы Ньюну разрешили закрывать лицо; мри, скромные, гордые люди жили, скрываясь за вуалями. Проведя с Дунканом нескольких дней, Ньюн в конце концов почувствовал себя достаточно свободно, чтобы открыть ему свое лицо и начать говорить с землянином как равный с равным.

«Для нас нет иного пути, — сказал ему Ньюн, отказываясь от предложенной помощи: тогда мри еще мог выбирать. — Мы снова возродимся, как и прежде, или падем. Мы — мри; и это гораздо большее, чем название расы, Дункан. Это древний, древний путь. Это наш путь. И мы не изменимся.»

Теперь они уже почти не выбирали.

Дункан с горечью подумал, что лишь тот, кому они верили, мог предать их с такой тщательностью. Теперь он уже не сомневался, что они выживут — и за их свободу снова придется платить. И он — еще одно предательство — был готов выложить и то, что мри считали святынями. Так он покупал благосклонность подобных Боаз и Луису, все время мучаясь вопросом: во имя чего он все это делает? Мог ли Ньюн хотя бы попытаться понять его, или Дунканом двигал исключительно эгоизм?

— Ньюн, — нетерпеливо позвал он мри, страстно желая хотя бы ничтожного проблеска мысли в золотистых глазах, какого-то ободрения своим поступкам. Но Ньюн сегодня был где-то далеко: никакой реакции на имя или прикосновение руки.

Больше задерживаться Дункан не мог. Он попятился, все еще лелея надежду.

Ничего не произошло.

Пилот ему не требовался: с управлением он мог справиться сам. Но, поднявшись на борт, он обнаружил, что в пилотском кресле устроился рыжеволосый мужчина с эмблемами «Сабера» на рукаве. «ГАЛЕЙ, ЛЕЙТЕНАНТ» — извещала табличка на кармане.

— Извините, что задержался, — произнес Дункан. Приближался полдень, и воздух становился все более горячим. — Я, право, не знал, что полечу в компании.

Галей пожал плечами и запустил двигатель, вслушиваясь в пульсирующий ритм машины.

— Ничего. Здесь жарко, а внизу, возле опреснительного завода, настоящее пекло. Так что уж лучше я полетаю.

Дункан уселся в кресло второго пилота, разместил прибор, который вручила ему Боаз, на полу

между ног, и пристегнул ремни.

Самолет быстро поднялся в воздух и, клюнув носом, развернулся к холмам. Сейчас, когда они набирали высоту, их обдувал холодный воздух — невиданная роскошь после огнедышащей печи на земле.

— Вы знаете, куда мы летим? — спросил он Галея.

— Я знаю маршрут. Я вывозил вас оттуда.

Дункан снова посмотрел на него, пытаясь припомнить его лицо, и не смог. Тогда было темно, к тому же ему хватало других забот. Он моргнул, поняв, что пропустил мимо ушей последние слова Галея.

— Простите, — проговорил он. — Вы что-то спросили?

Галей снова пожал плечами.

— Не важно. Не важно. Как там дела у кел'енов? Все еще живы?

— Да, живы.

— Там, куда мы летим, нам что-то нужно найти, чтобы продолжить исследования мри?

— Да.

— Это опасно?

— Не знаю, — проговорил Дункан, впервые задумываясь над этим. — Может быть.

Несколько километров Галей летел молча, обдумывая услышанное. Белая гладь пустыни, кое-где надорванная одинокими скалами, стремительно летела навстречу. Дункан окинул взглядом окрестности и заметил внизу черные точки.

— Дусы, — сказал он. Галей склонился в сторону и посмотрел.

— Грязные звери, — только и сказал пилот.

Дункан промолчал, даже не попытавшись возразить. Большинство землян, от души желая смерти мри, сказало бы то же самое. Он рассматривал пустыню, которую упорно буравил нос их самолета, отмечая про себя, как местность становится все более суровой по мере приближения к нагорью, за путешествие по которому он так дорого заплатил. Даже сейчас, словно в странном сне глядя из стремительно летящего самолета вниз, где время словно бы остановилось и все было иначе, где он с таким трудом научился жить, Дункан чувствовал эту невыносимую боль.

Они кружили над Сил'атеном, притаившейся в нагорье долиной, похожей на вытянутую букву «Т». Щелочные дожди и постоянные ветры прогрызли этот каньон в высокогорном плато, заполнив его странными фигурами. Здесь все вре-

мя дули ветры. Внизу, среди осколков изваянных вечностью статуй из песчаника, по-прежнему лежали обломки самолета — плата за поимку Ньюна.

Когда они совершили посадку в долине и выбрались наружу, в раскаленный красный свет Арайна, тишина внезапно сомкнулась над ними и стало трудно дышать. Дункан мгновенно почувствовал, как отличается воздух снаружи от отфильтрованного воздуха герметичной кабины. Мучительный приступ кашля заставил его сразу же ухватиться за ранец со снаряжением. Фильтрующие маски и защитные очки были обязательной частью экипировки; Дункан надел их и приладил капюшон, защищающий от солнца. Галей тем временем делал то же самое. Маска не остановила приступ кашля, и Дункан сделал маленький глоток воды.

— С вами все в порядке? — голос Галея из-за маски казался чужим. Дункан смотрел на широкое, веснушчатое лицо, чувствуя облегчение от того, что среди этой тишины рядом с ним есть хотя бы одна живая душа. Но Галей казался каким-то чужим, даже говорить с ним было не о чем. Дункан закинул флягу за спину и, стараясь не прислушиваться к тишине, подхватил прибор.

— Да, все нормально, — проговорил он. — Послушайте, это долгая дорога вниз в каньон и вверх, на те скалы. Вам не стоит идти.

— У меня совсем другой приказ.

— Мне не доверяют? — вскинулся Дункан и сразу же пожалел об этом, увидев потрясенный и озадаченный взгляд Галея. Он махнул рукой: — Пошли. Смотрите себе под ноги.

Дункан шел мелкими шажками — самый удобный способ передвижения в разреженном воздухе. Галей тяжело ступал рядом с ним. Мри не зря носили свои одежды: открыть даже небольшой участок кожи такому солнцу было просто глупо. Но когда Галей начал смещаться в сторону манящей тени утесов, Дункан не последовал его примеру, и тому пришлось вернуться.

— Не заходите в тень, — проговорил Дункан. — Вы можете не заметить кое-кого, но они обязательно вас заметят. А в тени это произойдет намного быстрее.

Галей с тревогой посмотрел на него, но промолчал. Ветер пел странную песнь в скалах из песчаника.

То было царство духов: Сил'атен, место захоронения мри. Пока они шли, Дункан прислушивался к ветру и внимательно смотрел по сторонам,

на высокие утесы и пещеры, хранившие свои тайны.

Мертвый народ, мертвый мир. Древние могилы окружали землян: могилы на востоке, помеченные опрокинутыми бурей столбами; безымянные могилы на западе. Многие надписи уже давным-давно стер песок, а большинство столбов были разрушены в бушевавшем в Сил'атене сражении.

В песке они нашли обглоданные кости огромного дуса.

Увидев это, Дункан загрустил. Зверь был верным другом мри; почти всегда грустный, на первый взгляд неуклюжий защитник своих хозяев, он мог быть настолько же нежен, насколько был опасен.

Еще одна оборванная линия жизни.

Галей пнул череп.

— Пожиратели падали зря времени не теряют, — проговорил он.

— Не прикасайся! — резко проговорил Дункан. Галей моргнул и, насупившись, выпрямился.

Тем не менее, наблюдение было правильным: здесь, на этих на первый взгляд безжизненных землях, пожирателей падали хватало. Уронив что-то на песок, можно было смело проститься с

этим; а с теми, кто оступился или совершил ошибку, в мгновение ока расправлялись безжалостные хищники. Сами мри без дусов, служивших им проводниками, не ходили по пустыне ночью. Даже днем следовало обязательно смотреть себе под ноги и постоянно наблюдать за камнями, где могла поджидать засада. Дункан умел по небольшим углублениям в песке замечать логова буроверов; знал, что солнце должно все время находиться между тобой и камнями, чтобы не попасть под ядовитые нити цветков ветра. Он мог, если нужно, отыскать воду; умел прятаться: это было легче легкого в Сил'атене, где вечные ветры высекали в скалах коридоры и песок засыпал след, едва нога отрывалась от земли. Пыльные смерчи туманом стелились над землей, изредка вздрагивая под сильными порывами свистящего ветра, вздымающего тучи песка.

Здесь, в пустыне, далеко-далеко отовсюду, словно решив исчезнуть без следа, нашли свой последний приют мри… И Ньюн тоже пришел бы сюда.

Здесь жили мри. Дункан хорошо помнил все, что ему по крупицам удалось отыскать в многовековых записях регулов, выудить всеми правдами и неправдами из ученых-землян. Где-то здесь во-

ины мри сражались в поединках друг с другом… сражались вместо регулов, вначале нанимавших их против воинов других регулов, воинов, которые тоже были мри. Бесконечная череда описаний сражений в анналах регулов, отличающихся лишь начальными фразами: «Мри (в одиночку) рода Хольнов победил мри (двух) рода Хорага; Хораг (неразборчиво) удалился прочь (неразборчиво).»

Вот так это начиналось здесь… до тех пор, пока Хольны не бросили мри против человечества, а не против мри. Странные воины-одиночки: земляне помнили, как единственный мри высмеивал человеческий форпост, собираясь продать свою жизнь подороже, чем того хотелось бы землянам. Опытные командиры, зная ярость идущих на смерть мри-берсеркеров, удерживали своих людей от ответа, какой бы грубой не была провокация, пока мри с неподражаемым высокомерием не возвращались обратно на свою территорию.

Может быть, то был просто-напросто вызов, и они ждали ответного?

Ньюн, по крайней мере, поступил бы точно также.

Ньюн, носивший на двух опоясывающих грудь

и бедра ремнях оружие, одинаково виртуозно владевший лазером и мечом с тонким, покрытым узором клинком, казался анахронизмом в этой войне.

«Древний, древний путь», — называл это Ньюн.

И здесь находилось то, что уцелело.

В этом месте, там, где утесы из песчаника начали смыкаться над ними, а глубокие тени таили неприкрытую угрозу, где каждый камень был древней святыней, повсюду чувствовалось дыхание смерти, никогда не знавшей землян. А дальше в скалах скрывались еще более чуждые места, где часовые-мри умирали на своих постах, верные одним лишь им ведомому долгу, охраняя пещеры, в которых таились предметы более опасные, чем смерть.

Он это уже повидал.

Там, за утесами, где каньон перегораживала похожая на величественные руины каменная стена.

— Как далеко мы забрались? — спросил Галей, тревожно посматривая на обступившие их скалы. — Нам придется лезть наверх?

— Да, — сказал Дункан.

Галей посмотрел на него и осторожно заша-

гал следом, когда Дункан принялся отыскивать петлявшую между камней знакомую тропку шириной чуть больше следа дуса. Больше он вопросов не задавал.

Дункан хорошо запомнил путь наверх, скрывающийся в полной опасностей тени. Он на мгновение закрыл глаза, вспоминая подробности тропы, и медленно двинулся в гору.

Поднимаясь наверх, он поймал себя на мысли, что часто останавливается передохнуть, прокашляться и выпить немного воды — с каждым шагом воздух становился все более разряженным, и Дункан страдал, несмотря на маску. Галей тоже начал кашлять и пить слишком много воды. Дункан, недавно выбравшийся из корабельного лазарета, думал, что Галей сможет нести больше оборудования; но привыкший к стерильному, автоматизированному быту «Сабера» лейтенант двигался с огромным трудом.

Они в конце концов одолели хребет и вышли на освещенное солнцем плато, окруженное высокими шпилями скал. Дальше тропы не было — как и в Сил'атене, ветер давным-давно уничтожил следы проходивших здесь мри.

Дункан стоял, думая о том, что Арайн вот-вот исчезнет за шпилями, и осторожно вдыхал воз-

дух, всем своим существом изучая окружающий мир. Побывав на дюжине новых планет, он выработал особое чувство земли, будоражившее его сейчас где-то на пороге сознания. Галей собрался что-то спросить, но Дункан приказал ему молчать и некоторое время стоял, прислушиваясь. Вездесущий ветер танцевал и пел среди шпилей, налетая на землян. Дункан повернул влево.

— Иди за мной, — проговорил он. — Молча. В прошлый раз я шел здесь в темноте, и все обошлось.

Галей, по-прежнему тяжело дыша, пробормотал согласие. Больше он не проронил ни слова, и Дункан смог забыть о его присутствии, пока они шли. Он куда охотнее оставил бы Галея: выполняя задачу, он привык все делать в одиночку, не задумываясь о составлении графиков или отчетов, и ночь под открытым небом его не тревожила. Будучи ПлаРом, он не слишком уважал оторванных от безопасности своих кораблей представителей регулярных войск и их чинопочитание.

Дункану вдруг пришло в голову, что никто из экипажа «Флауэра» не мог приказать офицеру с «Сабера» сопровождать его.

Ставрос — другое дело.

Темнота застала их на плато. Дункан помнил,

что в прошлый раз это случилось, когда он вместе с мри проходил мимо нескольких одиноких скал, пересекая широкую полосу песка на пути к отдаленным утесам.

— Можно продолжать идти, — неуверенно предложил Галей; в голосе его чувствовалось некоторое напряжение.

Дункан покачал головой, отыскал довольно безопасный уголок и устроился на ночлег. Завернувшись в одеяло с подогревом, он почувствовал себя намного более комфортабельно, чем в ту ночь. Они сняли маски и поели, хотя аппетит у Галея был неважным, а потом погрузились в беспокойный сон.

На фоне ночного неба мелькнула крылатая тень джо, на краткие мгновения зависая в воздухе. Дункана разбудил настойчивый шепот Галея: тот услышал подозрительный шорох в камнях. Он сел, вглядываясь во тьму. Галей снова уснул, или делал вид, что спит. Вдалеке, на песчаной равнине, Дункан разглядел черный силуэт охотящегося дуса; вот зверь шагнул в еще более густую тень одиноких скал и пропал.

Дункан слушал ветер, смотрел на звезды и внезапно понял, каков его собственный путь.

Едва блики рассвета раскрасили землю, они

выбрались из-под одеял и снова отправились в путь, ежась от утреннего холода. Галей прихрамывал и, казалось, впал в какое-то оцепенение — сказывалось напряжение минувшего дня.

Окрашенные багровым солнцем, похожие друг на друга скалы по-прежнему смыкались вокруг. Но они шли верной дорогой: зрительная память Дункана оказалась на высоте. Но он по-прежнему молчал, не пытаясь завести разговор.

Наконец перед ними оказался проход в камнях. От дюжины своих собратьев он отличался лишь характерным каменным козырьком, склонившимся над ним с левой стороны и лежащей внутри бездонной тенью.

Дункан медлил; он внезапно подумал, что даже сейчас еще не поздно все изменить: он мог водить Галея кругами, пока у них не кончились бы припасы, и убедить всех, что просто не смог отыскать то место. А без него крохотному отряду Боаз понадобится все их мастерство и немало сил, чтобы найти тайник. Пока земляне отыщут его, на Кесрит сменится не одно поколение колонистов.

Но мертвым не нужны святыни. И было бы несправедливо допустить, чтобы все это погибло, чтобы во вселенной бесследно исчезла целая раса разумных существ.

— Здесь, — произнес Дункан и повел Галея знакомым путем, не раз преследовавшим его в ночных кошмарах, по длинному тесному коридору между песчаными утесами, которые постепенно смыкались над головой, закрывая небо. Коридор изгибался и, казалось, закручивался в спираль, опускаясь в мрак и холод. Дункан включил свой крохотный фонариком, и тонкий лучик света выхватывал узоры надписей на стенах, с каждым поворотом уводящих все ниже и ниже.

Дневной свет померк, замер, потух, когда они дошли до тупика, которым оканчивался их спуск. Они стояли в вырубленном в скалах глубоком колодце; где-то высоко-высоко над головой виднелось небо. Стены здесь тоже были покрыты символами; повсюду на стенах и на распахнутой металлической двери в дальней стене колодца виднелись черные следы огня.

Галей выругался: это человеческое святотатство резануло слух Дункана, и он посмотрел влево, туда, куда вглядывался Галей. В стенной нише покоились груда костей и истлевшие обрывки черной мантии. Страж святилища. Ньюн оказал ему почести; Дункан понимал, что должен сделать нечто подобное, и не знал как.

— Ничего не трогай, — бросил он, мгновенно

вспомнив точно такие же слова Мелеин, обращенные к нему, и пронизывающее холодом эхо в глубоком колодце.

Он поспешил заняться делом — опустился на колени на освещенный солнцем песок и распаковал оборудование, которое принес с собой: видеокамеру, фотоаппараты и, самое главное, радиомаяк. Включив его, Дункан неожиданно осознал, что теперь земляне придут сюда — ведь разведывательный самолет без труда обнаружит сигнал.

Затем он поднялся, снимая видеокамерой колодец, письмена, стража, дверной проем с выломанным замком и следы разрушительного пламени.

Наконец он осмелился шагнуть во мрак, окутывающий святилище, куда не осмеливался войти даже Ньюн — только Мелеин, оставив Ньюна охранять дверь. Дункан затаил дыхание и включил камеру и свой фонарик, чтобы исследовать оставшиеся руины.

Святилище: здесь повсюду сверкала изуродованная пламенем сталь: разрушенные панели, застывшие ряды искореженных безжизненных машин. Дункан знал, что найдет здесь: в ту ночь, когда мри разрушали святилище, он слышал

звуки работы машин.

И все же с таким благоговением относившиеся к машинам мри унесли отсюда лишь то, что по-видимому считали самым ценным — артефакт.

И землянин Дункан неожиданно засомневался: он вспомнил, что мри ни разу не позволяли ему быть хоть в чем-то уверенным, не видя в этом особой необходимости.

Святилище оказалось залом машин, а предмет, который Нью с такой любовью нес отсюда, покоившийся теперь во чреве «Флауэра», неожиданно стал зловещим и смертельно опасным… возможно, это оружие, которое может сработать во время его изучения. Что ж, вполне возможно: ведь среди мри было принято забирать своих врагов с собой в могилу. Тогда понятно, почему Ньюн так дорожил им. Однако Боаз и служба безопасности почему-то были уверены, что это не оружие.

Где-то здесь, в разграбленных и опустевших комнатах, артефакту было отведено почетное место. Дункан снова поднял камеру и двинулся вдоль рядов сожженных машин, освещая каждую утонувшую во мраке щелку, где лежал еще не тронутый ветром пепел. Следом сюда придут люди Боаз; компьютерщики станут исследовать обломки машин, но вряд ли это что-нибудь даст.

Мелеин основательно поработала, чтобы землянам не досталось ничего — и так было всегда.

Дункан получил все, что хотел, все, что ему осталось. Он направился к выходу, задержавшись на миг, чтобы бросить прощальный взгляд — словно это могло помочь ему постигнуть сущность мри.

— Сэр? — позвал снаружи Галей.

Дункан резко повернулся и шагнул навстречу лейтенанту, в день; сдвинул маску, — ему вдруг показалось, что та перестала вырабатывать кислород, — радуясь тому, что может вдохнуть едкий, пронизанный солнечным светом воздух, очищенный ветром. В этом совершенно ином, полном жизни мире, перед ним возникло широкое встревоженное лицо Галея.

— Пошли, — сказал Дункан лейтенанту. — Давай выбираться отсюда.

Когда они достигли края плато и ступили на ведущую в Сил'атен тропинку, что петляла среди камней, каньон внизу скрылся в глубокой тени. Рядом с ним день клонился к вечеру; внизу, в каньоне уже сгущались сумерки.

— Похоже, пока мы дойдем до самолета, опять стемнеет, — сказал Дункан.

— Мы обязательно должны успеть? — спросил

Галей.

Дункан покачал головой.

— Нет. Когда стемнеет, остановимся на ночлег.

По лицу Галея нельзя было сказать, что это известие его обрадовало. Скорее всего, тот, кто посылал лейтенанта, забыл предупредить его о том, что придется ночевать под открытым небом. На обратном пути из-за разреженного сухого воздуха у Дункана снова пошла кровь из носа; Галей кашлял все сильнее, и еще одна ночь на воздухе принесет лейтенанту немало страданий.

Галей начал спускаться первым, расшвыривая камни; от его прежней спешки не осталось и следа. И внезапно он остановился.

Дункан в тоже мгновение услышал далекий нарастающий гул самолета: вот он промчался над ними и вернулся снова. Дункан посмотрел на Галея: лейтенант тоже казался встревоженным.

— Может, это из-за погоды, — проговорил Галей, — или что-то случилось в порту.

Дункан судорожно нажал клавишу передатчика, решив: если действительно что-то случилось, с самолета их должны вызывать. Тишина.

— Идем, — сказал он Галею.

Пока они одолевали опасный спуск, самолет не появлялся. Отдых был забыт; Дункан, почув-

ствовав, что задыхается от крови, стащил маску и вытер лицо. На руке осталась красная полоса. Голова кружилась, камни расплывались перед глазами. Нащупывая дорогу, он следовал за Галеем, с трудом передвигая ноги по рыхлому песку долины.

— Вы же недавно из госпиталя, — заговорил Галей, дотронувшись до ремней его поклажи. — Позвольте мне нести хотя бы аппаратуру. Вам будет куда легче.

— Нет, — со слепым упорством отозвался Дункан. Он собрался с силами и продолжал шагать; тревога не покидала его. Галей старался держаться рядом.

Пройдя еще один километр вверх по каньону, Дункан обнаружил, что силы его на пределе. Задыхаясь в мучительном кашле, он отдал аппаратуру Галею, который шел рядом, тоже страдая от холодного воздуха, обдирающего горло при каждом вдохе. Чувствуя невыносимое одиночество, они шагали среди мрачных могил, неся не принадлежащие человечеству сведения, которых жаждали другие.

А в каньон, ревя мотором, неторопливо спускалась неуклюжая машина регулов. Галей выругался. Дункан молча следил за ее приближением.

Ничего нельзя было сделать, некуда бежать, даже негде спрятать аппаратуру. До камней было далеко, вокруг был лишь песок, и регулы видели их как на ладони.

Машина подъехала к ним и остановились. Откинулся колпак кабины. Молодой регул наградил их своей улыбкой, продемонстрировав частокол загнутых внутрь зубов.

— Помощник Стэн Дункан, — заговорил он. — Мы очень-очень беспокоимся. Все в порядке? Все в порядке?

— В полном, — произнес Дункан. — Убирайтесь. Нам не нужна помощь.

Улыбка осталась. Круглые коричневые глаза изучали лицо Дункана, его руки, оборудование, которое несли земляне.

— Разреженный воздух. Возможно, тяжелый груз? Прошу вас, садитесь сзади. Я повезу вас. Здесь много нехорошего, близится ночь. Я Сут Хораг-ги. Бай Хулаг посылает меня. Его превосходительство серьезно беспокоится… ему бы не хотелось, помощник Стэн Дункан, чтобы с экспедицией землян что-нибудь случилось в этой пустыне. Мы заберем вас назад.

Машина была небольшой; сзади размещался грузовой кузов, где можно было прекрасно разме-

ститься троим. Ничего подозрительного Дункан не заметил. К тому же, отказываться было глупо: ведь машина довезет их куда быстрее.

Но Дункан не верил ни одному слову регула — он вообще не доверял регулам. Галей по-прежнему не двигался, ожидая знака Дункана. Дункан, которого не покидало дурное предчувствие, забрался в кузов и подвинулся, освобождая место для Галея. Тот уселся рядом, осторожно пристроив оборудование на коленях. Машина затряслась, медленно разворачиваясь на песке.

— Регулы, должно быть, приземлились возле нашего самолета, — прокричал Галей ему в ухо. Дункан понял, что тот хотел сказать: регулы рядом с самолетом, а они не приняли никаких мер безопасности: ведь на Кесрит у землян не было врагов, которых следовало опасаться. Он обругал себя за беспечность.

Земляне, конечно, были вооружены. И если дело дойдет до драки, регулам придется несладко. Не следовало, правда, забывать, что жизни юношей у регулов не стоили ломаного гроша.

К тому же, их направил сюда его превосходительство бай Хулаг… тот самый Хулаг, который боялся мри настолько, что готов был даже на убийство.

Дункан коснулся руки Галея и, используя принятую в случае чрезвычайных ситуаций в космосе систему сигналов, передал: «Внимание. Противник.»

«Друзья», — недоуменно просигналил в ответ Галей. Сказывалось влияние соглашения, навязавшего землянам на Кесрит это вынужденное сотрудничество. Галей, несомненно, растерялся. Земляне недолюбливали регулов, но больше не считали их своими врагами.

«Опасность, — отозвался Дункан. — Возможно. Будь внимателен.»

«Стрельба?» — поинтересовался Галей.

«Возможно», — ответил он.

Машина шла на довольно приличной скорости, и земляне с трудом удерживались в кузове. Но по сравнению с ожидавшим их прежде смертельно опасным и долгим переходом и, скорее всего, еще одной ночевкой под открытым небом, это была довольно недолгая и удобная поездка. Дункан пытался унять поселившийся в душе страх, заставляя себя думать, что эти регулы, скорее всего, всего лишь стараются помочь им, опасаясь немилости Ставроса в случае их пропажи.

Но ему не удалось убедить себя. Их окружали регулы, и помощь была далека. Они проехали

поворот и увидели, что самолет регулов действительно стоял рядом с их собственным. Они направлялись прямо к нему. Дункан потянул ремни из рук Галея, забрав себе все оборудование, затем кивнул лейтенанту и, прежде, чем неповоротливый регул смог ему помешать, выпрыгнул из кузова, перекатился и поднялся на ноги.

Они прошли уже большую часть пути к спасительному корпусу своего самолета, прежде чем водитель-регул повернул машину, пытаясь преградить им путь, а по трапу самолета регулов начали спускаться другие юноши.

— С вами все в порядке? Вы выпали из кузова? — затараторил водитель-регул.

— Нет, — сказал Дункан. — Все нормально. Теперь нам пора на базу. Спасибо вам.

Это не помогло. Остальные юноши с широкими дружелюбными улыбками окружали их, не давая пройти.

— Ах! — запричитал Сут Хораг-ги, вылезая из кабины. — У вас с собой картинки! Сокровища мри?

— Собственность Ставроса, — резко бросил Дункан и стремительно — что, как он знал, было преимуществом землян, — отодвинув плечом юношу, вырвался из окружения и зашагал к

трапу своего самолета, не обращая внимание на юношу, который пытался ему помешать.

— Какое счастье, — говорил тот с подобающим юноше подобострастием, — какое счастье, что с вами ничего не случилось, помощник Стэн Дункан.

— Да, благодарю вас. Мой поклон его превосходительству баю Хулагу.

Он говорил на языке регулов, а регул — на языке землян. Дункан довольно грубо отпихнул плечом массивного, неповоротливого юнца, но регулу вряд ли было больно. От удара тот качнулся в сторону, и человек смог пройти мимо него. Галей нагнал Дункана на трапе; лейтенант почти бежал. Они поднялись в самолет, обнаружив на борту еще одного юнца.

— На выход, — приказал Дункан. — Будьте так любезны, возвращайтесь к себе. Мы взлетаем немедленно.

Тот удивленно посмотрел на них, потом покорно последовал к выходу, шумно втягивая воздух — у регулов это считалось проявлением вежливости. Улыбаясь открытым ртом, он неторопливо заковылял вниз по трапу. Дункан опустил аппаратуру на пол и, бросившись к пульту, ударил по клавише, чтобы сразу же, как только юнец

сойдет вниз, поднять трап, а Галей захлопнул люк и повернул запирающее колесо.

Дункан почувствовал, что дрожит. Галей, наверное, тоже, — подумал он.

— Что им нужно? — срывающимся голосом спросил Галей.

— Прежде чем взлететь, проверь самолет, — сказал Дункан. — Проверь все, что может выйти из строя. — Галей сорвал маску и очки, негромко выругался, пристально посмотрел на Дункана, затем отшвырнул их в сторону и принялся за дело, тщательно проверяя панели и их начинку.

Однако даже самая тщательная проверка ничего не дала. — Хотелось бы мне найти хоть что-нибудь, — пробормотал Галей, и Дункан яростно кивнул. Регулы по-прежнему ждали снаружи.

Галей запустил двигатели, не спеша проверил систему контроля, развернулся и, поднявшись на несколько футов, нарочно направил самолет так, чтобы поднятый струями двигателей песок слегка запорошил самолет регулов. Увидев прямо над собой самолет, регулы, неуклюже переваливаясь и спотыкаясь, бросились врассыпную, стараясь спрятаться.

Дункан, как старший по званию, не должен

был оставлять подобные вещи без замечания. Но он промолчал. Стиснув зубы, он вжался в кресло, пока самолет набирал высоту; его рука вцепилась в сиденье с такой силой, что когда самолет оказался на безопасной высоте и Дункан через добрый промежуток времени взглянул на руку, его пальцы онемели, а в обивке кресла остались глубокие следы.

— Решили помотать нервы, — сказал он Галею. — Помотать нервы… или, что бы они там ни собирались сделать, им просто не хватило времени.

Галей посмотрел на него. Несмотря на молодость, на рукаве лейтенанта было около полудюжины нашивок, каждая из которых обозначала новую планету. Но сейчас он не на шутку перепугался, и его рассказ об этой встрече с регулами надолго запомнят кадровые офицеры «Сабера».

— Пусть разбирается Ставрос, — сказал Дункан Галею — на регулов и даже на самого старика ему сейчас было наплевать. — Чем меньше об этом узнают, тем лучше. Не стоит повторять моих ошибок.

Дункан хорошо знал, какой репутацией он пользуется среди офицеров регулярной армии: спятивший ПлаР, назвавший убийцей могущественного союзника. Это навечно останется в его

послужном списке, если только вмешательство Ставроса не обеспечит ему на Кесрит стремительное продвижение по служебной лестнице. Тогда эта запись уже не сможет повредить ему… но подобное казалось действительно невероятным.

Галей казалось понял его и теперь выглядел совсем растерянным.

— Да, сэр, — тихо пробормотал он. — Да.

Наконец показались огни планетарной базы. Они сделали круг, сообщили свой код службе безопасности и приземлились рядом с «Флауэром». Расстегнув ремни, Дункан подхватил стоящий на полу футляр с аппаратурой. Галей распахнул створки люка, спустил трап, и Дункан, облегченно вздохнув, на подгибающихся ногах спустился навстречу вооруженному эскорту.

Он видел через поле, как рядом с Номом заходит на посадку другой самолет — регулы торопились сообщить своему начальству о случившемся.

Офицер службы безопасности попытался забрать у Дункана аппаратуру.

— Нет, — резко сказал тот, и офицер сразу же посторонился.

Где-то в этой толчее Дункан потерял Галея, и теперь жалел, что не успел поблагодарить лейтенанта, который так его выручил. Но ноги ПлаРа

уже ступили на трап «Флауэра»; в ночном сумраке сверкал огнями открытый люк. В окружении офицеров службы безопасности Дункан прошел внутрь, спустился в нижние коридоры и направился в секцию ученых.

Его встретила встревоженная Боаз в белом халате. Он выложил аппаратуру на стол — та была слишком тяжелой для женских рук.

Больше она ему не потребуется. Он сделал все, что хотели от него власти Кесрит, продав землянам то, что мри считали своими святынями. Эти сведения и хранящийся здесь, за дверями, оснащенными голосовыми замками, странный металлический овоид находились в руках землян, а не регулов, и в нынешних обстоятельствах это было лучшее, что мог сделать Дункан.

# 3

Когда улеглись первые волнения от доставленных Дунканом новых сведений, большинство ученых «Флауэра» отправились спать. Лаборатории опять закрыли, лишь часть команды заступила на ночную вахту. Корабль словно бы впал в изредка нарушаемое звуками машин и шепотом вентиляции призрачное оцепенение, так непохожее на сумасшедшую суету, что царила днем в этих узких коридорах.

Дункан добрался наконец до койки в своей каюте, где не нужно было вздрагивать при каждом шорохе. Здесь была ванна (правда, бортовой рацион позволял только химическую), — а о чем еще можно мечтать после трехчасового доклада? Часы показывали 01:00 по местному времени, к которому Дункан привык.

Но, несмотря на поздний час, Дункан сначала спустился в медицинскую секцию — навестить Ньюна. Для мри, лежащего в наркотическом сне, не существовало ни дня, ни ночи. Лечение не помогало ему, он угасал буквально на глазах. Луис после ожесточенных споров с Дунканом обещал

снизить дозу.

Вот и сейчас, когда Дункан заговорил с мри, ответом ему было молчание. Он коснулся плеча Ньюна и легонько потряс его. Худоба мри привела Дункана в ужас.

Мышцы дрогнули. Мри глубоко вздохнул и зашевелился в постоянно опутывающих его ремнях; прикрытые мигательной перепонкой золотистые глаза приоткрылись. Взгляд Ньюна был диким и недоуменным.

— Ньюн, — прошептал Дункан, потом позвал громче: — Ньюн!

Борьба продолжалась, и все же мри, казалось, даже несмотря на пожатие руки Дункана, с трудом осознает его присутствие. Что-то иное подчинило себе разум Ньюна, и в широко раскрытых золотистых глаза застыл ужас.

— Ньюн, перестань. Это Дункан. С тобой Дункан. Успокойся и посмотри на меня.

— Дункан? — мри вдруг обмяк; грудь его тяжело вздымалась, словно он вернулся из какого-то невообразимого далека. — Дусы пропали.

Как жалок был этот бред! Еще недавно быстрый телом и разумом Ньюн казался сейчас странно растерянным. Дункан взял его за руку и, зная гордость мри, уголком простыни прикрыл нижнюю

часть лица юноши.

Ощущение реальности медленно возвращалось в эти чужие глаза.

— Выпусти меня, Дункан.

— Я не могу, — с жалким видом проговорил землянин. — Я не могу, Ньюн.

Взгляд снова затуманился, скользнул куда-то в сторону. Мышцы руки обмякли.

— Мелеин, — пробормотал Ньюн.

— С ней все хорошо. — Дункан до боли стискивал руку мри, пытаясь заставить юношу расслышать его слова. Но мри уже погрузился в свой сон. Дыхание его участилось, он снова заметался в бреду.

И наконец затих.

Дункан отпустил руку Ньюна и пошел к выходу — вначале медленно, затем быстрее. Происшедшее огорчило и испугало землянина, но в одном сомневаться не приходилось: Ньюн постепенно побеждал наркотик; мри узнавал Дункана, говорил с ним. Вероятно, начинал сказываться иной обмен веществ, а, может быть, Луис, несмотря на свои громогласные возражения, все же уменьшил дозу.

Он вышел к главному шлюзу, где находился пост наружной охраны, который фиксировал

всех приходящих и уходящих с корабля. Расписавшись в журнале, Дункан положил ручку.

— Трудные времена, сэр? — искренне поинтересовался знакомый охранник, Тереки.

— Вроде того, вроде того, — пробормотал Дункан, потирая свой колючий подбородок и глядя на Тереки воспаленными глазами. — Передай Луису, когда он проснется, что я немедленно хочу поговорить с ним.

— Слушаюсь, сэр! — сказал Тереки, делая пометку в листке сообщений.

Дункан двинулся было к выходу, ожидая, что Тереки откроет люк. Но этого не произошло.

— Сэр, — окликнул его Тереки. — Вы не вооружены. Распоряжение.

Дункан с трудом удержался от ругани, вспомнив инструкцию для выходящих ночью членов экипажа.

— Ты не мог бы подыскать мне что-нибудь полегче?

— Распишитесь еще раз, — сказал Тереки, открыл шкаф и, подождав, пока тот впишет свое имя в другой формуляр, выдал ему пистолет. — Извините, — виновато улыбнулся охранник, — но недавно здесь кое-что произошло. И теперь вышел приказ обязательно носить с собой оружие.

— Регулы? — спросил не на шутку встревоженный Дункан — в отчетах об этом ничего не было. Он слишком устал, и поэтому опрометчиво сказал первое, что пришло ему в голову.

— Животные. Пытаются прокрасться через защитные экраны. Вряд ли у них это получится, но я бы не рискнул сунуться наружу без оружия. Может, вас проводить, сэр? Я могу вызвать дежурных из службы безопасности…

— Не стоит, — устало произнес Дункан. — Не стоит. — Он вошел сюда без оружия, и даже теперь, держа в руках тяжелую кобуру, не собирался ни нападать, ни защищаться. Он ходил по этой земле вместе с мри, и предупреждения людей, для которых «Флауэр» и Ном означали безопасность, никогда не видевших территорий, которыми собирались владеть, были для него не более чем пустым звуком.

Люди, подобные Галею, могли как ни в чем ни бывало стоять в самом сердце Сил'атена и никогда не понять этого.

Они были нелюбопытны.

Он пристегнул тяжелую кобуру к поясу — уставшее тело протестующе взвыло, — улыбнувшись, поблагодарил Тереки и шагнул в холодный едкий воздух. Неподалеку взметнул свой фонтан

гейзер — вот уж кому не было никакого дела до «Флауэра». Пар наполнил воздух туманом и влагой. Дункан глубоко дышал, не обращая внимания на едкий привкус, испытывая странное удовольствие от этой ночной прогулки в одиночестве, в тишине, без Галея. Только теперь он почувствовал, как болит его голова. Он бесцельно шагал сквозь ночь под большей из лун Кесрит, наслаждаясь холодным воздухом и мерцанием звезд, наблюдая, как на самом-самом краю долины распускаются в свете прожекторов пышные султаны гейзеров. Превратившаяся в кипящий непроходимый барьер земля охраняла разрушенные башни мри: даже самые бесстрашные исследователи из группы Боаз предпочитали изучать их только с воздуха.

Под ногами приветливо позвякивала стальная сетка. Дункан остановился, чтобы хотя бы на миг насладиться полной тишиной, окинул взглядом горизонт, мерцающие воды Алкалинского моря, огни города, султаны гейзеров, вздымающиеся позади «Флауэра» скалы.

Где-то неподалеку с грохотом покатился камень. Сердце Дункана сжалось. Звук повторился. Дункан повернулся на звук, и заметил неуклюжую четвероногую тень, спускающуюся по

гребню.

Вот она натолкнулась на защитный экран и отпрянула, тревожно пыхтя. Потом на фоне неба вздыбился огромный, вдвое выше самого высокого мужчины, силуэт зверя с длинными когтями.

«Дусы пропали», — сказал Ньюн.

Дункан стоял, не двигаясь; сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Он хорошо знал, как опасны эти живущие на Кесрит неукротимые великаны, чьи ядовитые когти могли запросто разорвать человека в клочья. Не обращая внимания на сопротивление, зверь с прежней настойчивостью снова и снова тыкался в экран.

На гребне, неторопливо спускаясь вниз, показался еще один. Прожекторы «Флауэра» тревожно заметались, распахнулся люк, наружу высыпали люди.

— Остановитесь! — закричал Дункан. — Ни шагу дальше! Не стрелять!

Дус вновь набросился на экран, наклонив вперед огромное туловище, и беспомощное силовое поле скользнуло по его огромным бокам. Оказавшись внутри, зверь поднялся на задние лапы и издал похожее на стон низкое рычание, эхом отразившееся от стен Нома.

Во тьме блеснул винтовочный выстрел.

— Прекратить огонь! — закричал Дункан.

Запахло паленой шерстью — это прорвался второй зверь. Бока его еще дымились. Прижавшись друг к друг спинами, дусы осторожно двинулись вперед.

Звери Ньюна.

Дункан видел, что они направляются к трапу, к распахнутому люку, где столпились люди… видел вспышки выстрелов. Звери уворачивались.

— Нет! — крикнул он; звери повернули назад и, сопя, двинулись к Дункану. Кто-то из стоявших у люка крикнул ему: Дункан был слишком близко от зверей, и люди не могли стрелять. Лучи света слепили дусов, но звери, не обращая на это внимания, упорно шли к нему. Выворачивая внутрь мощные лапы с длинными когтями и опустив головы, похожие на обезумевших плюшевых мишек чудовища с покатыми плечами приближались, стуча когтями по сетке.

Более крупный дус повел своим приплюснутым носом в его сторону, шумно втянув воздух. Дункан стоял неподвижно; сердце бешено стучало, разгоняя кровь по венам. Зверь обнюхал его руку, лизнул ее и грубовато толкнул человека, но тот удержался на ногах.

Дусы, словно исполняя какой-то странный та-

нец, несколько раз обошли вокруг него, издавая невероятно низкие стонущие крики и все время оставаясь между Дунканом и вооруженными людьми. Решив рискнуть, он сделал несколько шагов — дусы двинулись следом. Он остановился, и звери сделали то же самое.

Это, без сомнения, были дусы Ньюна, проделавшие долгое и трудное путешествие из Сил'атена… на это им потребовалось гораздо больше времени, чем машинам. И, несмотря ни на что, пройдя сотни миль по пустыне, они с невероятной точностью отыскали Ньюна, найдя место, где его скрывали.

Дункан видел, как работает эта пара, дус и мри; наблюдал реакцию зверя, буквально с полуслова, с полувзгляда понимавшего мри. Но иногда не требовалось даже этого — зверь реагировал мгновенно, словно между ним и мри существовала мысленная связь.

Сейчас дусы были рядом с ним; он чувствовал прикосновения огромных теплых тел, покрытых бархатным мехом. Этих смешных неуклюжих зверей, обладающих огромной силой, было почти невозможно убить: яд хищников Кесрит для них был безвреден. Дункан внезапно почувствовал головокружение и на миг испугался света про-

жекторов, людей с их ружьями… но решил, что всему виной исходящее от дусов тепло.

Он подумал о Ньюне, и оттенок мыслей сменился. В них появились теплота и какое-то невероятно сильное желание.

Люди, свет, оружие.

Ужас/желание/ужас.

Он моргнул, оперся рукой на теплую спину одного из дусов и понял, что дрожит. Дункан медленно пошел к распахнутому люку, навстречу вооруженным людям из службы безопасности. Но что могут сделать их винтовки такому огромному, массивному, неповоротливому телу дуса?!

Теперь Дункан чувствовал вкус крови. Тепло.

— Нет! — приказал он дусам. Звери успокоились.

Услышав негромкий оклик кого-то из службы безопасности, Дункан остановился.

— Уходи оттуда, — кричали ему. — Уходи!

— Идите внутрь, — распорядился он, — и перекройте все коридоры, кроме тех, которые ведут к трюмам. Расчистите мне дорогу к какому-нибудь отсеку, где звери смогут чувствовать себя в безопасности. Быстрее!

Они не стали спорить. Двое скрылись внутри, явно собираясь доложить командованию. Дункан

остался с дусами, успокаивающе поглаживая широкие спины животных. Дусы чувствовали присутствие Ньюна и Мелеин. Они знали. Они знали.

С ними он был в безопасности. А вот людям с винтовками следовало быть поосторожнее.

— Отойдите от люка, — посоветовал он оставшимся охранникам. — Звери мне ничего не сделают. Это звери мри.

— Дункан? — В высоком голосе Боаз звучала тревога. — Дункан, черт возьми, что происходит?

— Они пришли к Ньюну. Это его звери. Это полуразумные создания… а, может быть, даже больше. Расчистите мне дорогу, чтобы я мог провести зверей внутрь прежде, чем кто-нибудь их по-настоящему разозлит.

Начался бурный обмен мнениями. Дункан ждал, похлопывая зверей по мощным спинам. Дусы, словно собаки, присели на задние лапы. Они тоже ждали.

— Идите, — прокричала Боаз. — Грузовой трюм номер один: там пусто.

Повернувшись к дусам, Дункан, подражая Ньюну, издал низкий горловой звук и зашагал вперед. Дусы тяжело поднялись на задние лапы и, как ни в чем не бывало, двинулись следом, словно всю

жизнь только и делали, что входили в корабли землян. Но никто из людей не встретился им по дороге; даже Боаз, чье благоразумие пересилило любопытство, куда-то убежала. Никто не приветствовал их, кроме запертых дверей и пустых коридоров.

Они втроем спускались по коридорам — лифты не годились для огромных дусов, — и когти зверей мерно постукивали по стальному полу. Дункан был спокоен. В такой компании ему было ничего не страшно. Звери признали Дункана, и хотя где-то на самом краю сознания землянина шевелилась мысль, что он совершает ошибку, потеряв всякую осторожность рядом с этими зверями, чувство собственной правоты вселяло в Дункана абсолютное спокойствие.

Войдя в трюм, он приласкал тянущиеся к нему массивные головы, которые при желании могли сломать ребра или позвоночник; и снова пришло смутное чувство, что он все делает правильно и дусам это действительно нравится.

Дункан вышел, запер двери, и внезапно вздрогнул, подумав о том, что сделал. Ведь сейчас дусам не требовались ни вода, ни пища. Они лишь хотели попасть внутрь. Он помог им сделать это.

Дункан побежал; страх наполнял его. Подбегая

к медицинскому отсеку, он едва дышал. Дверь перед ним, как и все остальные, была закрыты во время тревоги. Он толкнул ее рукой, ввалился внутрь и прислонился к двери спиной.

— Сэр? — повернулся к нему охранник.

— Они проснулись? — сиплым от напряжения голосом спросил Дункан. Часовой казался смущенным.

— Нет, сэр. Не думаю.

Дункан отпихнул его в сторону, распахнул дверь и взглянул на Ньюна. Открытые глаза мри неподвижно глядели в потолок. Дункан подошел к постели и стиснул руку Ньюна.

— Ньюн. Дусы. Дусы. Они пришли.

На лбу мри — наконец-то! — выступил пот. Взгляд золотистых глаз блуждал в бесконечности.

— Они здесь, — почти кричал Дункан. Ресницы Ньюна дрогнули.

— Да, — произнес Ньюн. — Я чувствую их.

Больше Ньюн ничего не сказал и ни на что не реагировал; глаза его закрылись, и он заснул со странным спокойствием на лице.

— Сэр! — окликнул его вбежавший в каюту вопреки установленному порядку часовой. — Кого-нибудь позвать?

— Нет, — прошептал Дункан. Пройдя мимо

человека, он вышел в коридор и направился на верхние палубы корабля. Корабль наконец пришел в себя после минувшей тревоги; ожил интерком. Дункан слышал, как Боаз зовет его.

Он не помнил, как оказался наверху — в памяти осталось лишь белое пятно. Открыв дверь, он увидел встревоженное лицо Боаз. После того странного головокружения, наполненного смутными незнакомыми образами, Дункан боялся подобных провалов памяти.

— Они ручные? — спросила Боаз.

— Они… кажется, да. Для мри они… Они… Я не знаю. Я не знаю.

Боаз внимательно посмотрела на него.

— Вы целый день на ногах, — негромко заговорила она. — Больше никаких вопросов. Если они успокоились и не опасны — никаких вопросов.

— Они не успокоятся. Они опасны.

— Никто не собирается подходить к ним.

— Они полуразумны, — проговорил он. — Они разыскали мри. Прошли через пустыню, через весь город, и разыскали их.

Дункана била дрожь. Боаз коснулась его руки. Эта светловолосая полная женщина казалась ему сейчас самым прекрасным и добрейшим существом на планете.

— Стэн, идите к себе, — сказала она. — Идите домой, отдохните. Охранник проводит вас. Уходите отсюда.

Кивнув, он припомнил дорогу от корабля до Нома, и решил, что оставшихся у него сил хватит, чтобы без приключений добраться до своей комнаты. Даже не поблагодарив Боаз, он повернулся и пришел в себя уже на корабельном трапе, в сопровождении офицера службы безопасности с винтовкой на плече.

Провалы памяти ужасали его. Дункан все еще надеялся, что это усталость.

Но он, не отдавая себе отчета, решил войти во «Флауэр» с дусами.

Это произошло как бы помимо его воли.

Он старался не думать о дусах, изо всех сил, до головокружения, пытаясь вызвать то ощущение тепла, что содержалось в их прикосновениях.

«Да, — сказал Ньюн, — я чувствую их.»

«Я чувствую их».

Дункан плохо помнил, о чем он разговаривал с офицером службы безопасности, едва ворочая языком, стараясь разорвать тишину, от которой звенело в ушах: скорее всего, нес какую-нибудь чепуху.

А потом он оказался в сверкающем яркими

огнями Номе, где в комнатах металось гулкое эхо, пахло регулами и землянами. Здесь не было тишины.

Офицер безопасности проводил Дункана до двери его комнаты и вложил ему в ладонь пластиковый флакон.

— Это вам от доктора Луиса, — пробормотал он.

Дункан даже не поинтересовался, что было в этих красных капсулах, которые убивали сны и сковывали чувства, погружая его в спасительный покой беспамятство.

Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что не выключал свет.

# 4

Покинувший свою оснащенную пультом управления тележку в тишине своего кабинета, Ставрос поднял на него воспаленные от недосыпания глаза. На столе перед стариком высилась груда измятых и зачитанных бумаг: день уходил на то, чтобы написать, ночь — чтобы перечитать.

Все это Дункан видел. Кроме того, он прекрасно знал, что где-то среди этих бумаг есть и какая-то часть его собственного труда. Да, он потратил немало часов на составление своих отчетов: ни Боаз, ни Луис, ни служба безопасности никогда не видели их. Ставрос был единственным, кто читал их, и если написанное там шло вразрез с его намерениями, отчеты бесследно исчезали.

— Садись, — сказал Ставрос.

Дункан подчинился. Бесцветные глаза Ставроса пристально изучали его лицо. Проделанная работа не принесла Дункану чувство удовлетворения, оставив в душе какую-то пустоту, и, скорее всего, последний отчет, как и вообще все, что противоречило политике Ставроса, оказался ненужным. Этот отчет вымотал Дункана гораздо

сильнее, чем какое-нибудь задание из тех, что он выполнял в колледже. Составляя его, Дункан отчаянно боялся, что все это окажется ненужным и только вызовет лишние вопросы; что Ставрос, пообещав ему как следует во всем разобраться, выбросит отчет, не прочитав даже половины.

— Знаешь, это так называемое святилище мри, — заговорил наконец Ставрос, — вызвало сильный переполох у регулов. Они до смерти перепугались. Святилище, артефакт, то, что мы сделали все, чтобы сохранить двоим мри жизнь, — все это они считают звеньями одной цепи… к тому же еще ты натворил немало дел. В результате получается довольно-таки неприятная картина. Ты знаешь, что регулы на каждом углу трубят о том, что им пришлось спасать вас с Галеем?

Дункан едва удержался от ругани.

— Все было совсем не так.

— Не следует забывать, что увидев вас там, регулы вполне могли решить, что вы попали в беду. Они не могут так долго идти. Приближалась ночь, а они ужасно боятся оказаться ночью в пустыне. Эти юнцы в один голос твердят, что заметили внизу самолет и забеспокоились, не случилось ли чего с вами… Они испугались, что,

если это действительно так, то во всем обвинят их, и кинулись вас искать.

— Вы на самом деле верите в это, сэр?

— Нет, — спокойно проговорил Ставрос. — Я скорее считаю это любопытством. В частности, любопытством со стороны Хулага. Он до смерти боится того, что мри могли бы сделать; боится всего, что с ними связано. И, я думаю, больше всего он боится, что оставшиеся в живых могут добраться до него. Видишь, я откровенен с тобой. Но об этом не стоит говорить вне стен этой комнаты. Теперь скажи мне: когда вы встретились с регулами, была ли с их стороны какая-то реальная, неприкрытая угроза?

— Нас самих никто не трогал. Но наше оборудование…

— Я читал.

— Да, сэр.

— Вы достаточно умело справились с этим, — проговорил Ставрос, слегка нахмурясь. — Хотя, я думаю, регулов куда больше интересовал ты… ну и реликвии мри. Я думаю, именно твоя персона заставила их оказаться там. И если бы я не послал с тобой Галея, ты мог бы и не вернуться. Ты совершенно забываешь о безопасности.

— Да, сэр.

— Они убили бы тебя при первой возможности. Я лично занялся бы этим происшествием, но уже не смог бы им помешать — было бы слишком поздно. Но при чем здесь это святилище, Дункан? При чем здесь артефакт?

— Сэр?

— Почему ты считаешь, что это так важно? Почему мри рисковали своими жизнями, чтобы пройти туда и принести это?

Дункан махнул рукой в сторону лежащего на столе отчета.

— Религия. Я объяснял…

— Ты побывал внутри этого «святилища». Я видел фильм, который ты снял. Ты действительно веришь, что это культовое сооружение?

— Для них оно имеет огромное значение. — Он был беспомощен, чтобы сказать что-то еще. Лежащие перед ним фотографии говорили другое: компьютерные банки данных, вооружение, средства связи — мри ни в чем не уступали регулам, и это ужасало.

— Ты прав: для них это очень важно. Боаз вскрыла твой овоид, Дункан. Три дня назад. Артефакт открыт.

Известие потрясло его. Дункан не поверил своим ушам: он считал, что без добровольной

помощи мри землянам не обойтись… что, возможно, удастся начать переговоры… Но ловко орудовавшая кисточкой и булавочной толщины щупом толстушка Боаз вместе со всемогущими механиками «Флауэра», которые беспрекословно ей подчинялись, без труда справились с этой задачей, и теперь у мри не осталось ничего.

— Я не думал, что это произойдет так скоро, — сказал Дункан. — В отчете сказано, что это было?

— Оно есть. Не _б_ы_л_о_. Боаз говорит, что овоид сделали так, чтобы существо с надлежащей техникой могло открыть его без особого труда. И, похоже, это и в самом деле не оружие, что, как я понял, подтверждает твой фильм. Это какая-то записывающая аппаратура. Мы еще не разобрались с языком — там содержится своего рода текст; и нет никакой зацепки, чтобы расшифровать эти записи. Мы, как ты понимаешь, не хотим обращаться за консультациями к регулам. Но там также есть цифровые данные, записанные символами, которые может расшифровать любой: к тому же, там нарисован ключ. Священный предмет, который ты принес, Дункан, и это «святилище» — своего рода хранилище данных, и эти данные для мри дороже, чем их собственные жизни. Какая же информация может быть

настолько ценной?

— Я не знаю.

— Цифры. Серии цифр. Что тебе это напоминает?

Дункан некоторое время сидел молча. Он знал не так уж много, и поэтому сам собой напрашивался единственный вывод.

— Навигационная информация, — сказал он в конце концов, потому что Ставрос явно собирался добиться ответа любой ценой.

— Да. И разве не странно, что им понадобились подобные вещи, хотя у них нет корабля?

Дункан сидел молча. У него появилось несколько любопытных идей; над некоторыми, пожалуй, стоило подумать.

— Это ставит под сомнение прежнее предположение, — продолжал тем временем Ставрос, — что мри получили всю имеющуюся у них технику от регулов и сами либо абсолютно безграмотны в этом, либо просто не хотят ничего изобретать. — Неловко вытянув руку, он взял лежащую на столе перевернутую фотографию и бросил ее Дункану. — Из артефакта, десятикратное увеличение.

Дункан вгляделся в нее. На снимке была изображена золотая пластина, покрытая очень

сложными выгравированными символами. Это была очень тонкая работа, даже будь оригинал таких же размеров, как на фотографии.

— Пластина за пластиной, — проговорил Ставрос. — Один металл уже чего стоит. Боаз считает, что все это делал не один мастер, и самая первая из пластин очень древняя. Это продукт либо очень высокой технологии, либо неимоверного терпения, а, может быть, и того, и другого. Мне удалось заинтересовать математиков; они решили с помощью компьютера попробовать перенести записи на курсовую ленту и сопоставить результат с картой. Но даже после этого мы не в состоянии сделать полный анализ. Возможно, придется обратиться за помощью в лаборатории Хэйвена, а на это потребуется время. Много времени. Ты по-прежнему уверен, что не знаешь, что ты принес?

— Да, сэр. — Дункан, не дрогнув, встретил взгляд Ставроса: единственная защита, на которую он мог рассчитывать. — Я не знал тогда и до сих пор не уверен, что сами мри это знали; может быть, они выполняли волю своих вождей; и я понятия не имею, почему. Правда, я не отрицаю: вероятность того, что они могли знать, велика.

— Ты можешь вытянуть из них это?

— Нет. Нет. Не думаю.

— Если верить этой ленте, они должны ждать корабль.

— Думаю, что нет. Они действительно собирались улететь, но никого не ждали. Это, конечно, всего лишь мои домыслы на основе их слов и поступков, но я в этом уверен.

— Что ж, скорее всего, им вполне можно верить. Но мри не повторят твоей ошибки, Дункан: ты не видишь в регулах различий. Мри имели дело лишь с родом Хольнов; Алани — соперники Хольнов; а у Хольнов… к_о_р_а_б_л_е_й _х_в_а_т_а_л_о_.

По спине пробежал холодок. Что ж, это было похоже на правду.

— Да, сэр, — негромко сказал Дункан. — Но связаться с ними — непростая задача.

— Может, «святилище»…

— Нет.

— Опять домыслы?

— Просто здравый смысл. Мри больше нет. И они это знали.

— Так говорит Алань; так, наверное, говорили твои мри. Может быть, никто не лгал. Но регулы иногда не говорят всего, что знают. Возможно, мри — тоже. А может быть, мы задавали не те

вопросы. — Дрожащей рукой Ставрос поднял чашку и, сделав глоток, снова поставил ее. — Мри всегда были наемниками. А твои?

Вопрос застал Дункана врасплох. — Может быть. Я не знаю.

— Мне кажется, что регулы боятся именно этого. Это одна из тех вещей, от которых Хулаг приходит в ужас. Он боится того, что, потеряв власть над мри, обнаружит, что их уже наняли земляне. И используют их. Ты знаешь, чем им обычно платят?

— Не знаю, — Дункан смотрел на Ставроса, на лице которого читалась плохо скрытая насмешка — уж старик-то наверняка знал! Дункан положил снимок на стол. — Что вы предлагаете?

— Ничего. Мне просто интересно, насколько хорошо ты знаешь мри.

— По-моему, мы говорили совсем о другом.

— Если верить твоему послужному списку, ты неплохой пилот.

Дункан бесстрастно смотрел на Ставроса.

— Это так? — спросил старик.

— Наверное, если там так написано.

— Для участия в операциях Элага-Хэйвена надо неплохо знать межзвездную навигацию.

— У меня был корабль с автоматическим

управлением. Я знаком с пилотажем на внутрисистемных линиях, а что касается транзитных операций — там все рассчитывали без меня.

— Ну так разве плохо, что ты наконец получишь об этом какое-то представление?

Несколько мгновений Дункан не находил, что сказать.

— Все это каким-то образом связано? — спросил он в конце концов. — Что вы хотите от меня, в конце концов?

— Возьми мри. Возьми артефакт, овоид. Ты говорил, что умеешь обходиться с мри. Или это всего лишь слова?

Дункан откинулся в своем кресле, чтобы быть подальше от старика, и несколько раз глубоко вдохнул. Он внезапно подумал, что недостаточно хорошо знает Ставроса.

— Ты в чем-то сомневаешься? — спросил Ставрос.

— Да здесь засомневался бы любой нормальный человек. Возьми мри и сделай что? И при чем здесь навигация?

— Я спросил: ты действительно считаешь, что умеешь обходиться с мри?

— Что вы имеете в виду?

— Можешь ли ты узнать больше, чем содержит-

ся в этом отчете, чтобы рассказать мне? Можешь ли ты отыскать какие-нибудь доказательства, что мри не собираются устроить резню на Кесрит, или что Хольны не припрятали где-нибудь целую толпу этих головорезов?

Дункан снова наклонился вперед и положил руки на стол, за которым сидел Ставроса, прекрасно понимая, что старик приготовил ему хитрую ловушку. Он смотрел в глаза Ставросу, и ласковое невинное лицо выдало старика.

— Мой отчет вас не убедил. Произошло еще что-то, и вы снова торопитесь избавиться от меня, ничего не рассказав о случившемся. Я могу рассчитывать на откровенность? Или мне придется лишь строить предположения?

Они со стариком немало пережили вместе, ничего не тая друг от друга; Дункан сейчас отчаянно нажимал на это, видя по лицу Ставроса, что тот постепенно сдает позиции.

— Только между нами, — сказал старик.

— Между нами.

Ставрос нахмурился, губы его дрогнули.

— Я хочу немедленно вывезти мри с Кесрит. Я собираюсь отправить «Флауэр» к станции, где корабль сможет спокойно продолжать свою службу. С тех пор, как ты побывал в Сил'атене,

регулы нервничают при любом напоминании о мри. Кроме того, вскоре, вполне возможно, прибудут корабли регулов. Хулаг говорит, что его род серьезно обеспокоен: ведь Хулаг нарушил график отправки корабля, доверенного ему старейшинами. Потеря корабля явилась для Хулага тяжелым ударом. И он не на шутку встревожен. Он постоянно мучается, что его неправильно поймут, требует вылететь навстречу прибывающим кораблям. И если корабли регулов действительно прилетят, мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из вас в этот момент оказался на планете. Мне кажется, отлет «Флауэра» сведет вероятность инцидента к минимуму. У «Сабера» и «Ганнибала» вместе достаточно мощи, чтобы прикрыть станцию и разведывательные корабли, если что-нибудь пойдет не так. А если мри будут по-прежнему мозолить регулам глаза, неприятностей не обберешься. Когда дело касается мри, регулы просто теряют головы.

— В этом я сам убедился, — с горечью произнес Дункан.

— Да, — сказал Ставрос. — Хулаг постоянно спрашивает про артефакт. Я бы даже сказал, что из-за этого его превосходительство плохо спит. Не кажется ли тебе, Дункан, что окажись у тебя

корабль, мри и овоид, ты наверняка сможешь узнать, что же это за записи?

Дункан медленно выдохнул.

— В одиночку?

— У тебя будет артефакт-оригинал. Мри, скорее всего, будут настаивать на этом. А у нас — голографический дубль… так что мы рискуем не больше, чем музей, выставляющий какой-нибудь ценный экспонат… хотя, возможно, и больше. Но в подобных обстоятельствах это оправданный риск. — Ставрос сделал долгий глоток, затем поставил чашку на стол — та предательски задребезжала. Старик тяжело дышал. — Ну?

— Объясните мне, — проговорил Дункан, — что это за объект. Как далеко? Где? И что будет, если я откажусь?

— Я ничего не знаю. И не собираюсь ничего обещать. Если мри направятся за подмогой к Хольнам, ты расстанешься с кораблем, расстанешься с жизнью… с чем угодно. Мне бы очень хотелось разделить твою уверенность, что этого не произойдет. Ты узнаешь, что это за записи и, может быть… _м_о_ж_е_т _б_ы_т_ь_… будешь сотрудничать с мри. Теперь я хочу услышать твой ответ. Если ты думаешь, что все это нереально, скажи мне сразу. Лаборатории и компьютеры

Хэйвена будут решать эту проблему не один месяц, а, может быть, даже год. И все это время мы будем пытаться разрешить этот конфликт регулов и мри здесь, на Кесрит, совершенно не понимая, с чем мы имеем дело. Нам необходима информация.

— И если я откажусь?

— Твои мри умрут. Это не угроза: ты знаешь положение. Мы не можем позволить им жить: они нападут на регулов, или регулы нападут на них. Если же мы продержим их в том состоянии, в котором они находятся, еще немного, они умрут. Так что они умрут в любом случае.

Это, безусловно, было правдой.

— Более того, — проговорил Ставрос, — здесь, на Кесрит, мы все в одной команде. И мирный договор означает прекращение военных действий не только на Кесрит. Я уверен, что и для тебя это далеко не пустой звук. Ты говорил, что можешь найти с ними общий язык. Говорил все время. Что ж, теперь я даю тебе такой шанс.

— В контракте об этом ничего не было. Я не давал согласия на какие-либо инопланетные экспедиции.

Ставрос сидел неподвижно. Дункан не смотрел в его глаза, прекрасно понимая, что на террито-

рии колонии контракт ничего не значил и его согласие было лишь простой формальностью.

— Подобными операциями обычно занимается планетарная разведка, — в конце концов проговорил Ставрос. — Но ты можешь отказаться, если думаешь, что не справишься с этим.

— Корабль? — сказал Дункан.

— Разведчик «Фокс». Безоружный. Герметичные отсеки на случай, если на борту что-нибудь случится. Но управлять им вполне сможет один человек.

— Да, сэр. Такие корабли мне знакомы.

— Боаз сейчас заканчивает с голограммой. И что бы ты ни решил, «Флауэр» сегодня в полдень отправится на станцию. Если тебе необходимо подумать, челнок может доставить тебя на станцию позже, но с решением не тяни.

— Я согласен.

Тяжело вздохнув, Ставрос медленно кивнул.

— Хорошо, — только и сказал он.

Дункан поднялся, пересек комнату, направляясь к двери. Оглянулся. Ставрос по-прежнему молчал. Дункан вышел со смешанным чувством обиды и сожаления.

Ему оставалось лишь упаковать снаряжение. Так было всю его жизнь. На это потребовалось

пять минут.

Когда он шел к себе в комнату, регулы не спускали с него глаз. Они и сейчас с любопытством следили за тем, как он возвращается, неся за плечами свой тюк со снаряжением. Ни регул, ни мри не стали бы этого делать: регулу потребовалась бы машина, а мри ходили налегке.

Регулы разевали свои рты — считалось, что так они улыбаются. И Дункан подумал, что регулы очень довольны его отъездом.

Он слышал, как они называют его человеком мри, произнося «мри» как ругательство.

— В добрый путь, человек! — крикнул ему кто-то из юнцов. Дункан, прекрасно зная, что это пожелание далеко не искреннее, сделал вид, что не слышит.

Ведущая по насыпи дорога наполнила его грустью. Он задержался, чтобы взглянуть на холмы, чувствуя, что видит все это в последний раз.

Человек не мог полюбить Кесрит: лишь дусы были способны на такое. Но впереди Дункана ждали лишь холод, стерильные утробы кораблей, где нет ни душистого ветерка, ни земли под ногами, и сияющая в опасной близости звезда — Арайн.

Вскинув на плечо свой тяжелый тюк, он за-

шагал по звенящей сетке к опущенному трапу. Его ждали. Он расписался в журнале прибытия личного состава, лишь потому, что сейчас ему не предстояло идти в бой, ощущая, что корабль чужой. Вспомнились прежние привычки. Куда бы ни посылало его командование, он обычно сразу же шел к десантной шлюпке, которую ему предстояло вести, и приступал к предстартовой проверке.

— Каюта 245, — сказал дежурный офицер, протягивая ему личный жетон: в небольшом экипаже, где все знали друг друга в лицо, Дункан всегда считал это глупой формальностью. Но сейчас они летели на станцию, совсем иной мир, где размещались экипажи двух огромных крейсеров, двух разведчиков, и смешанная команда внутрисистемных вспомогательных кораблей. Он повертел жетон в руках, оценивая номер. Его поместили рядом с мри. По крайней мере, этим он был доволен.

Он пошел туда, чтобы быть рядом с ними во время взлета.

# 5

Станция в самом деле была совсем иным миром — созданный регулами лабиринт спиралевидных тоннелей, удобных для их тележек. И полная автоматизация.

Но самым странным являлось то, что регулов здесь не было.

В любом закоулке этой огромной станции можно было шагать среди людей, слышать их разговоры, вдыхать воздух, которым дышат люди, и совершенно не бояться, что где-нибудь внезапно промелькнет чуждое лицо… — словно не было световых лет, через которые тебя швырнули сюда; и все же на экранах внешнего обзора светился красный полумесяц Кесрит, и ржавая поверхность планеты была единственным местом, куда вылетал челнок.

Еще на экранах были видны собравшиеся вокруг станции корабли. Ближе всех разместилась километровая громада «Сабера», состоящая главным образом из силовых установок, приборов и оружия — и обслуживал этого монстра на удивление крошечный экипаж — всего лишь две

сотни человек. Защитные экраны делали «Сабер» практически неуязвимым, но корабль еще ни разу не совершал посадок на планеты. По бокам «Сабера», похожие на крошечных паразитов, хотя в действительности могли самостоятельно совершать межзвездные перелеты, висели «Флауэр» и «Фокс», а невдалеке виднелся «Сантьяго», оседлавший крейсер «Ганнибал». Сейчас разведчики, почти незаметные в черной тени «Сабера», были пристыкованы к шлюзам. «Флауэр» пристроился к нижней причальной мачте гиганта, и его экраны заполнили «Сабер» и сама станция.

Необъятная сложная спираль станции совершала вокруг планеты какой-то странный танец, при одной только мысли о котором делалось дурно, словно от прогулки в одиночку по лабиринтам кишок.

Большинство землян здесь пользовались тележками. Если учесть размеры станции, это было очень удобное средство передвижения: необыкновенно быстрые, не снижающие скорости даже на поворотах, никогда не сталкивающиеся благодаря тщательно выверенным, расположенных буквально на волосок друг от друга рельсам.

Дункан прогуливался, если можно было назвать прогулкой блуждания при пониженной

гравитации, созданной на станции для удобства регулов. Головокружение в сочетании с совершенно чуждыми коридорами и виднеющейся далеко внизу поверхностью Кесрит отнюдь не улучшали его настроения.

— Тот, что в одиночку вернулся из пустыни, — услышал он за спиной чей-то голос.

После этого ему и вовсе расхотелось разговаривать с кем-либо из этих людей: для них он был куда большей диковиной и чувствовал себя еще хуже, чем среди офицеров регулярных войск.

Лицо Дункана украшала странная маска: верхнюю половину покрывал загар, а нижняя — на память о вуали кел'ена, которую он носил под обжигающими лучами Арайна, — осталась светлой. И под чужими взглядами собственное лицо казалось ему до странности обнаженным. Для них он был предателем, который жил с врагами человечества и разговаривал с ними.

В первый вечер экипаж «Флауэра» был предоставлен сам себе, и Дункан, зайдя в общую столовую станции, столкнулся с Галеем. Увидев его, лейтенант широко улыбнулся, но рядом с ним были его друзья, офицеры «Сабера», и Дункан почувствовал себя неловко. ПлаРу с необычными полномочиями было трудно найти общий язык

с офицерами регулярных войск. Он поел в одиночестве, у автоматического бара, и направился обратно на «Флауэр».

Одного обхода станции Дункану вполне хватило. Его совершенно не интересовала эта созданная регулами причудливая конструкция, хотя земляне с крейсеров в свободное время, похоже, только и делали, что разглядывали ее.

Он вошел в шлюз ставшего вдруг таким родным «Флауэра», к людям, которых знал, и вздохнул с облегчением.

— Есть на что посмотреть, сэр? — с завистью спросил его дежурный офицер, чья увольнительная откладывалась.

Дункан пожал плечами и заставил себя улыбнуться: ему не хотелось выплескивать свое настроение на членов экипажа «Флауэра».

— Чем-то похоже на Ном, — ответил он. — Странное сооружение. Как и все у регулов.

Дежурный протянул ему свернутую записку, какие члены экипажа часто оставляли друг другу на столе.

Дункан пошел к себе, по дороге разворачивая листок.

Он узнал почерк Боаз. «Срочно необходимо поговорить. Лаб. N_2. Б.»

Дункан скомкал листок, засунул его в карман и ускорил шаг: все, что касалось мри, не терпело отлагательств; он даже был готов бежать, если бы это могло помочь ему быстрее оказаться там.

В лаборатории номер два находился кабинет Боаз. Она была у себя, сидя за столом в окружении бумаг и расставленных в беспорядке приборов. Когда он вошел, женщина подняла голову. Она была расстроена, голубые глаза метали молнии. Губы дрожали.

— Садись, — произнесла Боаз и, не дожидаясь, пока он сделает это: — Сюда ворвались вояки «Сабера»; схватили мри, схватили артефакт, личное имущество мри, все…

Он осел в предложенном кресле.

— С ними все в порядке?

— Не знаю. Да. Да… с ними _б_ы_л_о_ все в порядке. Прежде, чем везти, их поместили в автомеды. Куда лучше, если бы их просто предоставили самим себе. Они все время твердили, что это приказ Ставроса. — Она взяла лежащий в середине заваленного стола свернутый в трубку и запечатанный лист бумаги и протянула ему, тревожно глядя в глаза. — Это тебе. Они оставили.

Он сломал печать и прочитал сообщение. «Выполняю обещание. Произошло то, чего мы

опасались. Не теряйте терпения и рассудительности. Оставайтесь на месте. Записку уничтожьте. Ставрос.»

Регулы всполошились: прибыл корабль. Значит, мри скоро покинут станцию, и он вместе с ними. Дункан с грустью посмотрел на Боаз, скомкал сообщение и положил в карман; он избавится от него позже.

— Ну? — настойчиво спросила Боаз, хотя наверняка знала, что ее это не касается. Он молчал. Женщина опустила глаза и, поджав губы, сплела пальцы под пухлым подбородком. — Я вхожу в состав экипажа корабля, — заговорила она, — который, к несчастью, вынужден выполнять приказы губернатора, касающиеся нашей отправки с планеты или судьбы наших врагов. Что ж, здесь губернатор может поступать как угодно. Но я, как, впрочем, и Луис, не обязаны выполнять его распоряжения. Мне трудно говорить это, но если ты считаешь, что здоровью мри теперь угрожает опасность… мы можем отправить протест на Хэйвен.

Храбрая Боаз! Дункан смотрел на нее, чувствуя укол совести. Она ни словом не обмолвилась о прекращении программ, о приостановке исследований, о запрете работы, в которую она

вкладывала столько усилий. Она тревожилась за мри. Этого она предвидеть не могла, и чувства ее были искренними.

— Боз, — сказал он — так ее звали сотрудники. — Я думаю, с ними все хорошо.

Хмыкнув, она откинулась назад. Она ничего не сказала, но тревоги во взгляде поубавилось.

— Дусов, похоже, они не забрали? — спросил он.

Боаз вдруг неистово расхохоталась.

— Нет. Они попытались, но звери не стали скромничать. Эти вояки даже не смогли зайти внутрь. Они стали просить кого-нибудь с «Флауэра» сделать это, говоря, что, дескать, не умеют обращаться с животными, но Луис предложил им самим спуститься туда и попробовать накинуть на зверей сеть. Желающих не оказалось.

— Не сомневаюсь, — сказал Дункан. — Спущусь-ка я туда сам, посмотрю на них.

— Ты не можешь рассказать мне, в чем дело?

— Нет. Прости.

Она кивнула, пожав плечами.

— Но, по крайней мере, все не повернулось вспять?

— Не думаю.

Боаз снова кивнула.

— Хорошо, — с грустью сказал она. И все.

Он повернулся и вышел. Проходя через лабораторию, он видел царящий там хаос: с полок исчезли находившиеся там вещицы, пропали книги.

Здесь побывали люди «Сабера».

Но если они забрали мри с корабля, дусы могут затосковать и умереть, как тот зверь, которого он видел горюющим над мертвым мри, не внимая никаким уговорам.

Он одолел коридор, спускающийся к складу. При воспоминании о том, что могут натворить отчаявшиеся дусы, его желудок сжался в комок. Он не раз бывал у них после той ночи, приносил им пищу и воду, и звери казались довольными. Но сейчас дусы были растревожены незнакомцами, которые хотели на них напасть, и Дункан, однажды уже испытавший подобное, боялся этого отчаяния не меньше, чем отравленных когтей.

Но все было спокойно. Он вошел в склад, посмотрел на шевелящиеся внизу бурые туши, и стал осторожно спускаться к ним. Сердце Дункана испуганно сжималось, но он твердо решил не поддаваться страху. Регулы не скрывали, что дусам нравится синтетический белок, в изобилии имевшийся в хранилищах станции, но вообще

они едят практически все, что бы им ни предложили, даже, как сказал Луис, людей и регулов.

Несмотря на специфический, но не такой резкий, как у регулов, запах, воздух здесь был на удивление свежим и чистым. Звери казались сытыми. Их обмен веществ буквально заинтриговал Боаз и Луиса, поскольку любое питье или пищу они усваивали практически целиком. У регулов о них имелось достаточно много информации, поскольку кел'ейны и дусы проводили по многу лет на их кораблях. Поев, дусы устраивались поудобнее и словно бы впадали в спячку на все время вынужденного заключения. В отличие от землян, регулов или мри, они были довольно неприхотливыми.

Единственным неудобством были огромные размеры дусов и то, что с разъяренным зверем было практически невозможно справиться.

Дункан шагнул с последней ступени лестницы, и оба дуса поднялись, издав низкий пронзительный стон, эхом отозвавшийся в огромном помещении. Дусы стояли рядом; ноздри раздувались, обнюхивая гостя. Маленькие глазки, которые скорее всего видели неважно, блестели в лучах света. Зверь побольше был покрыт шрамами: он уже немало повидал на своем веку. Дункан

про себя называл его зверем Ньюна; второй, с гладкой шкурой, был поменьше, но тоже казался землянину знакомым.

Большой дус, переваливаясь, двинулся вперед своим косолапым шагом, осмотрел Дункана с ног до головы и довольно заурчал. Следом приблизился малыш, торопливо потянувшись своим приплюснутым носом к ноге Дункана.

Дункан уселся между ними, и огромные звери улеглись рядом. Он потрепал им мохнатые бока, наслаждаясь покрывавшим мускулы бархатом. Монотонное мирное урчание дусов было единственным звуком, нарушавшим тишину.

Звери были довольны. Дункан подумал, что они признали его, человека, из-за того, что он тогда был вместе с Ньюном; хотя пока Ньюн был рядом, звери не обращали на землянина внимания. Дункан вспомнил, как они охотились за ним, когда он попытался сбежать; как загнали в ловушку, излучая ужас, который, как он теперь догадывался, был их оружием.

«Просто чудо, что тебя не разорвали дусы», — сказал в ту ночь Ньюн.

Как хотелось Дункану сейчас узнать, почему они так спокойны после всего, что с ними произошло! Их мучили, пытаясь накачать наркотиками,

но благодаря своему обмену веществ дусы совершенно не пострадали от яда, и наркотики, похоже, были неплохо усвоены. Ни следа того, что зверям пытались причинить какой-то вред; они вели себя, как и прежде.

Дусы чем-то напоминали детей. Загадочные четвероногие создания, в которых было что-то от людей и что-то от животных — они были рады служить мри, но те предпочли стать их друзьями, а не хозяевами. Дункан сомневался, что человечество сможет согласиться на подобное. Регулы не смогли.

Он сидел довольный и спокойный, ощущая прикосновения зверей; в ту ночь он не знал, правильно ли было допускать дусов на корабль: теперь это казалось самым верным решением. Дункан неожиданно почувствовал, как в него вливается тепло и в тот же миг узнал, что к нему прикасается малыш… малыш, который был в три раза больше взрослого человека. Размеренное монотонное урчание смывало все страхи Дункана, словно вода, забиравшая соль из почвы Кесрит и уносящая ее в море.

Зверь заглушал страхи, затоплял их.

Испугавшись, Дункан резко качнулся назад, и это не понравилось дусам. Они зафыркали и

отошли. Он не смог вернуть их. Стоя поодаль, они рассматривали его маленькими блестящими глазками.

Он почувствовал, как холод наполняет его.

Они пришли по своей воле, использовав Дункана: они захотели… и он открыл им дорогу; и все же он нуждался в них, в них и мри, в них и мри…

Дункан собрался все свои силы и начал взбираться по узкой лестнице, обливаясь потом, и только когда достиг площадки наверху, почувствовал, что весь дрожит. Он взглянул вниз. Один из дусов вздыбился, протягивая к нему лапы. От его рычания, казалось, задрожал воздух.

Дункан толкнул спиной дверь, выскочил наружу и трясущимися руками запер ее за собой. Но бояться было просто глупо. Просто глупо. Дусы использовали его страх. Это было их оружие.

И сейчас они находились там, где хотели: на орбитальной станции Кесрит, рядом с мри. Дункан выполнил все, что они хотели. Он сделал бы это снова, потому что ему были необходимы они, необходимо то незаметное воздействие, которое они могли оказать на мри, давая им спокойствие, облегчая их страдания. Теперь у него появилось подозрение, что он ошибался.

Но он не мог бросить мри на произвол судьбы.

От подобных мыслей Дункана охватывал панический страх; ему казалось, что он в чем-то ошибся. Пройдя десяток шагов, он с опозданием понял, что какой-то человек поздоровался с ним в коридоре, резко развернулся и попытался исправить свою оплошность, но было слишком поздно; человек удалялся. Дункан в смятении двинулся дальше, засунув руки в карманы и сминая в крохотные шарики обнаруженные там записки Боаз и Ставроса.

«Черт тебя возьми, Ньюн!» — с яростью думал Дункан, спрашивая себя, в своем ли он уме, чтобы дать возникнуть даже малейшему подозрению. Дусы, кем бы они ни были, не могли повлиять на его сознание; они действовали на каком-то более низком уровне… обычные инстинкты — с ними вполне можно справиться, если избавиться от своего страха и потребности в зверях. Страх и удовольствие — вот что они использовали для своих вторжений — либо одно, либо другое. Делай им приятное — и будешь чувствовать себя очень хорошо; а дразнить их опасно.

И никто из исследователей этого не заметил. В отчетах о наблюдениях за зверями об этом не было ни строчки.

Возможно, звери не пытались воздействовать

на них.

Дункан закрыл дверь своей крохотной каюты рядом с опустевшими теперь каютами мри и начал собираться, складывая одежду, которую совсем недавно распаковал.

Закончив, он подсел к столу и вызвал по интеркому «Сабер».

«Перемещение дусов возможно и необходимо», — передал он командиру «Сабера».

"Оставайтесь на месте, — пришел ответ. И мгновением позже: Немедленно доложить лично командованию "Сабера".

# 6

Казалось бы, в том, что ПлаРа куда-то ведут, не было ничего необычного, но среди членов экипажа уже расползлись слухи. Дункан понял это по устремленным ему вслед взглядам, пока эскорт препровождал его к командованию: его вели, похоже, самым коротким путем, не разрешая ни с кем разговаривать. Даже интерком молчал — совсем уж необычный случай на корабле вроде «Сабера».

Дункана привели к каютам старших офицеров, а не в командную рубку. Здесь он предстал перед самим контр-адмиралом Кохом, командующим боевыми операциями в зоне Кесрит. Для Дункана встреча была не из приятных. К негодованию офицеров регулярной армии, по уставу они были обязаны подчиняться ПлаРам, но последние обычно относились к этим привилегиям с плохо скрываемым презрением: их жизни и служба были слишком коротки, чтобы тратить их на соблюдение устава и вопросы офицерской чести. Дункан ожидал холодного приема, но Кох, похоже, был озабочен чем-то другим; впрочем,

на покрытом шрамами лице контр-адмирала это было обычное выражение.

— Рад познакомиться с вами, ПлаР Дункан. — У Коха был акцент уроженца Хэйвена, как у остальных, пришедших на Кесрит вместе с флотом сразу после окончания боевых действий у Элага-Хэйвена.

— Сэр, — отдал честь Дункан; сесть его не пригласили.

— У нас мало времени, — проговорил Кох. — На подходе корабль регулов, «Сигграв». К счастью, это, вроде бы, корабль рода Аланей. Бай Хулаг велел им быть повежливее; и мы, вероятно, должны будем позволить им пристыковаться к станции. Но напугать их ничего не стоит. Поэтому уходите вместе со своими мри как можно быстрее. В ваше распоряжение должен быть предоставлен разведчик «Фокс». Возможно, вы, в отличие от меня, знаете, что делать дальше… — Дункан вдруг понял, что Кох обижен недоверием Ставроса. — «Фокс» сейчас выгружает экипаж: там какое-то недоразумение. «Сигграв» пока что довольно далеко. Вы должны быть готовы вылететь сразу, как только закончится выгрузка.

— Сэр, — заговорил Дункан. — Я хотел бы взять дусов. Я справлюсь с ними и прослежу за их от-

правкой на «Фокс». Я также хочу, чтобы на «Фокс» были погружены все находящиеся на станции вещи мри, независимо от того, сможете ли вы выделить мне помощь для погрузки или нет.

Кох нахмурился, на этот раз уже не пытаясь скрывать своих чувств.

— Хорошо, — сказал он через некоторое время. — Я отдам необходимые распоряжения. — Он долго разглядывал Дункана, и тот вдруг вспомнил о своем наполовину загорелом лице и понял, что для контр-адмирала кажется куда более чуждым. Перед ним был человек, чья власть не уступала Ставросу, привыкший встречать опасность лицом к лицу и самостоятельно принимать решения, и приказ, согласно которому из-под командования Коха изымался «Фокс», а его экипаж и ученые перегружались на корабль контр-адмирала, не устраивал Коха. Он отнюдь не был похож на человека, который привык мириться с подобным вмешательством.

— Я буду готов в любой момент, сэр, — негромко сказал Дункан.

— Вам лучше немедленно перебраться на «Фокс» и обосноваться там, — сказал Кох. — Когда ваш разведчик уйдет, страсти здесь немного поутихнут. Корабль загрузят всем необходимым;

мы постараемся помочь вам и с дусами. Лучше поторопиться.

— Благодарю вас, сэр, — проговорил Дункан. Он повернулся и вышел в коридор, где его поджидал эскорт.

Дункан прикинул, что Кох отдал мри сорок лет своей жизни; контр-адмирал казался достаточно старым для того, чтобы видеть войну с самого ее начала и, без сомнения, не питал любви к этой расе. Ни один из видевших свою планету под пятой регулов жителей Хэйвена, зная, какой ценой ее удалось вернуть назад, не мог спокойно смотреть, как кто-нибудь пытается водить дружбу с регулами или выполнявшими их приказы кел'ейнами мри.

В этом они ничем не отличались от килуванцев, одним из которых был Ставрос; но расположенная на границе исследованной человечеством части вселенной Килува рождала людей совершенно иных. Килуванцы не были воинами; эти упрямые люди посвящали все свое время размышлениям, науке, анализу... Когда планета была захвачена, они рассеялись по разным мирам и почти никто из них не стремился вернуться домой. Жителей Хэйвена понять было легче. Их вела ненависть. И пройдет немало времени,

прежде чем они избавятся от этой ненависти.

И после войны оказалось немало людей, подобных Дункану: тех, кто не знал кто они и откуда, были тысячи. Война заменила им мать, она стала смыслом их жизни. Сколько Дункан жил, он всегда помнил войну: от усталой, изможденной женщины она швырнула его в ясли для эмигрантов, а потом, через школу и колледж, где его обучали не торговать или заниматься каким-нибудь ремеслом, а воевать, властно притянула к себе. Акцент Дункана не поддавался идентификации — это была сборная солянка отовсюду, где юноше пришлось жить. У него не было дома. Его верность человечеству не подпитывалась ничем кроме того, что он родился человеком.

И им самим.

И, со значительными оговорками, достопочтенным Дж. Ставросом.

По трапу «Сабера» Дункан спустился в просторный док, оставив позади свой эскорт; задержался на миг, чтобы понаблюдать за суетой женщин и мужчин.

Жители Хэйвена.

Регулярная армия.

В командной рубке «Фокса» Дункана обступили офицеры, которые, несмотря на довольно уны-

лый вид, приветливо с ним поздоровались.

— Мне сказали только, что полет будет производиться без экипажа и поручили передать вам запечатанный пакет с инструкциями, — сообщил ему капитан. — И все.

— Мне очень жаль, что так получилось, — посочувствовал ему Дункан, пытаясь скрыть неловкость.

Капитан пожал плечами — он явно не считал, что ему не повезло — и протянул руку.

— Нам обещали другой разведчик, сразу, как только он прибудет. «Фокс» — замечательный корабль, в хорошем состоянии… немного неустойчивый в атмосфере, но в остальном — просто умница. Мы приписаны к «Саберу», а «Сабер» обещал нам новый разведчик сразу, как только он прибудет; значит можно не волноваться. Что ж, ПлаР Дункан, примите мои поздравления со вступлением в командование, или, если это больше похоже на правду, соболезнования.

Дункан пожал руку, уже терзаясь вопросом: что же содержится в доставленном для него челноком запечатанном конверте, который пока что находился у прежнего капитана «Фокса». Дункан принимал поздравления, в последний раз был открыт судовой журнал, чтобы внести запись о

смене командования; и затем, как было заведено в планетарной разведке, Дункан вручил его прежнему капитану. В этом полете вести журнал будет некому.

Выполняя последний раунд церемоний, он проводил взглядом покидавших корабль офицеров и небольшую команду; снаружи у люка остались лишь четверо мужчин со смертоносным оружием — охрана.

Наступила тишина. Дункан устроился в чужом кресле и ввел команду, которая запускала полученную от Ставроса запись: специальное устройство уничтожит ее сразу после просмотра.

Подобные процедуры давали уверенность, что запись не сможет быть использована против Правительства; они появились еще во время войны, когда от ПлаРов требовалось обязательное уничтожение имеющихся у них записей — не только из-за боязни, что записи могут достаться врагу, но и, как с горечью думали ПлаРы, чтобы выгородить тех, кто послал их в бой, если операция окажется неудачной: ведь от этого страдал авторитет самих командиров!

Экран заполнило лицо Ставроса.

— Прошу прощения, — негромко заговорил Ставрос, — за то, что это не приказ, а всего лишь

предложение. Прослушав его, ты, если захочешь, можешь вернуть экипаж на «Фокс» и остаться на станции до тех пор, пока ситуация на планете не стабилизируется.

«Фокс» сейчас находится в твоем полном распоряжении. Тебе предлагается взять мри на борт вместе со всеми их вещами и артефактом. Разведчик будет оснащен в соответствии с твоими требованиями. В навигационном компьютере ты найдешь единственную ленту, ее код ноль-ноль-один. Она получена после анализа содержащейся в артефакте навигационной информации. Держись подальше от прибывающих кораблей регулов, соблюдая повышенную секретность. Дай компьютеру прочитать ленту. Полностью. Как только лента будет пущена, доступ к системе управления блокируется. Собери все, что сможешь узнать о военной мощи мри и о самих мри: это и есть твое задание. По возможности сотрудничай с ними. Уверенность в том, что разобраться с этой пленкой для нас невероятно важно, становится все больше и больше. Именно поэтому мы готовы идти на любой риск. Ты должен собрать информацию и выяснить, какое соглашение с мри возможно.

Если ты сразу решишь выйти из игры, дождись

окончания записи и свяжись с «Сабером». Если же нет, то тебе следует поторопиться.

В любом случае содержание этого сообщения должно остаться тайной. Будь очень осторожен в ведении записей во время полета. Мы хотим, чтобы, вернувшись домой, ты не привел за собой какой-нибудь «хвост». У тебя будет устройство самоуничтожения и полная свобода действий. Если твой корабль окажется в руках противника, уничтожь его. Ну, это крайний случай. Каким бы ни был твой выбор — дать согласие или отказаться от этой миссии, — он целиком зависит от тебя. Ты волен отказаться.

Запись кончилась. Дункан по-прежнему сидел, уставившись на серый экран. Он ни за что не вернется на Кесрит, не сможет уживаться с властями; там, среди скал Кесрит, ему уже никогда не найти покоя.

Он не знал, чем объяснить подобное безрассудство. Возможно, то было нечто столь же эгоистичное и бессмысленное, как гордость; или он просто не мог представить, что в будущем окажется кому-то нужен — ну, разве что, придется помогать землянам осваивать дикие земли. И изменять планету.

Он выключил экран и окинул взглядом крохот-

ную командную рубку, которая, возможно, станет его домом на всю оставшуюся жизнь — вероятно, не такую уж и долгую. Что ж, этого ему хватит.

Он как ни в чем не бывало вернулся на «Флауэр», но офицеры корабля, похоже, уже знали о его новых полномочиях и безо всяких возражений помогли ему перевезти аппаратуру и закончить все приготовления в доке.

Отдав необходимые распоряжения, он зашел к Луису, и уже только потом — к Боаз.

Нелегко было сказать ей о том, что все ее работы не будут опубликованы вплоть до особого разрешения службы безопасности, а дальнейшими исследованиями займется он, ее бывший помощник, снова надевший столь ненавистную ей военную форму.

— Я не могу сказать, почему, — вздохнул он. — Мне очень жаль, Боз. Я действительно очень хотел бы рассказать тебе обо всем.

Она нахмурилась, морщины избороздили ее полное лицо.

— Мне кажется, я понимаю, чем все это закончится. И я думаю, что это безумие.

— Я не могу обсуждать это.

— С ними все будет хорошо? Тебя самого устраивает такой ход событий?

— Да, — сказал он, встревоженный тем, что она, похоже, и в самом деле догадывается, что происходит; но, с другой стороны, Боаз сама исследовала артефакт. Без сомнения, многие на борту «Флауэра» понимали — или, по крайней мере, догадывались, — что военные сделают с добытой ими информацией. Дункан несколько мгновений выдерживал внимательный взгляд женщины, чувствуя себя виноватым, словно бы он что-то предал; он не знал, понимает ли Боаз, какая сила движет им: те, кто был на стороне этой женщины, ее противники… или то, чему он сам служил.

Она постаралась скрыть свои чувства за грустной улыбкой.

— Ну что ж, — сказал она, — это нерадостные вести, но ничего не поделаешь. Будь осторожен, Стэн. — Она посерьезнела. — Береги себя. Я очень волнуюсь за тебя.

Эти слова до глубины души тронули Дункана — сорокалетняя Боаз, единственная женщина-начальник отдела среди штатских; если у него и был друг на Кесрит, то это она. Он взял ее руки в свои и, повинуясь мимолетному желанию, обнял женщину и поцеловал в уголок губ.

— Боз, у меня больше не будет тебя.

— Мне придется раздобыть новых дусов, — произнесла она. Слезы стояли в ее глазах. — Ты ведь возьмешь с собой своих.

— Да, — сказал он. — Будь осторожна с этими зверями, Боз.

— Береги себя, — настойчиво повторила она внезапно охрипшим голосом. На миг ему показалось, что женщина хочет сказать что-то еще. Но Боаз лишь опустила глаза и вместе с Дунканом отправилась вниз, чтобы поговорить об отправке дусов.

Пока шел прием груза — вереницы запечатанных контейнеров с припасами во главе с неброским багажом самого Дункана, — целый сектор станции был закрыт для пешеходов и тележек. Следом, в закрытых автомедах, используемых для перевозки раненых, с «Сабера» доставили мри. Конечно же, любой человек в доках смог бы без труда догадаться, кого перевозят под такой охраной; но меры предосторожности были приняты не только для того, чтобы скрыть отлет мри, но и для того, чтобы защитить их. Большинство землян люто ненавидели мри, и брошенные вслед автомедам взгляды, как правило, не отличались умильностью.

Самыми последними, когда доки наконец

опустели, на разведчик пришли дусы — эти в защите не нуждались. Дункан долго обсуждал с Боаз, как лучше провести их отправку, решив вначале использовать грузовые контейнеры. Но в конце концов команде был отдан приказ очистить коридоры, запереть каюты и оставить люки открытыми.

Потом Дункан спустился к дусам и успокаивающе похлопал зверей по широким спинам, чувствуя их тревогу и борясь с собственным страхом. Открывая дверь, выпускающую дусов на свободу, Дункан чувствовал нетерпение зверей.

Дусы, переваливаясь, неторопливо шли рядом; широкие носы втягивали незнакомые запахи. Когда они оказались в доке, громадном пространстве, где звери могли запросто вырваться на свободу и причинить немало вреда, Дункан постарался думать лишь о разведчике «Фокс», о мри, о дусах, пытаясь заставить зверей понять, что от них требуется — если те действительно могли понять.

Дусы шли: большой немного впереди, а малыш почти рядом с Дунканом, постоянно прикасаясь к нему. Один раз большой дус издал отразившийся ото всех уголков огромного дока станции крик, от которого мурашки побежали по спине.

Дункан на мгновение испугался, что утратил контроль над зверями, но дусы как ни в чем не бывало спокойно поднялись по трапу на «Фокс». Для них был устроен проход из открытых дверей, все прочие были заперты. Дункан провел дусов вниз к приготовленному для них отсеку и, задержавшись у двери, подождал, пока звери устроятся. Переход по незнакомым местам растревожил их, и массивные туши тревожно шевелились. Потом один из дусов издал такое знакомое и пугающее довольное урчание.

Дункан рванулся прочь, захлопнув и заперев за собой двери, пытаясь спастись в мертвой тишине коридоров и отсеков корабля, который теперь стал его домом.

— Все чисто, — доложила ему служба слежения «Сабера». На экране перед Дунканом виднелось чистое пространство; второй экран показывал макет системы, на краю которой сияла красная точка — корабль регулов. Потом на экране тревожно замигала еще одна.

Он вызвал крейсер.

— "Сабер", ваша модель системы точна?

Последовала долгая пауза, кто-то, прежде чем ответить, проверял связь. Дункан ждал, сердце забилось сильнее: он знал, что случись какая-то

ошибка, изображение бы уже исправилось.

— Да, все верно, — пришел ответ с «Сабера». — Точнее сказать пока невозможно. Сужения прохода для вас, «Фокс», не предвидится. Официально там никого, кроме вас, нет. Отстыковывайтесь спокойно, курс произвольный.

— Спасибо, «Сабер», — ответил Дункан, отметив появившуюся на экране информацию. — Оставайтесь на связи.

Он приступил к предстартовым проверкам, прежде всего убедившись, что корабль чист. «Фокс» недавно вернулся из прыжка через подпространство, и его обшивка была безупречна.

Он предупредил «Сабер», разомкнул сцепление со станцией и, сдерживая подступающую тошноту, направил крохотный «Фокс» через узенький промежуток между «Сабером» и станцией. Когда он проходил над ней, «Ганнибал» на миг загородил ему обзор, а потом исчез где-то внизу.

Убегая от гибельного притяжения Кесрит и Арайна, «Фокс» теперь шел на основных двигателях, держа планету между собой и подлетающими регулами. Дункан мог слушать радиопереговоры, транслируемые со станции: корабль регулов вышел с ними на связь; эфир заполнили сиплые, с акцентом, голоса. Он слышал ответ станции и

«Сабера». Это были корабли рода Аланей, пришедшие для спасения уважаемого бая Хулага Алань-ни: что ж, по крайней мере теперь можно было не опасаться, что подлетающие корабли принадлежат роду Хольнов. Дункан был благодарен людям со станции, которые специально транслировали ему эти переговоры; а он, после всего случившегося, даже не надеялся на это.

Только теперь Дункан смог вздохнуть полной грудью: земляне, оставшиеся на базе Кесрит, находились в относительной безопасности. И эта безопасность балансировала на лезвии ножа, припасенного Ставросом, который неустанно заботился о почитании бая Хулага.

Мри исчезли: хрупкий и беззащитный маленький разведчик увозил их прочь.

«По-прежнему никем не замеченный.» — Дункан неожиданно понял, что хотели сказать ему, транслируя в эфир эти радиопереговоры — ведь связаться с ним в открытую теперь не осмеливались. Итак, он получил то, чего хотел… и Дункан с невольным восхищением подумал о том, что Ставрос все рассчитал правильно. Если бы губернатор поссорился с регулами и поставил под угрозу мирное соглашение, вслед за громогласным окриком с Хэйвена старика бы

немедленно отозвали, даже если бы Кесрит ничего не угрожало. Если же мри и «Фокс» исчезнут в предпринятой по приказу губернатора экспедиции, вопросов, естественно, избежать не удастся, но об этом инциденте скоро забудут. Мри больше не смогут вмешаться в дела на Кесрит. А если с разведчиками происходят несчастные случаи, корабли просто списываются. Мри были всего лишь двумя пленниками — но слышали ли вы когда-нибудь о том, что мри удавалось держать в плену живыми? Артефакты мри являлись не более чем любопытными вещицами: их всегда находили в избытке там, где мри гибли тысячами; теперь же эти безделушки не имели значения — ведь раса мри больше не существовала. Эти новости стремительно летели с Кесрит, спеша порадовать человечество и обещая славу для Ставроса, который пальцем о палец не ударил, чтобы заслужить ее, и чьи руки в кровавой бойне остались чистыми. Отчеты, приходящие с Кесрит, без сомнения, подвергались тщательной цензуре, и так будет и впредь.

Осталось, правда, посмотреть, удастся ли Ставросу поладить с регулами. Что ж, скорее всего, здесь его ждет успех.

Феноменальное везение, феноменальный ум,

великолепная память, которая ничего не упускала: ничего не ускользало от внимания Ставроса, и в его кажущихся аферах было куда меньше случайностей, чем в рассчитанном риске. Протягивая одну руку регулам, он не забывал протянуть другую «Фоксу», не доверяя, однако, никому.

Дункан нахмурился: привычная обстановка и звуки корабля убаюкивали его. Зная, что его не ждет бой, что красноватый серп Кесрит означает не опасность, а укрытие, он томился в вынужденном безделье. Дункан привычно расположился в «Фоксе»: на кораблях, в лишенных солнца мирах, в джунглях и пустынях, на безжизненных планетах, в невесомости и при повышенной гравитации, и в любом другом месте, где было невозможно выжить, он чувствовал себя, как дома. Уже тогда, во время войны, будучи офицером планетарной разведки, когда, уничтожив полученные от подобных Ставросу безымянных людей инструкции, он взрывал транспорты, Дункан знал, что встретит свою смерть в одном из таких мест, за много световых лет от благополучной империи Ставроса. Из такой дали старик казался всего лишь одним из многих.

Ничего особенного.

Здесь, в этой дали, отныне существовал лишь

Стэн Дункан.

На экране своего локатора он заметил, как от станции отделился еще один корабль. Похоже, что-то случилось. Это был «Сантьяго», внутрисистемный вспомогательный корабль; он нес оружие, но не мог совершать межзвездные перелеты.

Дункан достаточно спокойно отнесся к этому событию; его лишь немного обидело, что никто не поинтересовался у него, нужен ли ему такой эскорт; но пока неподалеку находились корабли регулов, он не возражал против этого.

Взгляд Дункана остановился на лежащем рядом с ним на палубе на мягкой подстилке серебряном овоиде, который казался странным образом невредимым после всего, что с ним произошло. Вот таким же он был, когда упал среди камней Сил'атена, и после того, как его открыли и исследовали. Поверхность овоида осталась нетронутой.

Но теперь он не был уникальным. Его скопировали на голограмме… и, возможно, когда-нибудь воспроизведут в металле в современнейших лабораториях Зороастра — еще один музейный экспонат для землян. Наклонившись, Дункан прикоснулся к нему, ощущая холодную гладкую

поверхность, потом убрал руку и в последний раз взглянул на экраны, где по его следу тащился «Сантьяго».

Предоставив управление кораблем бесстрастной автоматике, Дункан поел. Локатор по-прежнему показывал «Сантьяго». Между кораблями сохранялась вполне безопасная дистанция. Ему пора было приступать к своим обязанностям.

И, кроме того, следовало заняться мри, в беспамятстве летевшими в корабельной лаборатории.

Он шел по коридорам «Фокса», проверяя, все ли в порядке после того, как корабль покинул станцию и перешел в свободный полет. Агрегаты переориентировались; изменения проходили гладко. Дусы казались спокойными: Дункан наблюдал за ними издали; сейчас ему не хотелось входить к зверям — он был слишком встревожен и взвинчен. Мри тоже пребывали в безопасности внутри собственных кают. Врачи не стали извлекать их из автомедов.

Дункан сделал это сам: сначала нежную, невесомую госпожу мри, Мелеин, поместив ее на более удобную лабораторную койку. Ее изящные руки и ноги, почти лишенные мышц, были ужасающе тонкими; глаза запали, под ними залегли тени. Она не шевельнулась, когда Дункан кос-

нулся ее тонкого лица и пригладил ее волосы, стараясь вернуть девушке красоту. Он с тревогой прислушивался к ее дыханию: каждый вздох, похоже, стоил Мелеин больших усилий. Дункан испугался, что может потерять ее.

В отчаянии он понизил температуру в отсеке и до предела уменьшил давление, доведя его до уровня Кесрит. Он понятия не имел — впрочем, этого не знал никто — какие условия являются естественными для мри. Считалось лишь, что они более привычны к атмосфере Кесрит, чем земляне или регулы.

Дыхание Мелеин стало легче. Понаблюдав за девушкой, Дункан наконец осмелился покинуть ее; перейдя в другой отсек, он открыл второй автомед, чтобы вытащить Ньюна.

Ньюн тоже пребывал в состоянии глубокой комы, не имея ни малейшего понятия о том, что его перенесли в другую кровать: беспомощность, столь постыдная для мри.

Здесь больше не должно быть наркотиков. Дункан тщательно прочитал прикрепленные к автомедам инструкции, оставленные ему врачами, и обнаружил, что необходимые, как говорилось в инструкции, «для длительного применения», наркотики «в достаточном количе-

стве» находятся в лабораторном хранилище. Но в его распоряжение имелось достаточно других средств, чтобы помочь мри. Конечно, — подумал Дункан, — когда неподалеку болтаются два корабля регулов и того и гляди что-нибудь произойдет, было бы несерьезно игнорировать подобные меры предосторожности, по крайней мере перед прыжком; но когда он коснулся мри и почувствовал, какими худыми и слабыми они стали, он не смог заставить себя сделать это.

До точки прыжка предстояло несколько дней полета. Для мри, запертых в своих автомедах, неподвижных, с прогрессирующей атрофией мышц, это будут еще несколько отравленных наркотиками дней, проведенных в гибельном для живого организма состоянии.

Обыкновенный здравый смысл требовал выждать еще нескольких дней; и те, кто назначил Дункана наблюдать за мри, решили, что он выполнит их волю.

Но они совсем забыли о том, что все попавшие в плен мри поступают одинаково — знают ли они своего надзирателя, или нет, — но они предпочитают умереть. Тем более, если это можно было сделать, просто отказавшись от медицинской помощи.

С самого начала Дункан понимал все; и то, что он даже не попытался объяснить это Ставросу или остальным, было на его совести. Он мог остановить мри, лишь убив их; а теперь, когда на борту оказались дусы, вряд ли он сможет сделать это.

Во всей Вселенной существовала одна-единственная вещь, с которой мри не могли спорить.

Дункан в последний раз осмотрел мри, отметив, что дыхание их теперь стало ровным, и отправился наверх, в командную рубку.

Он включил навигационный компьютер и набрал код: ноль, ноль, один.

«Фокс» вздрогнул, меняя ориентацию; его сенсоры привязались к Арайну, анализируя, сравнивая данные с мелькавшими на экранах корабля. Линии диаграмм совмещались, сливались, возбужденно сообщая о совпадении.

# 7

Ньюн проснулся, как просыпался уже не раз, охваченный вялостью. Взгляд его вначале остановился на Дункане, который, как это частенько бывало, терпеливо сидел у кровати. Встревоженный смутными воспоминаниями, Ньюн чувствовал, как растет его замешательство.

— Я думал, что ты ушел, — сказал он Дункану.

Дункан взял его руку, положил ее к себе на ладонь. Ньюн попробовал слегка пошевелить пальцами, и это оказалось ему не по силам.

— Ты проснулся? — спросил его Дункан. — Просыпайся, Ньюн.

Он действительно попробовал проснуться, зная, что раз Дункан просит его, то он, несомненно, должен это сделать; но мигательная перепонка прикрывала его глаза, одевая все туманной дымкой, мешая на чем-нибудь сосредоточиться. Мрак вновь начал сгущаться вокруг него, такой доступный, такой приятный. Ньюн почувствовал, как мать ласково коснулась его волос — он узнал бы это прикосновение из тысячи; но пальцы, которые теперь скользнули по его

лицу, были мозолистыми. Не в силах осмыслить это, он растерялся и потому не смог провалиться в сон.

— Выпей, — произнес знакомый голос. Он почувствовал, что его приподняли — рука Дункана: он вспомнил. Край пластмассовой чашки коснулся его губ. Ньюн несколько раз глотнул холодную воду. Она скользнула в его желудок и осталась там неприятным комком.

Дункан убрал чашку, позволил ему улечься на взбитые подушки, мешавшие вновь соскользнуть в знакомый покой, и от поднятия головы Ньюн на мгновение почувствовал тошноту. Теперь Ньюн уже был уверен, что его хотят разбудить в этом ужасном месте и отвертеться не удастся. В горячем, тяжелом воздухе чувствовался неприятный запах пищи.

Он мог двигать руками и ногами. Это открытие его удивило. Он попробовал сделать это, по-прежнему прислушиваясь к своим ощущениям, и в его сознании прошлое и настоящее в конце концов слились.

Он вспомнил огонь и мрак, и регула, который — казалось Ньюну — убил его.

Сейчас он лежал на постели, подобно женщине Кат, с открытым лицом, вконец обессиливший;

его обнаженное тело было распростерто под белым покрывалом.

Все вокруг было незнакомым. Ему не хотелось просыпаться здесь.

Но в мозгу Ньюна ворочалось смутное чувство: он что-то должен сделать, он еще не до конца исполнил свой долг.

Кто-то говорил ему об этом. Он не мог вспомнить.

Он приподнялся, пытаясь сесть, и на мгновение ему это удалось, но руки задрожали, и он упал. Дункан подхватил его и бережно опустил на матрас.

Теперь можно было соскользнуть назад, во Мрак, где не было никаких воспоминаний. Но Дункан не позволял ему. Холодная ткань вытерла лицо Ньюна, резко приведя юношу в чувство.

— Давай, — приговаривал Дункан, снова поднимая его голову и вливая воду между непослушных губ. Затем последовал круто посоленный мясной бульон, и желудок Ньюна угрожающе взбунтовался.

— Воды, — проглотив, попросил он, и, получив ее, отпил глоток. Больше он не мог ничего пить.

Потом он куда-то провалился, а придя в себя, обнаружил, что по-прежнему сидит, опираясь

спиной на подушки. Слышалось успокаивающее урчание, немного сковывавшее разум; рука ощутила тепло, движение. Он повернул голову и в замешательстве увидел, что рядом с ним устроился большой дус. Зверь пошевелился, толкнув кровать, затем успокоился, наполняя сознание Ньюна своим довольством.

В этот момент вернулся Дункан — в одежде землян: Ньюн впервые заметил это. Дункан вернулся к своим, что ж, это правильно. И он, Ньюн, тоже находится у землян. Впервые Ньюн начал воспринимать действительность не как бред, большей частью заполненный образами землян, которые наводняли его пробуждения: что же в этом удивительного — ведь он на самом деле находился у землян.

Землян, которые были его врагами.

Встревоженный дус оглянулся на Дункана, затем снова улегся, издав лишь слабое ворчание. Зверь спокойно переносил землянина, и это озадачило… нет, даже испугало Ньюна: оказалось, что можно соблазнить даже неподкупных дусов. Ему больше не на кого было рассчитывать.

Мрак заполнил его сознание — Ньюн не хотел этих воспоминаний: рушащиеся башни; бледное лицо госпожи во тьме, глаза закрыты.

Дус снова поднял голову, застонал и ткнулся носом в его руку.

— Мелеин, — спросил Ньюн, заставив себя сосредоточиться на Дункане, на белых стенах и реальности — этот вопрос не давал кел'ену покоя. Он вспомнил, что доверял этому землянину; и когда Дункан спокойно ответил ему, в сердце юноши вспыхнула надежда.

Землянин подошел и сел рядом с ним, коснувшись при этом дуса, словно они со зверем давно подружились; но страх… страх жил в нем — Ньюн чувствовал это.

— Она здесь, — сказал ему Дункан. — Она здорова… как и ты.

— Это совсем не здоровье, — хрипло пробормотал Ньюн, кривя губы; но Дункан говорил правду; Мелеин была здорова, и он даже не мечтал об этом. Он не мог закрыть глаза, чтобы не выдать слез, которых стыдился. Пристально глядя на Дункана, Ньюн легонько поглаживал теплый бархатный мех дуса, лежащего между ними.

— Ты свободен, — осторожно, словно разговаривая с маленьким ребенком, объяснил Дункан, отчетливо выговаривая слова. — Вы оба — ты и она. Мы на корабле, улетающем с Кесрит, и кроме вас на борту только я. Я сделал это, потому что

верю тебе. Поверь мне, пожалуйста, хотя бы на время.

Это невероятное, безумное известие тем не менее было правдой: глаза Дункана не лгали. Озадаченный Ньюн принял новость как факт и сразу начал думать о кораблях сопровождения, которые наверняка летели рядом, и мириадах иных предательств, по-прежнему не веря в то, что земляне так легко выпустили их на свободу… Но здесь был Дункан.

Здесь был Дункан, их единственная надежда, единственный из врагов — землян и регулов — кто понимал и уважал Ньюна, чье сердце было благородным — кел'ен народа землян.

Согнув руки, чтобы попробовать свою силу, Ньюн обнаружил, что так долго охватывавшее его разум оцепенение, которое наполняло слабостью руки и ноги, отступило. Он подумал, что это могли быть наркотики; но сейчас они выпустили его чувства из своих объятий, возвращая им прежнюю ясность. Дункан снова дал ему воды, и Ньюн пил; и еще отвратительного бульона, и Ньюн выпил и его, и стиснул зубы, чтобы желудок не отторгнул пищу.

Госпожа была жива: его родная сестра Мелеин, Мать Народа. Его долг — служить ей. Он был

кел'еном, воином, и болезнь, и раны, и наркотики отбирали у него его силу, и его быстроту, и его мастерство — все, чем он владел ради единственной цели в своей жизни — служить госпоже.

Ньюн не позволял себе думать о том, что стало с ним — лишь о необходимости встать на ноги, о том, чтобы, собравшись с силами, идти и предстать перед госпожой, где бы она ни была.

А пока он вытерпит все, что угодно.

В темном проеме двери показался Дункан, неся в руках ворох черной одежды, которую он положил на стол у кровати.

— Твои одежды, — сказал Дункан. — Если позволишь, я помогу тебе.

И Дункан действительно помог ему, осторожно, мягко, не позволяя ему упасть, хотя голова Ньюна кружилась, а серая пелена застилала глаза. Потом, облачив его в привычную мантию кел'ена, он усадил Ньюна поудобнее, подложив ему под спину подушки.

Дункан сидел рядом, терпеливо ожидая, пока дыхание Ньюна выровняется.

— Госпоже лучше, — произнес он. — Она поела, потребовала свои одежды и велела мне выйти. Я подчинился.

Рука Ньюна скользнула под одеяние и нащу-

пала пересекавший ребра шрам. Он понял, что должен был умереть. И Мелеин — тоже.

— Медицина ци'мри, — презрительно сказал он. Голос его дрожал от ярости, и все же Ньюн знал, что только благодаря этой запретной для них науке им удалось выжить; и он, даже чувствуя свою вину, не желал умирать. Ему было двадцать шесть; он думал, что не доживет до этого возраста, как и большинство кел'ейнов, но большинство кел'ейнов к этому времени уже удостоились немалых почестей. Ньюн не удостоился ничего, что позволило бы ему шагнуть во Мрак с гордо поднятой головой. Все, чего ему удалось достичь с таким трудом, он потерял, попав в плен, позволив захватить госпожу. Он должен был умереть.

Но не здесь, не так.

— Это не твоя вина, — сказал Дункан.

— Я уже слишком долго живу, — ответил ему Ньюн, и это было правдой: он и Мелеин пережили свою расу, пережили Народ; и невыносимая горечь наполняла его. Но теперь, когда он вновь обрел госпожу, Ньюн не знал, каков должен быть его выбор и что предложит ему делать Мелеин. Он с сожалением посмотрел на Дункана. Ньюн видел, что глаза землянина закрываются от уста-

лости, тот едва держится на ногах, словно почти не спал. Казалось, его что-то смущает.

— Регулы захватили бы тебя, — хриплым голосом сказал Дункан. — Я мог забрать тебя с собой, и я сделал это. Госпожа не возражала. Она знала, что я делаю.

Ньюн не поверил своим ушам. Мгновение он, Ньюн, пристально смотрел на Дункана, и в конце концов, отбросив свою гордость, стал задавать вопросы, как будто тот был братом-келом.

— Где мое оружие?

— Все здесь, — сказал Дункан. — Я сейчас принесу твое оружие, если ты настаиваешь. Ведь ты спал, ты был болен, и я думал, что ты вряд ли знаешь, где находишься, и вряд ли сразу поймешь, что происходит. Мне бы ужасно не хотелось, чтобы меня прострелили из-за непонимания.

Что ж, по крайней мере это звучало разумно. Ньюн осторожно вздохнул, напоминая себе, что этому землянину, в отличие от других ци'мри, с которыми приходилось общаться Народу, можно верить.

— Я больше не болен, — произнес он.

— Ты хочешь, чтобы я пошел и принес твое оружие?

Ньюн обдумывал ответ, пристально разгля-

дывая обнаженное лицо Дункана. Ему бросили вызов… нет, Дункан говорил искренне, хотя его ответ можно было понять и как оскорбление.

— Нет, — проговорил Ньюн, заставляя себя расслабиться. — Ты много ходил; принеси его в следующий раз, когда придешь.

— Мне бы хотелось вначале убедиться, что ты действительно здоров, — сказал Дункан. — Тогда я все принесу.

Ньюн отвел взгляд, пряча свое недовольство: его лицо было открыто, ощущая беспомощность своих потерявших силу рук и ног, он лежал спокойно, вынужденный смириться с ситуацией. Почувствовав его страдание, дус зашевелился. Ньюн протянул руку и успокоил зверя.

— Я принес еду, — проговорил Дункан. — Я хочу, чтобы ты поел.

— Да, — согласился Ньюн. Дункан вышел в коридор, где он оставил принесенную им еду. Ньюн приподнялся на подушках, используя свое одиночество, чтобы успокоиться и собраться с силами. И к тому времени, когда Дункан вернулся, ему удалось уговорить себя поесть, хотя руки его дрожали, когда он забирал поднос.

Здесь были холодные инопланетные фрукты — лакомства, о которых он слышал, но никогда не

пробовал; толстый ломоть странного рыхлого, но очень вкусного хлеба; и его любимый сой. Ньюн обеими руками взял чашку с горьковатой ароматной жидкостью и выпил все, оставив лишь горький осадок на дне — из всех этих продуктов ему был знаком лишь сой, и, хотя его употребляли регулы, напиток был полезен и для него. Ел Ньюн лишь для того, чтобы заставить замолчать свой желудок; поев, он замер в неподвижности — единственный способ удержать пищу в желудке.

— При такой норме, — проговорил Дункан, забирая поднос и ставя его на стол, где поднос немедленно принялся обнюхивать дус, — ты достаточно быстро восстановишь свои силы. — Спасая поднос, он вынес его в коридор, а следом, тихонько постанывая и опустив голову, с умоляющим видом заковылял обманутый дус, выпрашивая еду.

Ньюн закрыл глаза и расслабился, прислушиваясь к доносящимся откуда-то снизу звукам и мысленно прикидывая, как далеко от него находится место, где сейчас раздавался стук тарелок. Голосов он не слышал, лишь изредка доносилось довольное пыхтение зверей.

«Мелеин?» — в отчаянии спросил он себя. Он уже попробовал попросить оружие, и ему было

отказано. Больше он не покажет, что встревожен. Не стоит забывать, что Дункан — ци'мри и, следовательно, враг.

Дункан вернулся нескоро. За это время пища кое-как усвоилась, и Ньюн почувствовал, что его желудок успокоился. Дункан показал ему расположенную на расстоянии вытянутой руки панель, с которой можно было выключать свет и вызвать помощь, если ему что-то понадобится. Все это сопровождалось строгими наставлениями не пытаться ходить одному.

Ньюн ничего не говорил, только лежал, глядя на Дункана, и молча выслушивал все предложенные ему инструкции.

— Поспи немного, — пожелал ему Дункан через некоторого время, видимо почувствовав болезненное желание Ньюна. Он направился к двери, оглянулся. — Если ты вдруг захочешь есть, нужно только позвать меня.

Ньюн промолчал, и Дункан ушел, оставив дверь открытой, приглушив прорывавшийся из коридора свет.

И как только где-то закрылась дверь и щелкнул замок, Ньюн принялся методично двигать конечностями, заставляя работать отвыкшие мускулы. Он трудился до изнеможения, потом

отдохнул и поспал, а проснувшись, обнаружил, что вернулся дус. Ньюн заговорил с ним, и тот подошел, положив свою массивную голову на край постели. Ньюн оперся рукой на огромную спину и, используя ее, как опору, поднялся. Затем он сделал несколько шагов, опираясь на зверя, который двигался с ним, и повернул назад; ноги его тряслись, и он упал поперек кровати. Некоторое время Ньюн просто лежал, тяжело дыша, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание; прошло несколько мгновений, прежде чем он смог приподнять свои обессиленные ноги, чтобы снова устроиться на постели и отдохнуть.

Но отдохнув, он снова принялся двигаться, потом опять поднялся на ноги с помощью дуса и еще раз заставил себя пройти те несколько удавшихся ему шагов.

Долгий сон: наверное, прошел день, а может быть, нет; время не имело значения. Оно измерялось лишь появлением пищи и теми периодами, когда Ньюн оставался один, когда он мог пытаться вернуть жизнь своему телу.

Еще сон: в этот день он проснулся, когда Дункана рядом не было; лишь дус составлял ему компанию. Тело болело после упражнений, которые он заставлял себя выполнять, и Дункан

по-прежнему не спешил возвращать ему оружие. Некоторое время Ньюн неподвижно лежал в темноте, глядя в освещенный коридор.

Затем он поднялся, на этот раз без помощи дуса, и, твердо ступая, направился в ванную. Умывшись, он не спеша облачился в одежды, которые лежали свернутыми на столе. Напоследок он надел на голову украшенную кисточкой зейдх, козырек которой прикрывал глаза от слепящего солнечного света — оставив, правда, козырек поднятым; и, надев зейдх, застегнул под подбородком мэз, вуаль, деликатно оставленную здесь Дунканом — хотя на корабле не было других землян, а Дункан знал его лицо. В черных одеяниях кела он снова почувствовал себя прежним, и лишь коснувшись принадлежащих ему золотых наград, ощутил боль: тяжелый символ Эдуна Кесритуна с отпечатком раскрытой ладони… на цепочке, как носила этот джи'тэл на своей шее Интель, умершая Мать; и небольшой перстень, прикрепленный к одному из шнуров — в памяти вспыхнули горе и ужас — из рук Матери Элага; и — снова воспоминания, полные недавней боли — маленький символ удачи, джи'тэл в форме листика, которые никогда не вырастали на голой Кесрит — от старшего брата-Кела: и Ньюн

вспомнил своих наставников, которые учили его владению оружием и законам Келов.

И он получил их обратно из рук землянина.

Отдыхая, он немного постоял, прислонившись к стене. Дус беспокойно терся об его ногу. Наконец, справившись с дыханием, Ньюн подошел к двери, выглянул и беспрепятственно вышел в коридор. Дус последовал за ним.

После наклонных стен его собственного дома, который сейчас лежал в руинах, или змеящихся тоннелей регулов узкие прямоугольные коридоры показались ему невероятно чуждыми. Тяжелый, наполненный резкими незнакомыми запахами воздух затруднял дыхание. Впереди, дальше вниз по коридору, из дверного проема показалась голова другого дуса. Ньюн остановился в растерянности и едва не упал, когда его собственный дус, оттолкнув хозяина, как ни в чем не бывало направился по коридору навстречу другому дусу.

Ньюн вспомнил. Еще тогда, где-то в затуманенных наркотиками глубинах своего сознания, он чувствовал присутствие второго зверя, успокаивающее и зовущее его. Два дуса, второй — с Мелеин, бывшей кел'е'ен, которая все еще могла касаться одного из зверей.

Прогулка оказалась куда более долгой, чем он предполагал. Оттолкнувшись от стены, Ньюн направился к нужной двери, прислонился к дверному косяку и заглянул внутрь.

Мелеин, госпожа.

Она в самом деле была жива; она спала — полностью облаченная в свою скромную, местами порванную золотистую мантию касты Сенов, которую она продолжала носить. Какой хрупкой она стала, — с болью подумал Ньюн, — какой худой! Кел'ен был единственным, кого следовало мучить, и морить голодом, и сковывать наркотиками… но за что они это сделали с ней?! От вспыхнувшей в нем ярости Ньюн на мгновение ослеп. Дусы застонали и отодвинулись в угол.

Он оставил свой пост в дверном проеме, сделал несколько шагов и опустился на колени у постели, где она спала, повернувшись на бок и подложив под голову руку. Подошли дусы и обступили его; и он коснулся тонких пальцев ее раскрытой ладони.

Ее золотистые глаза открылись, изумленно заморгали. Вначале, казалось, Мелеин была ошеломлена, затем протянула руку и дотронулась до его обнаженного лица, словно желая убедиться, что это не сон.

— Ньюн, — прошептала она. — Ньюн.

— Что я должен делать? — спросил он ее, дрожа от ужаса: ведь он осмелился задать вопрос. Ньюн был лишь кел'еном и не мог решать: он являлся Рукой Народа, а госпожа — его Разумом и Сердцем.

Если она не захочет жить, тогда он убьет ее и себя; но взгляд Мелеин был холодным и ясным — у отчаявшихся людей такого взгляда не бывает.

— Я ждала тебя, — сказала она ему.

Ньюн взял дусов с собой. Они шли впереди него, друг за другом — слишком большие, чтобы идти по коридору бок о бок. Когти неторопливо постукивали по твердому полу. Благодаря своему странному чутью они знали, кого он ищет… знали также, что это не охота за какой-то добычей, которую в конце можно будет убить. И все же, наверное потому, что они шли с Ньюном и, следовательно, тоже охотились, звери были встревожены.

И в небольшом холле, прямо за поворотом, они встретили Дункана.

Дункан, видимо, направлялся, чтобы как обычно проведать их. Оружия у него не было; его не было никогда, с внезапным смущением вспомнил рассерженный Ньюн. Конечно, Дункан мог

быть готов к этой встрече и просто проверял их сейчас. Похоже было, что он знает, в чем его собирается упрекать Ньюн. Он спокойно стоял перед дусами и ждал, что Ньюн заговорит или сделает то, что хотел. Он, безусловно, знал, что его жизни угрожает опасность.

— На борту больше никого нет, — Ньюн бросил ему в лицо его собственные слова.

— Да. Я говорил правду.

Дункан был испуган. Близость дусов подавляла его; но он не давал своему страху вырваться наружу, иначе его ждала неминуемая смерть.

— Яй! — одернул дусов Ньюн, пытаясь отвлечь внимание зверей от этого опасного занятия Дункана. Дусы продолжали нервировать его, и страх землянина усилился. Звери уже не могли не обращать на него внимания. — Дункан, — прямо спросил Ньюн, как спросил бы он брата-Кела, — что ты собираешься с нами сделать?

Дункан пожал плечами — обычная манера землян; рот его устало скривился. Лицо его было открыто, он казался смертельно уставшим. Да, порою Дункан бывал наивен, но он вполне мог позаботиться о собственной безопасности, и наверняка знал, что сейчас ему следовало бы сделать так же. Ньюн мгновенно взял себя в руки.

— Я хотел вытащить вас из рук регулов, — сказал Дункан.

— Ты просто попросил своих людей, и они исполнили эту твою прихоть. Ты настолько важен для них, что они все наперебой торопятся тебе угодить?

Дункан не обратил внимания на сарказм Ньюна. На его лице по-прежнему отражалась лишь усталость, и он снова пожал плечами.

— Я один. И я не собираюсь сидеть за пультом управления. Это можешь сделать ты. Но не забывай, что это не военный корабль, мы безоружны и, возможно, уже делаем то, что от нас требуется. Не думаю, правда, что тебе удастся изменить курс: в навигационный компьютер уже загружена курсовая лента.

Ньюн нахмурился. Об этом он, по своей неопытности, даже не думал. Он пристально глядел на Дункана, понимая, что его собственные силы ограничены: их уже с трудом хватало, чтобы просто держаться на ногах. Конечно, он мог дать волю дусам и захватить корабль; но то, что рассказал Дункан, объясняло спокойствие землянина: корабль не подчинялся никому.

— Куда мы летим? — спросил Ньюн.

— Я не знаю, — проговорил Дункан. — Не знаю.

Пойдем со мной к пульту управления, и я покажу тебе, что я имел в виду.

В футляре, на пористой прокладке, лежал овоид, сверкающий и прекрасный предмет, единственный в своем роде, святыня. На его поверхности не было заметно ни единого изъяна, хотя Ньюн видел, как тот падал на камни, и лишь боги знали, что ему еще пришлось вынести, чтобы в конце концов оказаться здесь. Не обращая внимания на стоящего рядом Дункана, Ньюн преклонил колени и, протянув руку, с благоговением коснулся гладкой холодной поверхности, словно то была кожа нежного существа.

То был пан'ен, частица души мри, чудо, которое он нес до тех пор, пока мог это делать. Ньюн был готов умереть, чтобы руки ци'мри не коснулись его.

И, побывав у ци'мри, тот вернулся к нему — осквернённый.

Это дело рук Дункана. Больше никто не смог бы отыскать его.

Ньюн поднялся, на миг ослепнув — мигательные перепонки подвели его; и будь перед ним кто-нибудь, не принадлежащий к Народу, он в гневе закрыл бы свое лицо, но Дункан был ему роднее, чем многие из его соплеменников. Ньюн

не знал, что скрывается за этим даром — милость или угроза. Ему вдруг захотелось прислониться спиной к находящейся позади стойке; ноги у него подкашивались. Подошел дус, огромный, неуклюжий на вид; здесь, среди нагромождений хрупких приборов, ему приходилось двигаться очень осторожно. Зверь улегся у ног Ньюна, давая так необходимые ему сейчас теплоту и спокойствие.

— Знаешь, у мри хватит сил, — сказал Ньюн, — чтобы ты понял, насколько опрометчиво ты поступил, коснувшись этого.

— Это принадлежит вам. Я вернул его вам; было бы лучше, если бы это исчезло.

Ньюн опять опустил глаза на пан'ен, потом поднял их на Дункана, все еще пытаясь осмыслить, что скрывается за этим обнаженным лицом; и в отчаянии медленно закрыл свое лицо вуалью — то было предупреждение, что между ними больше нет ничего общего — если Дункан успел изучить этот жест мри.

— Любопытство сводит землян с ума. Так учили меня старшие, и, мне кажется, они были правы. Ты никогда не получил бы его обратно, если бы ваши ученые не заглянули внутрь; возможно, они даже поняли, что это такое. Будучи лишь

кел'еном, я не был удостоен чести узнать это. Ты, может быть, знаешь. Я не хочу.

— Ты не ошибся в своих подозрениях.

— Ты — землянин. Ты знал, что произойдет, если ты отдашь его своим соплеменникам.

— Я не знал, что это такое. Я не знал, что в них проявится нечто большее, чем простое любопытство.

— Но это случилось, — возразил Ньюн, и, когда Дункан не ответил: — Мы здесь из-за этого? Единственное, что оставалось у мри, единственное сокровище, которое было у нас — и вот оно здесь, и здесь ты, один; и внезапно мы получаем награду, и нашу свободу — корабль, чтобы покинуть планету. Это бесценный дар. За какую службу землянам эта награда, кел Дункан? Или нас одарили за сорок лет войны, которую мы вели против твоей расы?

— Война окончилась, — сказал Дункан. — Все в прошлом.

— Но мы мри, — сказал Ньюн, заставляя себя произнести эти горькие слова, не признавая великодушия ци'мри и не понимая их поступков. Его вновь охватила слабость; чувства притупились; слишком долго находившиеся в напряжении мускулы задрожали. Он стиснул рукой стойку,

сделал глубокий вдох и резко выдохнул: в голове его прояснилось. — Я не знаю, почему ты на борту один, — проговорил он. — Мы не понимаем друг друга, кел Дункан.

— Что ж, по крайней мере, честно, — сказал Дункан, обдумав столь недвусмысленное предостережение. — Возможно я ошибаюсь, но мне казалось, ты поймешь, что я пытался сделать лучше для тебя. Ты свободен.

Ньюн окинул взглядом пульты управления: они казались совершенно чуждыми, не такими, как у регулов, хотя и те он знал лишь в теории. Тонкая струйка пота поползла у него под мантией с левой стороны.

— Нас сопровождают? — спросил он.

— За нами пока еще наблюдают, — сказал Дункан. — Вам по-прежнему не верят. И ни ты, ни я не можем избавиться от этой слежки: кораблем управляет компьютер. Может быть, ты сможешь перехватить управление, но если тебе это удастся, они, скорее всего, заподозрят неладное.

Довод казался разумным. Ньюн обдумал это, рассеянно поглаживая рукой голову дуса, который сидел рядом с ним.

— Я сообщу сказанное тобой госпоже, — сказал в конце концов Ньюн. Он негромко велел дусу

идти впереди и последовал за зверями, оставив Дункана рядом с пультом управления. Дункан мог убить их; но задайся землянин такой целью, он бы давно сделал это. Он мог лишить их свободы, но, возможно, сам корабль и был тюрьмой с охраной снаружи. Непонятно было лишь то, почему Дункан решил разделить с ними заключение. Ньюн подозревал, что тот поступил так согласно своему пониманию чести, которое у землян сильно отличалось от представления о чести у мри.

А может быть, во всем были виноваты узы, которые связывали Дункана со своей расой; или же то, что они оба были всего лишь кел'ейны: ничего не решая сами, они жили по указке других, и каждый выбирал лишь способ и место действия. Ньюн знал, что кел'ен мог найти себе друга среди кел'ейнов другого Дома, и что однажды они могли встретиться лицом к лицу и убить друг друга. Об этом слагали песни.

Дружба за пределами своего Дома никогда не приводила к добру; считалось, что это приносит несчастье, поскольку долг требовал преданности Дому и беспрекословного исполнения приказов госпожи.

# 8

Вот и все.

Дункан стоял и смотрел, как уходит мри, зная, что теперь, когда Ньюн убедился, что госпоже ничто не угрожает, сюда придет Мелеин, чтобы принять символическое управление кораблем.

Согласно обычаям мри, если существовала возможность спросить совета у госпожи, все решения принимала она. Этой новостью Боаз могла бы поразить военных; этой новостью он сам мог бы поразить тех, кто отвечал за безопасность на «Флауэре», если бы они спросили об этом: одетые в черное кел'ейны мри ничего не решали сами.

Ньюн не знал, что представляет из себя артефакт, которому он поклонялся. Но это вовсе не удивило Дункана. Ньюн, несмотря на весь свой опыт, просто отказывался знать то, что, как он считал, его не касается; при первой же возможности он спешил за советом к Мелеин. Дункан отчаянно надеялся на это. И именно так все и вышло. Теперь, увидев, что Ньюн, живой и здоровый, сделал все именно так, как он хотел, Дункан почувствовал, что тяжесть, несколько дней бук-

вально пригибавшая его к полу, исчезла.

Он с удивлением обнаружил, что ему совсем не страшно от того, что он сделал. Страх приходил к нему бессонной ночью, когда он вспоминал руины на холмах, ночной кошмар Сил'атена, ад, который обрушился на них; или при виде улыбок регулов, которые пытались уничтожить его и уничтожили вместо этого целую разумную расу. Расу мри, которых он уважал.

По-прежнему имелось немало шансов, что мри повернет оружие против него — и тогда Стэна ждала смерть; подобные мысли до сих пор не давали ему покоя, но представить себе этого Дункан не мог. Произойди это, причины следовало искать в каких-то глубинных пластах логики мри, которые Ньюн и Мелеин, несмотря на откровенные провокации Дункана, никогда ему не показывали.

Впрочем, время для сожалений давно миновало: теперь он уже почти ничего не мог поделать. Тыльной стороной ладони Дункан провел по воспаленным глазам — ему очень хотелось спать. Последние четыре дня он не мог себе позволить такую роскошь: слишком стремительно развивались события на борту; где-то неподалеку болтались два корабля регулов, да еще этот

ненормальный «Сантьяго» по-прежнему висел у него на хвосте.

Он уселся за пульт управления, запросил у компьютера текущую информацию, и когда на экране высветились активные системы, понял, что корабль занят подготовкой к прыжку: система слежения уже выбрала звезду в качестве точки отсчета и готовилась выполнить перемещение, как только компьютер получит подтверждения от остальных систем «Фокса», что корабль находится на достаточном удалении от какой-нибудь значительной массы. На это мог уйти целый день: допуски автоматики были значительно шире, чем следовало. Но больше — вряд ли.

Утонувшую в лучах своего солнца Кесрит отсюда был не видно, а сам Арайн казался красной точкой на звездной карте: крохотный маячок, словно бы отмечавший — впрочем, так оно и было, — границу освоенных землянами территорий; звезда, вокруг которой совершали свой путь единственная почти необитаемая и несколько совершенно безжизненных планет.

Один из экранов показывал схему, на которой — по-прежнему гораздо дальше, чем им следовало быть после такого промежутка времени — были видны корабли регулов: они приближались с

предосторожностями. Но Дункан не обращал особого внимания на перемещения регулов: те были довольно далеко и не могли его видеть.

Крохотная точка вспыхнула на другом экране: вспомогательный корабль «Сантьяго», верная тень «Сабера».

Корабль находился ближе, чем обычно.

Дункан закусил губу, чувствуя, как участился пульс: ему очень не хотелось сейчас затевать диспут со своим сопровождением: мри могли войти в любую минуту. Но ведь это мри вынудили его немедленно запросить у компьютера информацию! Выругавшись про себя, он дотянулся до клавиши передатчика.

— "Сантьяго", — просигналил он. — "Сантьяго", это "Фокс". Требую увеличить дистанцию. Вы на моем локаторе, и ваша масса регистрируется моей аппаратурой. Вы мешаете прыжку.

Последовала долгая пауза.

— Принято, — отозвался «Сантьяго». Похоже, им потребовалась консультация. — «Фокс», — послышался наконец голос. — Здесь Захади. Ситуация резко ухудшается.

Это был капитан «Сантьяго». От дурного предчувствия Дункана бросило в холод.

— Объясните, — потребовал он у Захади.

— "Фокс", — последовал немедленный ответ, — "Фокс", ни один корабль регулов не стремится к сближению. Хулаг вылетел на челноке на станцию. Ситуация там близка к критической. Хулаг потребовал переправить его на корабль регулов "Сигграв". Последнее сообщение от Ставроса следующее: "Требование Хулага выполнить. Миссия разведчика остается в силе. Приступайте. Конец сообщения".

— "Сантьяго", мы готовы к прыжку. Происходящее нас не касается. Вы мешаете прыжку. Прошу вас покинуть зону локации.

— Принято, — ответил Захади.

Наступила долгая тишина. Дункан ждал, не сводя глаз с экрана локатора. Ничего не менялось. Он повторил сообщение. Тщетно.

Ответа по-прежнему не было. «Сантьяго» продолжал висеть в центре экрана.

Дункан вновь подкрутил настройку, кляня на чем свет стоит «Сантьяго» со всем его экипажем: чего-чего, а ругань осужденному не возбранялась.

— Покиньте зону локации, — повторил он. — «Сантьяго», уйдите с дороги!

Снова никакого ответа. Предчувствуя неладное, он похолодел. «Сантьяго» упорно торчал в центре

экрана, используя свою массу, чтобы помешать ему — теперь Дункан был в этом уверен.

Что ж, это было в духе Ставроса: поводок, за который не доверявший ему до конца старик отчаянно цеплялся.

И в любую минуту могли войти мри. Он прикидывал, что произойдет, когда, миновав коридор, сюда войдут дусы, а следом — Мелеин, чтобы сделать то, что она хочет. Ньюну, безусловно, потребуется некоторое время, чтобы найти свое оружие; кроме того, обоим мри необходимо немного передохнуть, чтобы восстановить силы: Ньюн передвигался с трудом, и Мелеин, скорее всего, была не лучше. Слишком глупо надеяться, что они не станут вмешиваться.

Ставрос все же вмешался. Зная Дункана, старик не собирался давать ему полную свободу действий.

Повинуясь внезапной догадке, он переключил локатор на максимальную дальность. На краю экрана появилась стремительно двигающаяся точка.

Дункан выругался и лихорадочно включил вызов «Сантьяго», требуя объяснений.

— "Фокс", "Фокс", — пришел наконец ответ, — это "Сабер" через "Сантьяго"; назначен вашим

сопровождающим. Прошу подтверждения.

Наклонившись вперед, Дункан подрегулировал настройку, судорожно сжав другую руку в кулак.

— "Сабер", это "Фокс". Мне не нужен эскорт. Сворачивайте. Сворачивайте.

Время шло. Подтверждения не было. Тишина.

«Сабер» не менял курса.

— Требую объяснений, — передал им Дункан.

Молчание. «Сабер» продолжал идти на перехват. Еще немного — и выбора уже не будет.

— "Сабер", — чертыхаясь, торопил их Дункан, — "Сабер", передайте на "Сантьяго": "Покиньте зону локации: повторяю, покиньте зону локации. Мой корабль готов к прыжку, а ваша масса регистрируется. Требую, чтобы следующее сообщение было в официальном порядке занесено в судовой журнал: "Сантьяго", вы игнорировали пять предыдущих предупреждений. В течение пятнадцати минут я переведу корабль в режим прыжка вручную. Если вы сейчас же не изберете режим уклонения, окажетесь затянутыми в мое поле. Советую вам немедленно удалиться. Пятнадцать минут, отсчет пошел".

Секунды бежали. Его рука вспотела на рукоятке управления. Точка, обозначавшая «Сантьяго», начала отдаляться, но «Сабер» по-прежнему не

снижал скорости.

— "Фокс", — услышал он. — Это "Сабер", говорит Кох. С этого момента мы тоже участвуем в операции в качестве сопровождающих. Приказ достопочтенного Георга Ставроса, губернатора территорий Кесрит.

Дункан был поражен до глубины души. «О Боже, избавь от этого, избавь от этого», — молил он, не зная, кого именно — их или его. Одеревеневшее от напряжения тело Дункана била дрожь.

Километровый крейсер в качестве эскорта разведчика. Дункан наблюдал, как приближается «Сабер». Тот был еще недостаточно близко, чтобы детекторы зарегистрировали его огромную массу, но расстояние между кораблями неуклонно сокращалось. Вот он почти догнал «Сантьяго», и теперь вспомогательный корабль, не приспособленный для межзвездных перелетов, сможет совершить прыжок, прицепившись к неуклюжей громаде «Сабера».

Боевые корабли: какая уж тут разведывательная миссия! Его сделали проводником для боевых кораблей!

«Нет, нет, нет!» — яростно твердил он про себя, и, повинуясь какому-то безотчетному импульсу и собственному отчаянию, выбросил вперед руку

и ударил по рукоятке управления.

«Прыжок».

Он вцепился в панель, хотя тело требовало немедленно лечь, а стены текли, словно вода, исчезая в невообразимом водовороте вместе с окружающим пространством; и все повторилось, и поток повернул вспять, вынося их в прежнее состояние.

Звезды на экранах были иными. Дункан дрожал, сбитый с толку, и никак не мог прийти в себя, словно он только что выбрался из боя в глубоком космосе.

Он дотянулся до клавиш управления локатором, обнаружив, что при малейшей потере равновесия у него кружится голова, как будто вокруг было по-прежнему полно щелей, в которые он мог провалиться, а верх и низ полностью отсутствовали. Если время и существовало в момент прыжка, разум не воспринимал его, не получая из этого первозданного хаоса ничего, кроме ужасного внутреннего потрясения. Дункан включил локатор.

Не было ничего, кроме звездного шума.

Не было ничего.

Он упал в кресло, пытаясь справиться с эмоциональным вакуумом, который всегда сопровождал

переход; но сейчас это было нечто больше, чем физический дискомфорт. Дункан сделал ужасную непоправимую ошибку: не принял сторону мри, но порвал со своими соплеменниками: по крайней мере, ему удалось выиграть для мри время, пока Кох и Ставрос разберутся, что он сделал, обсудят и решат, на чьей он стороне, и как с ним следует поступить.

«Регулы живы, — сказал Ставрос, — их жертвы — нет. Так что мы имеем дело с регулами, которые по-прежнему опасны.»

Боевые корабли, а не «Флауэр» с Боаз и Луисом. Половина войск Ставроса готова последовать за безоружным «Фоксом» даже несмотря на то, что регулы угрожают Кесрит: боевые корабли, и впереди всех — он сам, с мри на борту, чтобы зондировать укрепления — на безоружном корабле, и следом — другие.

Чтобы найти и уничтожить базы мри, всюду, куда бы их ни вывела лента: чтобы завершить то, что начали регулы.

Он уронил голову на руки и попытался снова успокоиться; от ярости и последствий перехода мускулы его свело судорогой. Несколько мгновений Дункан ничего не мог поделать; а потом по-прежнему дрожащими пальцами принялся

искать шприц-ампулу, который уже несколько дней хранил в поясе, не зная, когда произойдет прыжок. Едва не выронив, он сломал футляр и, вонзив иглу, позволил наркотику влиться в кровь.

По телу разлилось тепло, пришло спокойствие; теперь он без труда мог справиться с сопровождавшим прыжок выворачиванием наизнанку, мог долго — пока не представиться такая возможность — обходиться без отдыха. Его сознание прояснилось, было ли сейчас оно надежно защищено от стрессов.

Только теперь он понял, что все было напрасно: «Сабер» последует за ними, ведь курсовая лента наверняка продублирована. Придут боевые корабли. Если когда-нибудь человечеству удастся вернуть Дункана, его открытое неповиновение Коху без сомнения обеспечит ему военный трибунал. Но мри, узнав обо всем, скорее всего позаботятся о нем сами, и поэтому бояться правосудия землян ему не следовало.

Дункан спокойно обдумал все это и, наверное, из-за усталости — ведь он не отдыхал уже несколько дней, — ему вдруг стало интересно: неужели вся его вина заключается в этом последнем неповиновении, или все началось гораздо

раньше, гораздо раньше, когда он хотел освободить мри? Он попробовал что-нибудь узнать из ленты, но все оказалось напрасно: ни времени полета, ни количества прыжков, ни какой-нибудь информации о том, где они находились. Он посмотрел на сияющую на экране звезду. Наверное, база мри. В таком случае, ему, возможно, осталось жить всего несколько дней.

Дункан оторвался от клавиш управления, чувствуя, как содрогается его тело, даже несмотря на успокаивающее воздействие наркотика. В действительности это оказалось гораздо хуже, чем он себе представлял: сказывалась усталость. Он решил, что если в течение ближайшего часа ничего не изменится, он пойдет к себе, вымоется и ляжет: было уже слишком поздно о чем-либо беспокоиться.

А в дверь неслышно вошел дус, и следом — второй; и позади них шли мри.

Он отшатнулся. Мелеин, по своему обыкновению, была без вуали, пальцы ее переплелись с пальцами поддерживающего ее Ньюна. Она вошла в рубку управления как раз в тот момент, когда Дункан попятился; взгляд ее золотистых глаз скользнул вокруг, замер на предмете, покоящемся близ панелей управления — то был

артефакт в своей колыбели. Больше ни на что не обращая внимания, она подошла к нему, наклонилась, и, опираясь на руку Ньюна, чтобы не упасть, коснулась серебряного овоида, ощупала его, словно желая удостовериться, что он действительно реален.

Потом она выпрямилась. Ее ясные и пронзительные янтарные глаза встретились с глазами Дункана.

— Я хочу сесть, — сказала она голосом, похожим на сиплый шепот; и Ньюн осторожно усадил ее на край откидывающегося кресла капитана, словно то являлось троном. Она сидела прямая, прижав руку к ребрам в том месте, куда была ранена, и на мгновение задохнувшись; но вот боль прошла, и рука упала. Оба дуса, приблизившись, прижались к ее ногам, создав живую стену у ее коленей; левую руку она протянула Ньюну, который устроился на палубе рядом с ней, опираясь локтем на большего из дусов.

Дункан смотрел на них: сквозь застилавшую глаза пелену ему казалось, что современная рубка управления превратилась в холл верховной жрицы, а сам он здесь чужой. Мелеин смотрела прямо на него; за ее спиной на экранах сияла звездная россыпь и, завораживая своей

монотонностью, один за другим вспыхивали разноцветные огоньки.

— Дункан, — негромко сказала Мелеин, — куда направляется этот корабль?

Он вспомнил, что не всегда разрешалось говорить непосредственно с госпожой, хотя однажды ему было позволено сделать это. Теперь все изменилось. Он посмотрел на закрытое вуалью лицо бесстрастного Ньюна.

— Расскажи госпоже о том, _ч_т_о_ направляет нас, — ответил он, махнув рукой в сторону покоящегося рядом с ними овоида.

— Я желаю говорить с ним, — сказала Мелеин, тревожно нахмурив брови. — Объясни. Объясни, кел Дункан.

— Ты знаешь, — спросил он ее, — что оно содержит?

— А ты?

Он покачал головой.

— Нет. Информацию. Навигационную информацию. Но не о том, куда мы идем. Ты знаешь?

Ее красивое лицо превратилось в маску, став непроницаемым, как у Ньюна, хотя и не прикрытое вуалью. — Почему с нами только ты? Может, неразумно не подпускать нас к управлению, кел Дункан?

От таких вопросов ему стало не по себе. Он изо всех сил старался сохранить ясность мышления, чтобы подобрать разумные ответы, но Мелеин настойчиво протягивала ему свою руку, и Дункану оставалось лишь взять ее длинные тонкие пальцы в свою ладонь. Чужое прикосновение смутило его, и он обнаружил, что оказался в опасной близости от дуса.

— Садись, садись, — предложила она ему, поскольку, пока он стоял, ей приходилось смотреть на него снизу вверх; и он мог сесть лишь на палубе, рядом с дусами, как и Ньюн. — Теперь мы больше тебя не интересуем? — ее вопрос уколол Дункана.

Он выполнил ее просьбу, опустившись на колени на твердый палубный настил; ему пришлось коснуться дусов, и он понял, какая ловушка ему приготовлена: контакт со зверями, туманящий чувства поток. Страх рос в нем, и звери, почувствовав это, зашевелились; Дункан взял себя в руки, и дусы успокоились.

— Однажды, — обратилась к нему Мелеин; ее голос был далеким и тихим, — я сказала, что мы найдем корабль и путь с Кесрит; я сказала, что мне нужен пан'ен, а ты был рядом и слышал. Кел Дункан, это твои дары, только твои?

Эту маленькую владычицу нельзя было назвать наивной: она спрашивала то, во что не верила. Дункан почувствовал, как у его ног разверзается бездна.

— Политика требует, чтобы вы не попали в руки регулов, — сказал он. — Вы свободны. Что касается подарков — нет, я здесь не причем; я не могу такое дарить. Другие… улаживают такие дела. Любая задержка в секторе космоса, который принадлежит регулам или землянам будет нашим концом: этот корабль не вооружен. Но от сопровождения мы избавились, госпожа. Мы одни; и эта лента поведет нас до конца.

Она некоторое время молчала. Дункан беспокойно смотрел на Ньюна: вряд ли тот поверил ему. Мелеин заговорила на своем языке; Ньюн отвечал односложно, не поворачивая головы и не меняя выражения лица. Услышав ци'мри — этим словом мри называли чужих, — Дункан испугался.

— Твой род ненавидит тебя? — спросила Мелеин. — Почему ты один на борту, кел Дункан?

— Чтобы ухаживать за вами… и за машинами. Должен же кто-то это делать. Госпожа, из _э_т_о_г_о_… из объекта… ученые сделали ленту, которая сейчас ведет нас. Мы полностью в ее власти, и ни

я, ни вы ничего не можем сделать, чтобы остановить ее. Я буду обслуживать корабль; я доставлю вас к вашей цели, где бы она ни была. И когда я сделаю это, я возьму корабль и отыщу своих соплеменников, и скажу им, что мри больше не хотят участвовать в интригах регулов или людей, и что война закончилась, навсегда. Войны больше нет. Вот почему я на борту.

Тревожные морщины прорезали лицо Мелеин, когда она взглянула ему в глаза.

— Я не могу прочитать в тебе истину, — призналa она, — ты ци'мри; и твои глаза не настоящие.

— Медпрепараты, — сказал Ньюн низким голосом — то было первое слово, которое он произнес сам, не дожидаясь разрешения. — Они используют их во время перехода.

У мри, которые отказывались от лекарств, даже от таких, ничего подобного не было: Ньюн произнес _о_н_и_ с откровенным презрением, и уязвленный Дункан внезапно понял, насколько это опасно. Он впервые по-настоящему испугался; дусы тревожно вздрогнули, и Ньюн успокоил их, похлопывая рукой по широким спинам.

— Ты даже не знаешь, — сказала тем временем Мелеин, — на что обрекли тебя твои старшие, кел Дункан. Когда ты собираешься вернуться?

— Я не знаю, — произнес он.

— Такой долгий, такой долгий путь. Тебе не место здесь. Тебе не следовало делать этого, кел Дункан.

— Я не могу вернуться домой прямо сейчас, госпожа. Мы совершаем прыжок.

— Теперь это корабль мри. И туда, куда мы идем, не может идти ни один ци'мри.

Дусы зашевелились, поднялись; Дункан рванулся было следом, но Ньюн мягко придержал его за запястье.

— Нет, — сказал Ньюн. Глаза поверх вуали сейчас смотрели без угрозы. — Нет. Спокойно, Дункан.

С негромким тревожным сопением дусы встали поодаль слева от Мелеин. Их маленькие глазки угрожающе сверкали, но через некоторое время они снова уселись, по-прежнему наблюдая за Дунканом.

А Ньюн негромко заговорил с Мелеин на своем языке: выслушав ответ, он снова торопливо говорил что-то, словно уговаривая ее изменить свое решение. Дункан напряженно слушал, способный разобрать лишь слова «мри, Кесрит», и «ци'мри» — если себя мри называли «Народ», то другие расы у них были ци'мри, а значит «чу-

жаки». Так считали мри; Дункан знал это давно. Никаких объяснений этому не существовало.

Сказав напоследок несколько слов, Мелеин поднялась, закрыв вуалью свое лицо, и медленно повернулась к нему спиной.

От этого жеста Дункана бросило в дрожь. Поняв все, он собрался с силами, чтобы подняться на ноги; и Ньюн поднялся, опираясь на кресло, и встал между ним и дусами.

— Госпожа сказала, — заговорил Ньюн, — что я не должен позволять ни одному чужому появляться у нее на глазах. Ты кел'ен; я буду сражаться с тобой, когда соберусь с силами, или же ты можешь остаться с нами и жить как мри. У тебя есть выбор.

Он беспомощно уставился на Ньюна. Из-за наркотика все происходящее казалось ему нереальным.

— Я бы не стал рисковать своей шеей, освобождая вас, только для того, чтобы после этого убить тебя или ее. Нет.

— Ты бы не смог убить меня, — сказал Ньюн.

Это вывело Дункана из равновесия.

— Я вам не враг, — запротестовал он.

— Ты хочешь поступить в услужение к госпоже?

— Да.

Он сказал это, не задумываясь — то был единственный разумный ответ. Как-нибудь потом, когда все придет в норму, можно будет поспорить с ними, объяснить, почему его вместе с кораблем следует отпустить. Пока же это была их собственная защита, которую мри предусмотрели.

Но Ньюн еще некоторое время спокойно смотрел на него, словно сомневаясь в его ответе.

— Ньюн, — позвала Мелеин, по-прежнему не поворачиваясь; Ньюн подошел к ней, и они стали вполголоса переговариваться. Потом на некоторое время Ньюн замолчал; дусы беспокойно шевелились: один застонал и ткнулся носом в руку Ньюна. Тот машинально погладил зверя, заставляя его замолчать, затем вернулся туда, где стоял Дункан.

— Кел Дункан, — проговорил он, — госпожа сказала, что мы идем д_о_м_о_й_. Мы идем домой.

Несколько мгновений он ничего не понимал… потом смысл сказанного начал проясняться, наполняя его тревожным предчувствием.

— Вы называли домом Кесрит, — сказал Дункан.

— И Нисрен. Келы лишь повторяют. Госпожа знает. Дункан… — Глаза над вуалью потеряли

свое бесстрастное выражение. — Может быть, мы последние; может быть, ничего не осталось; может быть, это будет слишком долгий путь. Но мы идем. А потом я должен все забыть; и ты тоже должен забыть. Таково слово госпожи, ибо ни один землянин не может пройти этот путь вместе с нами. Госпожа говорит, что ты преподнес Народу великий дар; и за эту службу ты можешь сохранить свое имя, хоть оно и человеческое; но не более. Мы ушли от солнца во Мрак; и во Мраке забыли все, чем мы были, что видели и знали, и теперь возвращаемся к своим предкам. Вот во что ты ввязался, Дункан. Если тебе и суждено когда-нибудь ступить на землю предков Народа, ты должен быть мри. Это понятно? Этого ты хочешь?

Дус прижался к ним, наполняя их теплом и назойливостью своих эмоций. Дункан впал в оцепенение; он почти ощущал беспокойство Ньюна. Но почувствовав вторжение в собственное сознание, Дункан отодвинулся, и дус вздрогнул, но потом упорно подвинулся ближе. Дусов было невозможно обмануть, да и мри, если уж на то пошло, тоже. Рано или поздно они узнают, что уготовили им земляне и для чего Дункан провожал их домой: другой, почти данайский дар.

И вот, словно в насмешку, они предлагали ему разделить все это с ними.

— Да, этого я хочу, — выдохнул Дункан, потому что иного выбора не было.

Ньюн нахмурился.

— Мри никогда бы не выбрал то, что выбрал ты, — сказал он.

Отдаленность, создаваемая наркотиком, исчезла, окунув Дункана в холодную реальность. Сказанное Ньюном неожиданно обрело зловещий смысл. Дункан посмотрел на по-прежнему стоящую к нему спиной Мелеин, спрашивая себя, соблаговолит ли она теперь взглянуть на него, раз уж он согласился на все их требования.

— Идем, — сказал Ньюн, махнув рукой в сторону двери. — Ты отказался от корабля. Теперь твое место не здесь.

— Она не сможет управлять им! — запротестовал Дункан, не в силах представить, как родившаяся в пустыне Мелеин, которую обучали регулы, поведет построенный землянами корабль.

Ньюн, казалось, застыл на месте; выражение его лица вновь стало хмурым.

— Идем, — снова сказал он. — Прежде всего забудь, как задавать вопросы. Ты всего лишь

кел'ен.

Это было безумием. И какое-то время без этого нельзя было обойтись; конечно, невежество Мелеин могло стоить им жизни, но Дункан надеялся, что у нее хватит здравого смысла не совершать безрассудных поступков. Корабль мог управляться автоматически. В конце концов, это не так опасно, как идти против Ньюна.

Здесь были дусы.

И, кроме того, был еще один бесспорный факт: нанеси Дункан поражение мри, ему придется убить кел'ена, а он оставил Кесрит и не подчинился приказам Ставроса вовсе не для того, чтобы довершить начатое регулами. В свое время он успел достаточно изучить мри, и теперь мог убедить их, где бы те ни находились: на планете регулов или на своей собственной.

Он подчинился и вместе с Ньюном покинул рубку управления. Дусы шли следом. Дверь за ними закрылась — Дункан услышал, как защелкнулся язычок замка.

# 9

Два крейсера, шесть вспомогательных кораблей.

Бай Хулаг Алань-ни с удовлетворением отметил, как при появлении этой силы изменилось поведение землян. Юноши-земляне выстроились по обеим сторонам парадной лестницы Нома, чтобы встретить регулов, которые только что выбрались из совершившего посадку челнока; здесь же стояли несколько молодых регулов, держа наготове четыре светло-серебристые тележки. Хулаг коротко приказал своему водителю ехать прямо к встречающим: некоторые из только что прилетевших, идущие в самом конце, еще пугались землян, и Хулаг, несмотря на свой ранг и отягощенный майоратом [майорат (от лат. «major» — старший) — форма наследования, при которой имущество переходит полностью к старшему из наследников], намеревался первым подъехать к Ному и подождать остальных. Сам он не боялся землян и хотел, чтобы никто другой из Аланей не уронил перед ними своего достоинства.

Машина плавно остановилась. Открылся люк, впуская знакомый едкий воздух Кесрит: Хулаг недовольно фыркнул, когда тот обжег его ноздри — но сейчас баю показалось, что у воздуха есть какой-то своеобразный аромат.

Он не обращал внимания на землян, которые с любопытством рассматривали его, а в своем любопытстве некоторые осмелились протянуть руки, чтобы помочь баю. Его водитель, Сут Хораг-ги, отогнал их прочь и ловкими движениями подкатил тележку к открытому люку; с великой осторожностью Сут приподнял бая, перенеся огромный вес Хулага на его атрофированные ноги и усадил бая в стоящую у люка тележку — плавно и нежно, что Хулаг в последнее время все больше ценил. Он все чаще и чаще подумывал о том, чтобы наградить этого юношу из крохотного рода Хорагов; в те дни, когда им на станции приходилось нелегко, его поведение было безупречным. Суту он, естественно, об этом ничего не говорил: это бы испортило юношу, которому Хулаг собирался оказать покровительство в дальнейшей карьере.

Сут был не просто слугой старейшины рода Аланей: он был слугой старейшины самого важного из трех главных родов регулов! Юноша

просто не понимал своего счастья. Хулаг улыбнулся про себя — земляне едва распознавали это выражение: легкое сокращение мышц нижних век, расслабленные, несмотря на обжигающий воздух, ноздри.

Его долгие, осторожные маневры увенчались успехом.

Пришли восемь кораблей, четвертая часть флота рода Аланей, а остальные лишь ждали сигнала. Они пришли, чтобы узнать судьбу своего старейшины, которого земляне, мри и долгие сборы задержали на Кесрит. Земляне, очевидно, не ожидали такой сильной реакции со стороны Аланей — словно Алани могли поступить как-то иначе! Ставрос, похоже, не смог понять, для чего понадобилось здесь Аланям присутствие подобного корабля, предоставленного им высшим Советом родов регулов: теперь это был искореженный металлический хлам посреди разрушенного порта. При воспоминании об этом Хулаг почувствовал укол страха, немного омрачивший его удовлетворенность. Но эти хмурые земляне могли помочь баю возместить потерю и, несмотря на случившееся, улучшить положение Аланей.

По лицам встречавших юношей-землян, по тому, как приняли регулов на станции, по перего-

ворам со Ставросом было ясно видно, что земляне не хотят воевать. Хулаг давно убедился в этом и, само собой, приветствовал подобное проявление здравого смысла у землян. На Кесрит, как уже твердо усвоили старшие, земляне, а теперь и еще трое прилетевших сюда старших Аланей, которые сейчас выгружались из челнока, было бессмысленно воевать. На переговорах со старшими рода Хулаг открыто заявил об этом, сам будучи уверенным в справедливости подобного выбора. Земляне могли начать сражение при появлении крейсеров, едва заметив, что те являются носителями вспомогательных кораблей; но вместо этого они пошли на переговоры, хотя могли выиграть: земляне были свирепыми воинами, раз уж они не боялись сражаться с мри — используя, правда, для полной уверенности, численное превосходство, но регулы вообще не могли противостоять мри, и Хулаг, в частности, признавал это. Нет, земляне не желали продолжения конфликта. После тех первых тревожных дней Хулаг начал по-настоящему верить в искренность бая Ставроса, который открыто провозглашал, что земляне хотят мира не только продолжительного, но и всеобъемлющего.

Сам же Ставрос, несомненно, вкладывал в

эту истину более глубокий, скрытый смысл: с мудростью, которая у регулов непременно бы пользовалась уважением, если не любовью, губернатор не цеплялся за единственного союзника, а одновременно изучал множество направлений, выбирая из них самое выгодное.

Ставрос открыто интересовался всем, что касалось мри, прибегая к помощи юного Дункана, которого все земляне считали сумасшедшим: даже при одной мысли об этом кожа Хулага начинала сжиматься. Что ж, возможно, но если юноша действительно повредился в рассудке, то Ставрос был безумцем, когда восстанавливал его в правах — а Хулаг не верил, что Ставрос был безумцем.

Систему Арайна покинул корабль-разведчик; самый большой из боевых кораблей землян сопровождал разведчика до границ системы и вернулся домой после яростных кодированных переговоров с ним, а потом и с самим Ставросом. Хулаг очень жалел, что ни он, ни его помощники не могли понять тех переговоров, после которых крейсер со своим вспомогательным кораблем смиренно вернулись на станцию, сменив крейсер «Ганнибал», который отправился встречать приближающиеся корабли регулов.

Корабль с мри на борту покинул Кесрит сразу

же, как только Ставрос получил известие, что на подходе корабли регулов; Дункан, побывав у Ставроса, собрал свои вещи и все, чем он занимался после возвращения из пустыни, и отправился на корабль. Потом все затихло, и в Номе о нем словно бы забыли, хотя на самом деле юноша находился на корабле. Как только регулы появились в системе, разведчик покинул станцию: Хулаг узнал об этом от прилетевших старших.

Дункан, скорее всего, обосновался на станции, хотя пользы там от него наверняка было мало — исполнитель из юноши был никудышный, а земляне на вопросы о его судьбе отвечали уклончиво.

Безумие Дункана было связано с мри, которые, скорее всего, тоже находились на станции.

Это была игра, достойная регулов. Сердца Хулага учащенно бились, когда он позволял себе размышлять о мри; без сомнения, земляне знали о его тревогах. Оставалось лишь разузнать, какую сделку Ставрос собирался заключить с Аланями, поскольку сейчас, как уже было ясно и землянам, Хулаг готовил почву для соглашения. Хулаг доверял землянам, чего никогда не позволял себе в отношениях с мри: по отношению к таким, как Ставрос, кто, подобно регулам, подсчитывал выго-

ду — во власти, территориях, в запасах металлов и биоматериалов — и в защите всего этого, — его доверие было безграничным. Хулаг считал, что у землян, подобных Ставросу, даже ход мыслей был таким же, как у регулов; и, следовательно, бай предполагал скорый союз.

Последние из старших выбрались наружу. Хулаг развернул свою тележку, ожидая их на едком воздухе: за это ему весь день пришлось страдать от сухости в горле и жалящей боли в носу. Старших, каждого из которых сопровождал юноша-слуга, было трое: Шарн, Караг и Хаан. Хаан, мужчина, шел последним; Шарн — женщина, четвертая по старшинству в роду; Караг, чей мужской пол определился совсем недавно, склонный к неуравновешенности, которой подвержены все старшие, только что перенесшие Изменение: протеже Шарн и, скорее всего, ее нынешний супруг. Кожа Карага по-прежнему сохраняла юношескую гладкость, и его телу было далеко до солидных размеров Шарн или Хаана, которых юноши-слуги наконец-то устроили на тележки, и уж тем более — до величественной пышности Хулага. Но, тем не менее, Караг уже не мог обходиться без тележки. Хулаг спокойно смотрел, как юноши суетятся вокруг трех старших и везут их по дороге сквозь

толпу землян.

Хулаг больше не был единственным из старших на Кесрит, окруженным лишь юношами из непонятных родов, которые ничего толком не знали. Теперь рядом с ним был его собственный род, Алань-ни, а на пристыкованных к станции кораблях постоянно находился экипаж. Такое соседство с кораблями землян и станцией было куда более угрожающим, чем если бы регулы вступили в открытый бой. Но земляне позволили регулам устроиться рядом: еще одна причина, по которой Хулаг был уверен в мире. Он улыбнулся про себя и развернул тележку, собираясь подняться по скату. Сут шел рядом с ним. Земляне расступались, пропуская их. Во главе процессии, от которой столпившиеся внутри, чтобы увидеть все своими глазами, молодые регулы приходили в ужас, Хулаг въехал внутрь, оказавшись в теплой, отфильтрованной атмосфере Нома, чувствуя, что основательно удовлетворил свою так долго подавляемую гордость.

— Ставрос, — он услышал, как юноша-землянин докладывает Суту, соблюдая принятый у регулов протокол, — увидится с баем тотчас же, как пожелает бай.

— К его превосходительству баю Ставросу, —

нараспев произнес Хулаг, когда Сут церемонно повернулся к нему. — Немедленно.

Встреча, в отличие от всех предыдущих, проходила не в маленьком кабинете Ставроса, а в парадном конференц-зале; и множество юношей в мундирах стояли вокруг губернатора с каменными лицами, что у землян являлось признаком неприязненного, если не враждебного настроения. Хулаг, за спиной которого теперь находились трое старших Аланей и свита юношей, поглядел вокруг и улыбнулся, подражая землянам: его, в отличие от них, совершенно не беспокоил нынешний баланс сил.

— Может быть, мы, — сразу же предложил Хулаг, прежде чем все смогли приступить к бесконечной церемонии рассаживания, — обойдемся без ненужных юнцов и поговорим начистоту, ваше превосходительство?

Ставрос развернул свою тележку и отдал необходимые распоряжения: молодые земляне разобрались по званиям и некоторые вышли. Хулаг оставил Сута, а каждый из старших Аланей — своего слугу; тем временем четверо землян, считавших себя взрослыми, устроились в креслах вокруг тележки Ставроса. Хулаг с любопытством взглянул на одного из них, в волосах которого не

наблюдалось и следа серого… этот цвет, как полагал бай, обозначал зрелость землян, в то время как другие цвета, похоже, не имели значения: он не смог избавиться от подозрения, что Ставрос нарушил протокол, оставив этого землянина в своем окружении, но радужное настроение, в котором пребывал бай, не располагало к изучению подобных мелочей. Землянин мог быть старшим: Хулаг все еще не научился точно определять возраст этих созданий, чей пол был известен уже с младенчества, а внешность беспорядочно менялась с течением лет. Он предвидел вопросы своих старших, и, к своему смущению, не знал, как на них ответить.

Юноши принесли несчетное количество порций соя: это было просто необходимо, поскольку путешествие отняло у старших немало сил; начались представления: Хулаг запоминал имена и звания «старших» землян и называл в ответ имена своих старших, которые, похоже, все еще не могли прийти в себя от усталости, быстрой смены обстановки и такого количества чужаков. Но во время представления Хулаг нашел повод для недовольства, и ноздри его затрепетали в нетерпеливом вздохе.

— Бай Ставрос, — проговорил Хулаг, — нет ли

здесь представителей от бая со станции?

— Это было бы бессмысленно, — сказал Ставрос, используя дисплей тележки, поскольку Хулаг обращался к нему на языке регулов, и Ставрос отвечал баю на нем же. — Политика определяется здесь. И проводится отсюда. Бай Хулаг, если твои старшие свободно владеют языком землян, можем ли мы перейти на свой язык?

Здесь, на Кесрит, земляне, которые все, что узнали за время своей жизни, предпочитали не запоминать, а записывать, тратили бездну времени на то, чтобы овладеть языком регулов. Они забывали. Хулага до сих пор приводило в изумление то, что встречи часто записывались на пленку, чтобы земляне не забыли сказанного ими, и того, что было сказано им: и эта встреча, несомненно, тоже записывалась. Правда, с другой стороны, удивляться тут было нечему: ведь каждому обещанию, каждому утверждению, сделанному этими созданиями, пришлось бы сохраняться в столь слабой памяти. Говорить неправду являлось ужасной вещью для регулов, поскольку сказанное однажды не могло быть забыто; земляне же, без сомнения, могли забывать все, что им хотелось, и иногда искажали факты.

— Мои старшие еще не настолько хорошо вла-

деют языком, — сказал Хулаг и, сдержав усмешку, добавил: — Если вы будете говорить на языке землян, я помогу им, обеспечив синхронный перевод на своем экране.

— Благодарю, — громко проговорил Ставрос. — Я очень рад лично приветствовать твоих старших.

— Мы рады столь радушному приему. — Хулаг отставил в сторону свою пустую чашку и, откинувшись на подушки, придвинул к себе клавиатуру, чтобы выполнить данное обещание Ставросу. — И мы рады, что наши друзья земляне смогли прервать свои дела, чтобы продемонстрировать столь радушную учтивость. Но истинные намерения тонут в бездне формальностей. Мы же не тратим слов попусту, когда речь идет о деле. Вы не наступаете; мы не наступаем. Мы рады такому положению вещей.

Такая прямота, казалось, обеспокоила присутствующих землян. Сам Ставрос немного натянуто улыбнулся.

— Хорошо, — проговорил он. — Мы снова заверяем вас, что бесконечно рады возможности расширения сотрудничества с родом Аланей и всей расой регулов.

— Мы тоже с нетерпением ждем подобного

соглашения. Однако мри по-прежнему вызывают у нас серьезную озабоченность.

— Не стоит беспокоится об этом.

— Только потому, что их больше нет на Кесрит?

Бровь Ставроса приподнялась — возможно, то была улыбка; Хулаг, внимательно изучая лицо губернатора, решил иначе.

— Мы как раз заняты тем, — осторожно сказал Ставрос, — что позволит нам окончательно уверить регулов в полном отсутствии какой-либо угрозы со стороны мри.

— Я справлялся о юноше Дункане, — заговорил Хулаг. — Его нигде нет. Мри покинули Кесрит. Ушел корабль. Все эти обстоятельства — возможно, совершенно не связанные друг с другом, — кажутся, тем не менее, достаточно тревожными.

Наступила долгая пауза. Рот Ставроса скривился — Хулаг не смог точно определить, что это было: наверное, недоумение — или недовольство.

— Мы, — сказал наконец Ставрос, — пытаемся проследить путь распространения мри. Нам удалось разыскать довольно любопытные записи. И содержание этих записей, бай Хулаг, вызывает

серьезные опасения.

Хулаг, на мгновение задержавший дыхание, выдохнул. Он знал, что Ставрос говорит правду: иначе бы землянин, при его уме, не придал бы подобной информации такого значения.

— Часть пути, — сказал Ставрос, — может проходить по принадлежащей регулам области космоса, — но только часть.

— Покинутые миры, — пробормотал Хулаг. Встревожившись, он совсем забыл о переводе и, поспешив исправить упущение, увидел шок, отразившийся на лицах остальных старших. — Нисрен, Гураген… но ведь на самом деле они пришли из куда большего далека. Это действительно записи мри?

— Они вели записи, — сказал Ставрос.

— Да, — произнес Хулаг. — Ни литературы, ни искусства, ни науки, ни торговли; но я был в старом эдуне — там, на холмах. Я сам видел, что записи существовали. Но я вряд ли смог бы помочь вам с их переводом.

— Мы располагаем, в основном, цифровой информацией. И то, что нам удалось извлечь из нее, вызывает тревогу. Нам хотелось бы проследить этот путь. Это, безусловно, может довольно сильно встревожить всех регулов. Нас же сейчас,

главным образом, волнует, насколько далеко нам предстоит забраться, следуя этим записям. И, кроме того, вероятность каких-либо совпадений зоны наших исследований с территорией регулов. Естественно, мы преследуем лишь чисто исследовательские цели. И род Аланей, я думаю, не стал бы чинить нам препятствий; но вот другие…

— Хольны.

— Да, — кивнул Ставрос. — Нас серьезно беспокоит путь, по которому идет этот разведчик. Но завершить начатое просто необходимо.

Ноздри Хулага трепетали от частого дыхания, сердца тревожно стучали. Он чувствовал обращенные к нему испуганные взгляды старших, взывавших к его опыту, поскольку сами они были не в состоянии что-нибудь предложить. Он с горечью понял, что ему придется принять решение, последствия которого будут ощущаться даже около самой Маб, и не было возможности отложить вопрос или отказаться от подобного союза.

Алань обладал достаточной властью, чтобы говорить от имени рода, как было и прежде в переговорах с землянами. Хулаг собрался с мыслями, послал за еще одной порцией соя, и

остальные старшие последовали его примеру. Он отпил глоток, погрузившись в глубокие раздумья, помедлил, чтобы бросить взгляд на Шарн, чей совет не помешал бы ему, даже если она не знала вопроса целиком; Шарн ответила ему взглядом, в котором отразилось понимание его замешательства и согласие. Хулагу это доставило удовольствие. Двое остальных старших казались просто сбитыми с толку, и Караг даже не скрывал своей тревоги.

— Бай Ставрос, — произнес наконец Хулаг, прерывая тихие разговоры между землянами, — ваше… вторжение может выглядеть довольно опасным с точки зрения остальных родов. Однако при поддержке Аланей подобная экспедиция может получить от них соответствующие полномочия. В записях, о которых вы говорите, речь идет, как я понимаю, о территории, лежащей за владениями регулов.

— Наши сведения о границах владений регулов не слишком точны, но мы думаем так же.

— Несомненно… наши интересы здесь сходятся. Мы не относимся к расам, которым нравится воевать. Несомненно, вы не забыли об этом, когда отпускали корабль-разведчик… и, возможно, огромный крейсер последовал бы за ним. Несо-

мненно… — Хулаг замер, пораженный внезапной догадкой: его ноздри расслабились в удивлении. — Вы собирались использовать корабль-разведчик как повод. Вы умышленно позволили ему уйти вперед, чтобы получить право преследовать его: великолепное оправдание… взбунтовавшийся корабль мри. Я прав?

Ставрос не отвечал, но смотрел на него настороженно; лица других были бесстрастны.

— Тем не менее, вы отозвали крейсер, — сказал Хулаг. Его сердца теперь бились вразнобой. — Для того, чтобы состоялась наша встреча, бай Ставрос?

— Это оказалось как нельзя кстати.

— Пожалуй. Остерегайтесь просчетов, ваше превосходительство бай Ставрос. Регулы, живущие у себя дома, во многом непохожи на регулов дальних колоний. Когда на карту поставлено спасение рода… компромиссов быть не может.

— Нам не нужны конфликты. Но мы не имеем права упустить возможности, открывшиеся после расшифровки этих записей. Пока же только Хольны знают, где искать мри.

— Наши интересы совпадают, — негромко проговорил Хулаг. — Я обеспечу проход этого корабля… в совместной миссии, со взаимным

оповещением друг друга обо всем, что нам удалось узнать.

— Союз.

— Союз, — сказал Хулаг, — для нашей общей безопасности.

# 10

Землянин спал.

Ньюн, чьи мысли заполняло спокойствие животных, согретый теплыми телами дусов, наблюдал за Дунканом в скупом свете горящих на экране звезд. Он ждал. В каюте Дункана была еще одна постель; Ньюн отказался от нее, предпочитая привычные для келов покрытый ковром пол и соседство с дусами. Он выспался; и теперь лишь пребывал в каком-то оцепенении; сидя в сумеречном свете, он терпеливо ждал, борясь с желанием вновь соскользнуть в знакомое полузабытье, и впервые находя подлинное наслаждение в пробуждении к жизни. Он снова получил свое оружие; у него были дусы, делавшие его неприступным; и, важнее всего, Мелеин теперь была в безопасности и обладала пан'еном и кораблем.

Их кораблем.

Ньюн подумал, что они были обязаны этому землянину многим, слишком многим; но он радовался, что Мелеин согласилась принять все это и жить. Уступка Мелеин была не более чем проявлением ее благодарности: именно поэтому она

предоставила Ньюну возможность улаживать дела — «если ты думаешь, что он пригодится», — сказала она, и даже разрешила так переделать распорядок корабля, чтобы искусственная ночь наступала раньше. Самим мри это вовсе не требовалось, но Дункану необходимо было спать, а он, заботясь о них, отказывал себе в этом.

Где-то там Мелеин, должно быть, отдыхала или спокойно работала. Корабль продолжал полет, не требуя их вмешательства. Путь был далек, невообразимо далек. Бледная и далекая звезда, что сияла сейчас в центре экрана, была лишь временным ориентиром. Они находились у самой границы системы в ожидании нового прыжка, который должен швырнуть их прочь.

И звезды будут сменять звезды: так сказала Мелеин.

Они вновь совершили прыжок сквозь ночь, где бытие граничило с небытием, сменяя друг друга, и материя струилась, словно вода. Ньюн спокойно перенес все это, как и в прошлый раз, хотя Дункан, для которого прыжок был уже далеко не первым, проснулся с диким криком; потом ему стало плохо, и землянин, обливаясь потом, с трудом добрался до лаборатории, где отыскал успокоившие его наркотики. В конце концов

он уснул и продолжал спать до сих пор. Ньюн пытался не обращать на это внимания, решив, что Дункан просто устал. Возможно, — думал он, — мри более выносливы от природы; или же то был обыкновенный стыд, удерживавший их от подобной слабости. Ньюн не знал. Сам он мучился от позора, который ему пришлось испытать от регулов и землян; а что касается его тела и чувств — Ньюн полностью контролировал их.

Их корабль, их путешествие, и пан'ен, что вел их: единственное условие, чтобы жизнь была не напрасной, чтобы они были хозяевами собственной судьбы — многое из этого до сих пор поражало его. Он не ожидал этого, хотя Мелеин, предвидя, говорила ему, что так будет. Он не поверил: Мелеин, его родная сестра, всего лишь сен, — вот в чем Ньюн действительно не сомневался. Для него Мелеин была заблудившейся и беспомощной госпожой, бедной, лишенной дома, и чтобы защитить ее, он был готов на все.

Но для нее тайн не существовало.

Считалось, что лишь самые великие из матерей, возглавлявших Народ, обладают даром предвидения; и чувство благоговейного трепета охватило его, когда он осознал, кем была Мелеин, его родная сестра. Подумав об этом, Ньюн

испугался: ведь он был таким же, и, значит, в нем тоже заключено нечто, чего он не понимал, над чем был не властен.

Она вела их _д_о_м_о_й_.

Сама мысль об этом казалось ему чуждой: дом… а'ай са'мри, истоки Народа. Он, как и любой из мри, знал, что когда-то давным-давно существовал иной мир, совершенно непохожий на череду удобных планет, считавшихся их домом — хотя в песнях говорилось, что Народ был рожден Солнцем. Всю свою жизнь Ньюн видел лишь красный диск Арайна и, подчиняясь дисциплине Келов, он никогда не позволял себе усомниться в том, что в нем воспитали с детства. Это было Таинство; и касту, к которой принадлежал Ньюн, это не интересовало.

Дети Солнца. Мри, с золотистой кожей, бронзовыми волосами и золотистыми глазами: никогда прежде Ньюну не приходило в голову, что в этой песне заложен намек на иной цвет солнца, и обычай странствовавших по всей вселенной Келов сжигать своих погибших собратьев в пламени звезд, чтобы те не достались какой-нибудь мрачной земле, стал теперь куда более понятен ему.

Он рассматривал звезду, которая сияла перед ними, мучимый вопросом, где они оказались: во

владениях регулов или где-нибудь еще? Лишь те, чьи руки еще за поколения до Кесрит вложили в пан'ен запись об этом месте, смогли бы ответить ему; и здесь Народ тоже находил службу. Владения регулов, нет ли — так было всегда: Келы нанимались защищать — они были наемниками, на чье золото жил Народ. Иного он и представить себе не мог.

«Звезды сменяли звезды.»

И, оставляя их одну за другой, Народ уходил — уходил во Мрак, не допуская даже мысли о том, что можно разделиться. И уходя, они забывали все — прежде он не понимал, что заставляло их уходить; теперь же все стало на свои места — их вело видение госпожи. Был ли это полет к соседней звезде, или же они входили в ночь без звезд — все это был Мрак: и вступая во Мрак, они забывали все, что относилось к покинутой звезде, к той прежней службе; они шли к следующему Солнцу и другой службе, чтобы потом вновь вернуться во Мрак и забыть все: и так без конца.

А потом была Кесрит, потом он и Мелеин начали свой путь домой, и эпоха службы регулам, — по его подсчетам, записи регулов об этом охватывали две тысячи лет, — стала просто промежуточным пунктом.

Во Мраке начало
Во Мраке конец,

— так пел Народ в священных песнопениях, -

Меж ними Солнце,
Но затем придет Мрак.
И в Мраке том
Конец каждого.

Десятки раз он пел ритуальную песнь, Шон'джир, Песнь Преходящих, которую пели при рождении и смерти, начале и конце. Для кел'ена она пелась лишь при его рождении и смерти.

Понимание пришло к нему, и от нахлынувших мыслей у него закружилась голова. Впереди их ждало еще немало звезд, и каждая из них для своего поколения была их Солнцем… и у каждой эпохи была своя история, запечатленная в записях… до тех пор, пока не придет время повернуть назад… домой, к настоящему Солнцу.

К истокам Народа.

К надежде, призрачнейшей из надежд, что там, возможно, уцелели другие: Ньюн поверил в эту надежду, зная, что его, скорее всего, ждет обратное… что после стольких обрушившихся на них неудач это оказалось бы невероятным, и они двое — последние из детей Народа, рожденные, чтобы

увидеть конец всего, ат-ма'ай, стражи могил — не только госпожи, но и всей их расы.

И все же они были свободны и у них был корабль.

И, возможно… — с благоговением и страхом подумал он, — существовало еще что-то, для чего они были рождены.

Лаская бархатный мех дуса, Ньюн смотрел на землянина, на лицо которого падал свет с экрана. Вручив им корабль и свою жизнь, человек спал безмятежным сном, вызванным наркотиками. Ньюн погрузился в беспокойные размышления, вспоминая все их разговоры и дела, которые могли толкнуть человека на столь отчаянный шаг. Вопреки присущему Народу здравому смыслу, он взял пленного; и вот теперь Дункан оказался связан с ними — упорный, как дус, который, выбрав мри, ходил за ним по пятам или умирал от горя.

Но земляне, похоже, этого делать не собирались. Сорок лет кел'ейны пытались вызвать кого-нибудь из них на поединок, но земляне, которые не сражались в одиночку и предпочитали оружие, действующее на расстоянии, безжалостно убивали их. Сорок лет… и вот, с победой землян… появился Дункан, который, несмотря на то, что мри обращались с ним довольно жестоко,

открыл им присущее его расе милосердие. И они дали ему свободу, и сами последовали за ним, надеясь на лучшее.

«Глупость ци'мри», — выругался про себя Ньюн, пытаясь разделить себя и ци'мри.

И еще он вспомнил долгий и ужасный сон, в котором постоянно присутствовал Дункан… в котором Ньюн сражался за свой рассудок, за свою жизнь, и Дункан был рядом с ним.

Искупление?

Может быть, — думал Ньюн, — то, что отличало Дункана, было присуще и другим землянам; может быть даже в этой войне земляне сохранили свою непонятную честь ци'мри, не позволявшую им принять то, что сделали регулы — словно им не пришлось заплатить такую огромную цену за свою победу; словно после уничтожения Народа во вселенной образовалась брешь, ощутив которую, земляне испугались и пытались хоть как-то искупить свою вину.

В предпринятом ими путешествии ци'мри было не место: и все же если кто-то когда-либо имел претензии к мри, сложно переплетенные с делами Народа, то это мог быть только Дункан — с тех пор, когда Ньюн держал жизнь землянина в своих руках и потерял шанс взять ее.

«Ньюн, он — ци'мри, — убеждала Мелеин, — и что бы он ни сделал, ему не место здесь, во Мраке.»

«Мы же берем дусов, — сказал он, — а ведь они тоже принадлежат эпохе Перехода; и как же мы сможем убить их — тех, которые нам доверяют?»

Выслушав его довод, Мелеин нахмурилась; ее ужасала даже мысль о том, что им придется убить животных — ведь союз мри и дусов был древним, как Кесрит. И в конце концов она отвернулась и согласно кивнула. «Ты не можешь превратить дуса в мри, — сказала она, — и я не думаю, что с землянином тебе удастся нечто подобное. Ты лишь продлишь его мучения; ты обернешь его против нас и создашь тем самым лишнюю угрозу. Но если ты думаешь, что тебе это удастся, попытайся; сделай его мри… сделай его мри, или однажды нам придется совершить нечто жестокое и ужасное.»

— Дункан, — сказал Ньюн во мрак, замечая, что омываемое светом лицо землянина изменилось в ответ. — Дункан!

Открылись глаза, похожие в призрачном свете экрана на полные теней колодцы. Медленно, словно все еще пребывая во власти наркотика, человек сел. Он был по пояс обнаженным, и его

лишенное волос тело выглядело странным. Наклонив голову, он пригладил взлохмаченные волосы, затем посмотрел на Ньюна.

— Пора вставать, — сказал Ньюн. — Ты выглядишь нездоровым, Дункан.

Человек пожал плечами, и Ньюн понял, что причиной болезни землянина была и душа, а не только тело; и это он смог хорошо понять.

— Нужно кое-что сделать, — сказал Ньюн. — Ты сказал, что на борту есть припасы.

— Да, — проговорил Дункан без особого настроения, словно речь шла о чем-то неприятном. — Пища, одежда, металлы, все это было на станции и предназначалось для мри. Я подумал, что это должно принадлежать вам.

— Скорее одежда нужна тебе.

Дункан подумал и согласно кивнул. Он провел с ними достаточно времени, чтобы узнать, что его открытое лицо вызывало раздражение, и, возможно, этого времени было достаточно, чтобы почувствовать вину за это.

— Я посмотрю, — согласился он.

— Сделай это в первую очередь, — сказал Ньюн. — Затем принеси пищу дусам, и нам с тобой; но еду для госпожи я возьму сам.

— Хорошо, — кивнул Дункан. Ньюн наблюдал за

тем, как землянин облачается в голубую мантию — то был цвет катов, неуместный для мужчины. Ньюн размышлял над тем, насколько громадны… и в то же время ничтожно малы различия между мри и землянами, и над тем, за что он взялся. Сейчас не время подбирать Дункану подходящую одежду; были и другие, более тяжелые дела.

Ньюн подождал, пока Дункан вышел, даже не пытаясь подняться — он знал, что это будет нелегко, и ему было стыдно. С помощью дусов ему все-таки удалось это сделать; прислонившись к стене, он тяжело дышал и ждал, пока его ноги не обретут способность передвигаться. Пока что он не мог сражаться с землянином и победить, и Дункан знал это — знал, и тем не менее, боялся рассердить дусов, или спорить с Ньюном, или использовать свое знание корабля, чтобы загнать их в ловушку и вернуть контроль над ними.

И Ньюн взялся за уничтожение в Дункане землянина.

«Когда он забудет, что он землянин, — сказала Мелеин, — когда он станет мри, тогда я посмотрю на его лицо.»

Дункан согласился на это. Ньюн был очень сильно удивлен этим, зная, что сам он скорее бы умер, чем принял подобные условия со стороны

землян. И если бы у него ничего не оказалось под рукой, он сделал бы это, вырвав себе сердце.

И когда Дункан наконец станет мри, он уже никогда не согнется. Уступчивость землянина шла от того, что он ци'мри, и исчезнет вместе со всем остальным: наивностью и искренностью мужчины, которого знал Ньюн.

Ньюн подумал, что теперь потеряет того землянина, которого они знали; и от этого ему стало не по себе: невероятно, чтобы ци'мри заставил так смягчиться его сердце и разум. Худшее из действий, говорил он себе, несомненно происходит от нерешительности, от полумер. Мелеин опасалась того, что он предложил, и он отчаянно надеялся, что ее возражения не продиктованы предвидением. Она не запретила ему.

Осторожно, на подгибающихся ногах, он пошел в ванную и посмотрел на оставленные Дунканом вещи, которые находились там. Все это должно исчезнуть: одежда, личные вещи: когда вокруг не останется ничего, что бы напоминало ему о землянах, Дункан забудет все сам.

И если что-то в землянах невозможно изменить, лучше узнать об этом как можно скорее: одному надо было придать новую форму, другое уничтожить без следа. Будучи мри, Ньюн не

научился у своих наставников быть жестоким — он мог быть лишь безжалостным, и не ждал милости от своих врагов.

Он собрал все вещи Дункана, которые смог найти, и отнес их в лабораторию, где имелся, как он знал, утилизатор для выброса отходов: опустив их туда, Ньюн почувствовал укол стыда за то, что делает, но ему казалось неправильным заставлять Дункана делать это самому, заставлять его расставаться с тем, чем тот дорожил, ограничивать его — ведь сам Дункан никогда бы так не поступил.

Покончив с этим, Ньюн осмотрел лабораторию и, найдя отсек, из которого Дункан доставал свои лекарства, решил сделать еще кое-что.

Дверь выдержала его рывок: он достал пистолет и разнес замок — и та легко поддалась. Он по частям относил к утилизатору лекарства и приборы ци'мри и выбрасывал их, а дусы сидели и смотрели серьезными и блестящими глазами.

И внезапно звери тревожно поднялись и отпрянули в сторону — в дверном проеме появился Дункан.

Ньюн бросил в утилизатор последнюю охапку лекарств и только после этого посмотрел в лицо Дункана, чей гнев заставил дусов обезуметь и

ощетиниться.

— Тебе это не нужно, — сказал он Дункану.

Дункан попытался одеться как мри: ботинки и и'исин, с которыми он сумел справиться, внутренняя мантия; но его сайг, внешняя мантия, была расстегнута; и вуаль он нес в руке — до сих пор ему еще ни разу не удавалось одеть все как следует без посторонней помощи. На его непокрытом лице застыли гнев и невыносимое отчаяние.

— Ты убил меня, — проговорил он срывающимся голосом, и Ньюн почувствовал жгучую боль — сейчас он уже не был так уверен в правильности того, что сделал: ему показалось, что землянин не сможет бросить вызов самому себе и стать мри. Дусы застонали, забившись в угол. Сбитый ими контейнер с грохотом упал со стола.

— Если твоя жизнь в этих лекарствах, — сказал Ньюн, — тогда ты не сможешь выжить с нами. Но ты выживешь. Мы обходимся без всего этого; и тебе они не нужны.

Дункан выругался. Ньюн, как ни в чем не бывало, спокойно смотрел на беснующегося ци'мри, не давая спровоцировать себя.

— Понимаю, — говорил Ньюн, — что ты согласен. Это корабль мри, кел Дункан. Ты научишься

быть мри, как учится ребенок Катов. Я не знаю какого-то иного пути, кроме как учить тебя, как учили меня самого. Если ты не научишься, тогда я буду сражаться с тобой. Но пойми, как понимали все мри, вступающие в касту Келов, что закон келов един для каждого — от юноши до старика. Стоит тебе лишь подумать о том, чтобы не подчиниться ему, как ты причинишь себе вред прежде, чем закончишь; так однажды сделал я. И если ты действительно решил стать кел'еном, ты выживешь. Так сказали мои учителя-келы, когда я достаточно подрос, чтобы вступить в касту Келов. Я знал двенадцать келов из своей касты, которые не выдержали, чьи лица никогда не узнали сет'ал, ритуальных шрамов касты. Может быть, ты тоже не выдержишь. Может быть, ты никогда не станешь таким, как я. Но если бы я не был уверен в тебе, я бы никогда не пошел на это.

Землянин молчал; дусы громко сопели и беспокойно шевелились. Но открытое лицо Дункана приняло спокойное, безмятежное выражение — вот таким знали его звери.

— Хорошо, — сказал он. — Но, Ньюн, те лекарства были мне необходимы. Мне они необходимы.

Страх. Ньюн по-прежнему ощущал его в ком-

нате.

И когда Дункан ушел, Ньюн встревожился — неужели он в самом деле обрек землянина на смерть? Ведь он рассуждал как мри, забывая, что чужая плоть на самом деле могла оказаться неспособна к тому, что мри считали возможным.

Чужие нуждались в том, что запрещал закон мри — но разве в таком случае это плохо?

Впрочем, это уже не касалось кела: его каста не имела права думать или задавать вопросы. Он не осмеливался даже по секрету сообщить об этом Мелеин, зная, что подобная мысль была выше его понимания и непочтительна по отношению к юной и менее чем уверенной госпоже — даже со стороны ее кел'анта, главы касты Келов — тех Келов, которыми она правила.

Ньюн отчаянно надеялся, что он не убивает Дункана.

И, поглощенный этими мыслями, он вдруг понял, что его желание сохранить Дункану жизнь проистекает не только из чувства справедливости, но еще и от того, что двое олицетворяли некий запущенный Дом, и от того, что тишина в холле келов могла стать слишком глубокой и слишком долгой.

Он подозвал дусов, успокоил их голосом и рука-

ми, и отправился разыскивать Дункана.

# 11

Четыре дня.

В памяти Дункана они остались расплывчатым пятном, мучительной неразберихой, из которой он мало что мог вспомнить. Он работал, чтобы занять свое время, безжалостно изнуряя себя, чтобы заснуть, едва добравшись до постели, и не видеть снов. Ньюн потихоньку и часто занимался своими упражнениями и больше не делал ничего, твердя лишь: «Я не носильщик тяжестей»; когда же Дункан пытался намекнуть Ньюну, что тот неплохо поупражняется, если поможет ему, мри язвительно напоминал Стэну, что за дусами нужен уход.

«За мной тоже», — отвечал Дункан, сдерживая готовое сорваться с языка проклятие: мри не отличались особым терпением; они бы убили или готовы были умереть по малейшему поводу; и он еще успеет урезонить Ньюна, который сейчас заметно поутих из-за своей слабости; к тому же мри приходилось нелегко из-за неопределенности собственного положения.

Дусы фактически не нуждались в уходе; и когда

Дункан через некоторое время пришел к ним и позаботился об их потребностях, звери наградили его импульсом удовольствия, и ему стало стыдно за то, что он, рассердившись, оттолкнул их — и Дункан поспешил уйти, не в силах долго выдерживать это.

Но Ньюну и этого было мало; он задавал Дункану вопросы и требовал, чтобы тот понимал язык мри, из которого Дункан знал лишь несколько слов, да и то пополам с жестами. Мри свободно владел языком землян, но иногда Ньюн делал вид, что ничего не понимает, пока Дункан не использовал наконец выражение мри. «Умираю от голода», хотелось сказать Дункану, но он промолчал, поскольку сейчас было не время для ссор, и дусы, кружившие рядом, почувствовав его состояние, забеспокоились. В конце концов Ньюн добился своего.

Во всем этом был свой смысл, — думал Дункан позже, лежа в своей постели, в то время как мри предпочел пол. Ньюн сражался за то, чтобы идти своим путем, чтобы сохранить свой язык, который уже почти канул в вечность. Это битва была тихой, и велась она с Дунканом, который более всего помогал мри, а теперь более всего угрожал им. Это было нечто, с чем не могли справиться

ни оружие, ни сноровка — такое же, как жизнь и смерть. Вот почему они сейчас находились здесь, вот почему они не смогли бы жить среди людей, вот почему он спорил со Ставросом, требуя освободить их. Для них не существовало компромисса. Они не могли выносить чужого. Человек мог; человек умел адаптироваться, гибкий, словно джо, что сливался с песком или камнем, и ждал. Размышляя над этим, Дункан смотрел на спящего мри, который лежал, положив голову на дуса, не закрытый вуалью, чего он никогда бы не сделал рядом с врагом.

Человек, как и джо, мог изменяться снова и снова; мри же умирал: и, значит, у Ньюна неизбежно должен был существовать свой путь.

Утром Дункан приступил к своим обязанностям, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не возражать Ньюну, и зашел так далеко, что спросил, что сделать еще.

Ньюн окинул взглядом янтарных глаз отсек; рука, увенчанная вытянутым пальцем, сделала широкий жест.

— "И'нэй, — сказал он, — ай. — Убери все это". — Дункан проследил его взгляд, тяжело вздохнул и принялся за работу.

За минувшие дни корабль остыл, воздух по-

степенно стал сухим и холодным, как на Кесрит. Дункан радовался, что носит теплую мантию мри, которую надевал мехом наружу. Теперь он знал, как обращаться с вуалью и как ее следует носить; он научился словам и этикету, и мимике, и расстался со своими привычками.

Временами, несмотря на все усилия, у Ньюна опускались руки, и он, отворачиваясь, закрывал лицо вуалью, когда дело грозило зайти в тупик. Тогда на некоторое время воцарялось молчание, но затем вновь приходили слова. Ньюн перечислил то, что следовало убрать: обстановка и всевозможное оборудование. Дункан не возражал, расставаясь с немногими оставшимися вещами — здесь они казались чем-то ненужным, ведь впереди ждали еще немало страданий; а что касается опасности потерять корабль… те кто посылал его сюда, заслуживали большего. Он делал все это, вначале возмущаясь подобными просьбами Ньюна, а после — находя в этом мрачное удовольствие. Он очистил отсеки, до которых мог добраться, от любой обстановки, разобрав ее и свалив в грузовой отсек части, в которых содержались полезные металлы, а остальное выбросил в утилизатор. Следом пришла очередь оборудования, которое мри посчитал лишним — в том

числе медицинского — и все товары в грузовом отсеке, без которых можно было обойтись.

Это было безумием. Дункан, забыв обо всем, принялся искать, что бы еще выбросить, наслаждаясь разрушением, превращая корабль в пустую скорлупу, где ничто не смогло бы напомнить ему о Ставросе, или человечестве, или еще о чем-нибудь, что он оставил, чтобы оказаться здесь. Потеря всего притупляла чувство утраты.

От лабораторий теперь мало что осталось — их начали демонтировать еще на станции, посчитав ненужными для предстоящей миссии, а то, что ему тогда удалось спасти, уничтожил Ньюн. Дункан вычистил все, вплоть до кронштейнов, на которых держалось оборудование, оттер с помощью химикатов полы и стены — словом, сделал все так, как требовалось, поскольку этот самый большой на корабле отсек Ньюн отвел для них.

Теперь Дункан спал на подстилке не толще укрывающего его одеяла и, просыпаясь от холода, начинал снова кашлять в ледяном воздухе. Он все чаще стал задумываться о своем здоровье, с тоской вспоминая лекарства от разных болезней, которые Ньюн уничтожил.

Но Ньюн смотрел на него с неким участием, и не напоминал о его обязанностях, и в тот день

сам готовил пищу и заботился о дусах. Сам Ньюн свободно переносил холод и разряженный воздух — его походка сделалась ровной и твердой, мри перестал быстро уставать.

— Отдыхай, — попросил его Ньюн, когда Дункан пытался вернуться к своим обязанностям; Дункан пожал плечами и заявил, что машины не будут работать без него, и это действительно было так; но сейчас его приводила в ужас сама мысль о безделье, бесконечном сидении в раковине, в которую теперь превратилась лаборатория, да и остальной корабль, без книг — Ньюн выбросил все пленки для чтения и музыкальные записи в его каюте — без чего бы то ни было, чем можно было бы занять руки или разум.

И, вынужденный подчиниться, он вернулся в лабораторию, эту безликую белую комнату, и устроился в углу, где, по крайней мере, их с Ньюном убогие ложа и встречающиеся стены давали ему какое-то ощущение определенности. Отодвинув свою подстилку, рисовал на полу цепочки фигур, делал сложные навигационные расчеты, чтобы хоть чем-то заполнить время… смотрел на застывший звездный экран — все, что осталось от лаборатории. Единственными звуками были шепот воздуха в трубах и ровный звук машин

внутри корабля.

И больше ничего.

Ничего.

Ньюн в тот день отсутствовал долго — наверное, размышлял Дункан, мри был с Мелеин, в той части корабля, куда сам он входить не мог; даже дусы, ни на шаг не отходившие от Ньюна, ушли с ним. От нечего делать Дункан нашел кусок металла и сделал рисунок на полу возле своего ложа, и потом, с каким-то мрачным юмором, отметил прошедшие по корабельному времени дни, с ужасом думая, что когда-нибудь настанет время, когда он потеряет счет всему.

Девять дней, целых девять дней. Хотя даже в этом он был не слишком уверен.

Он начал новую цепочку фигур, стараясь не думать о пробелах, появившихся в его памяти, ища забвения.

Дункан подумал, что он, в отличие от джо, не умеет маскироваться; но даже джо, оказавшись в стерильной клетушке, где ему негде было спрятаться, не находил себе места. Он чернел, как то жалкое создание, которое он видел в лаборатории Боаз, меняя цвета, пока не принимал совершенно противоположный — чистое самоубийство — но, может быть, джо действительно хотел умереть.

Дункан заставил себя не думать об этом, но образ черного крылатого создания в серебряной клетке возвращался вновь и вновь — ведь он сам тоже сидел в углу белой и пустой комнаты.

Девять дней.

На десятый, в полдень, Ньюн вернулся раньше обычного, отвел дусов в дальний угол комнаты, снял вуаль, уселся, скрестив ноги, на полу и, немного отодвинувшись от Дункана, посмотрел ему в лицо.

— Ты слишком много сидишь, — сказал Ньюн.

— Я отдыхаю, — с легкой горечью ответил Дункан.

Ньюн показал два металлических тонких стержня, не превышавших в длину кисти руки.

— Ты должен научиться игре, — сказал Ньюн. Не: «Я хочу научить тебя»; — и не: — «Ты не хотел бы попробовать?»

Дункан нахмурился, думая, как ему следует себя повести. Но обычно мрачный, мри сейчас предлагал ему развлечение. Дункан заинтересовался: возможно, их отношения вновь станут дружескими и ему удастся поговорить с кел'еном, как тогда, в пустыне.

А значит, можно будет хоть чем-то заполнить тишину.

Он встрепенулся на своем ложе, осторожно усевшись так же, как Ньюн: скрестив ноги, руки на коленях. Ньюн правой рукой показал ему, как удержать стержень за кончик.

— Ты должен поймать, — сказал Ньюн и метнул стержень в Дункана, закрутив его. Вздрогнув, Дункан поймал стержень ладонью, а не пальцами, и торец стержня ободрал ему кожу.

Следом полетел второй, пущенный левой рукой Ньюна. Дункан схватил его и уронил. Мри показал ему обе пустые руки.

— Оба одновременно, — сказал Ньюн.

Это было трудно. Это было чрезвычайно трудно. Огрубевшие от работы руки Дункана были менее проворны, чем тонкие пальцы Ньюна, которые никогда не промахивались, которые перехватывали даже неловко брошенные стержни в воздухе и возвращали их почти под тем же углом и с той же скоростью — по одному, пока Дункан не освоил наконец трудные перехваты, а потом — вместе.

— Мы называем это «шон'ай», — сказал Ньюн. — «Шоней» — означает «переход». На твоем языке получается Игра Перехода. Ее воспевает Народ; каждая каста играет по-своему. — Он говорил, и стержни свободно летали туда и обратно между

ними; пальцы Дункана стали более уверенными, чем прежде. — У Народа есть три касты: Каты, Келы и Сены. Мы Келы, мы носим черные мантии, мы те, кто сражаются; Сены, ученые — носят желтые мантии, госпожа — белый; Каты — каста женщин, не принадлежащих ни к Келам, ни к Сенам — носят голубые мантии. Дети тоже Каты, пока не изберут касту.

Дункан не успел схватить стержень. Тот ужалил его колено, загремел по полу. Стэн потер колено и возобновил игру: туда и обратно, туда и обратно, по очереди с Ньюном. Это было трудно, слушать и следить за стержнями, но он рискнул еще и разговаривать.

— Мужчины, — сказал он, — которые не принадлежат ни к Келам, ни к Сенам. Что с ними?

Ритм не прервался.

— Они умирают, — ответил Ньюн. — Те, кто не может быть Сенами, те, кто не может быть Келами, те, кто боится, умирают. Некоторые умирают в Игре. Сейчас мы играем с жезлами, как Сены. Келы играют оружием. — Броски стали сильнее, быстрее. — Легко играть вдвоем. Втроем — уже труднее. Чем шире круг, тем сложней игра. Я играл в круге из десяти. Если круг много больше, все зависит от воли случая, от того, как тебе повезет.

Теперь стержни стали невероятно верткими. Дункан резко вскинул руки, чтобы поймать их: один, летящий ему прямо в лицо, он отклонил, но не смог поймать. Тот упал. Другой стержень оказался в его руке. Ритм разрушился, распался.

— Твоя левая рука слаба, — сказал Ньюн. — Но ты не боишься. Мужество. Хорошо. Ты должен обрести сноровку, прежде чем я начну знакомить тебя с ин'ейн, древним оружием. Захен'ейн, современное, ты знаешь не хуже меня; здесь мне нечему тебя учить. Но ин'ейн начинается с шон'ай. Бросай.

Дункан бросил. Ньюн поднял руку и, легко перехватив стержни, бросил их обратно, обращаясь с ними одной рукой. Дункан заморгал, смущенный мастерством мри, прикидывая свое собственное.

— Пора отдохнуть, — сказал тем временем Ньюн. — Мне не нужны твои промахи. — Он заткнул стержни обратно за пояс. — Время, — проговорил он, — нам поговорить. Я не часто буду говорить на твоем языке; мне приказано забыть его, и то же относится к тебе. Ты знаешь несколько слов на му'а, общеразговорном языке; и даже их ты должен забыть, оставив лишь хол'эйри, Высший Язык. Закон требует, чтобы, вступая во Мрак, забывали все, что было в эру Перехода, и

му'а, как и многое из этой эпохи Перехода, тоже должен умереть. Так что не смущайся. Иногда есть два слова для обозначения предмета, одно на му'а, другое — на хол'эйри, и ты должен забыть даже слово «мри».

— Ньюн, — Дункан протестующе поднял руку, чтобы тот остановился. — У меня нет достаточного запаса слов.

— Ты выучишь. Времени достаточно.

Дункан нахмурился, посмотрел на мри исподлобья и осторожно спросил то, на что прежде не получал ответа:

— Сколько времени?

Ньюн пожал плечами.

— Госпожа знает? — спросил Дункан.

На глазах Ньюна мигнула перепонка. — У тебя все еще сердце ци'мри.

От подобных ответов мри можно было сойти с ума. Дункан обводил нацарапанный им на полу рисунок, когда рука Ньюна внезапно остановила его. Стэн вырвался, подняв горящие обидой глаза.

— И еще кое-что, — сказал Ньюн. — Кел'ен никогда не читает и не пишет.

— Я пишу и читаю.

— Забудь.

Дункан внимательно посмотрел на него. Ньюн закрыл лицо вуалью и поднялся с изяществом человека, который проводил свою жизнь сидя на земле — еще несколько дней назад он не мог бы этого сделать; Дункан же, попытавшийся подняться и взглянуть ему в лицо, был менее грациозен.

— Послушай, — заговорил было он.

И раздался звук сирены.

На мгновение Дункана охватил ужас. Потом все пришло в норму. Близился переход: они подошли к точке прыжка. Дусы знали. Излучаемые ими страх и отвращение омывали комнату, как морской прилив.

— Яй! — крикнул Ньюн, успокаивая животных. Подойдя к дверному проему, он взялся за ручку двери. Дункан поискал что-нибудь подобное в другом конце комнаты, стараясь казаться спокойным, чего на самом деле не было; все его внутренности сжались от страха перед тем, что вот-вот наступит — и не было наркотиков, ничего. Только пример хладнокровного, неподвижного Ньюна удерживал Стэна от того, чтобы не сползти на пол и ждать.

Сирена умолкла. Потом, по мере того, как курсовая лента продолжала разматываться, автоматы

корабля включили сигнал тревоги, и звонок предупредил их о начале прыжка. Они даже не знали, где находятся сейчас. Безымянная желтая звезда по-прежнему одиноко висела на экране. Никаких кораблей. Ничего.

Неожиданно возникло знакомое чувство неопределенности, и стены, пол, время, вещество заструились и лопнули. Потом все повернулось вспять, и чувство безвозвратности заполнило мозг, оставив после себя впечатление непостижимой глубины превращения. Стены вновь стали твердыми. Руки обрели чувствительность. Дыхание и зрение восстанавливались.

Но звонок по-прежнему предупреждал о начале прыжка.

— Что-то произошло! — прокричал Дункан. Он увидел непривычный страх во взгляде Ньюна; мри что-то крикнул ему: нужно было что-то сделать с Мелеин — и убежал.

Чувства дусов затопляли каюту. Все вокруг снова начало таять и покрываться рябью; желудок судорожно сжался, словно Стэн падал с огромной высоты, чтобы разбиться насмерть. Дункан прирос к своему месту, всей душой желая потерять сознание, и не в силах сделать этого. Каюта растаяла.

Появилась вновь.

Звонок по-прежнему не умолкал, и деформация началась в третий раз. Тело дуса рядом излучало ужас. Дункан закричал, разжал пальцы и упал среди животных, слившись с ними в единое целое: звериный разум, звериные чувства и звон. Рябь возникла вновь и вновь утихла… и еще раз… и еще… и еще.

Дункан ощутил под собой твердый пол и окунулся в свет, такие чужие после бездн, которые он прошел.

Он закричал и почувствовал тепло устроившихся рядом дусов, чье удовольствие после всего происшедшего показалось ему непостижимым.

Они помогли ему удержаться. Слившись с ним воедино, они помогли ему пройти все это. На какое-то время Стэн забыл о том, что он человек, и позволил им проникнуть в себя. Рука потянулась, чтобы обнять мощную шею, получая в ответ тепло и удовольствие. Но внезапно, осознав, что он принял их, Стэн выругался и оттолкнул животных. Дусы отодвинулись, и он снова стал самим собой.

Человек, который лежал с дусами, мало чем отличался от них.

Он рывком поднялся на ноги и, шатаясь, напра-

вился к двери. Но когда он схватился за ручку, его ноги подкосились, а пальцы оказались слишком слабыми, чтобы удержать ее. Ему показалось, что пол — это стена, и желудок попытался вывернуться, но сил не было даже на это, и Дункан помрачнел.

Он упал навзничь, по-прежнему оставаясь в сознании и желая, чтобы его стошнило — но сил на это не было. Он еще некоторое время лежал, с трудом стараясь отдышаться, и дусы забились в дальний угол, подальше от него, посылая ему лишь собственный страх.

Ньюн вернулся — Дункан не знал, сколько прошло времени — и сел рядом, склонив голову с закрытым вуалью лицом над сложенными руками. Дункан по-прежнему лежал на боку, жадно хватая ртом воздух.

— С Мелеин все хорошо, — проговорил Ньюн на языке землян: Дункан смог понять только это; мри сказал что-то еще, но Стэн не смог связать это с предыдущим.

— Что произошло? — выкрикнул Дункан, хотя это усилие стоило ему тошноты; но мри только пожал плечами. — Ньюн, где мы?

Но Ньюн ничего не сказал: возможно, он сам ничего не знал, а, может быть, мри опять взялся

за свое, притворяясь, что больше не понимает языка землян.

Дункан выругался; желудок его сжался в комок, вызвав долгожданную рвоту. Стэн не смог пошевелиться, даже отодвинуться в сторону. Прошла целая вечность, прежде чем Ньюн вскочил с плохо скрываемым отвращением, принес влажные полотенца, вытер пол и умыл лицо Дункана. От его прикосновений и поднятие головы Стэна снова вырвало — на этот раз совсем не сильно, и Ньюн, оставив его одного, устроился в другом конце каюты, так, что Дункан мог его видеть.

Немного погодя подошел один из дусов, обнюхал его и послал импульс тепла. Дункан поднял бессильную руку и ударил зверя. Тот с испуганным и негодующим криком отпрянул в сторону, излучая такое ужасное смятение, что землянин громко закричал. На другом конце каюты Ньюн поднялся на ноги.

И снова зазвучала сирена… и колокол.

Все растаяло.

Дункан не искал безопасности стены, иллюзии, что у него есть хоть какая-то точка опоры. Он оставил все как есть. Когда все закончилось, он лежал на полу, содрогаясь от рвоты, и всхлипывал, хватая ртом воздух и скребя пальцами

неподатливый пол.

Дусы вернулись, обдав его своей теплотой. Он судорожно пытался вздохнуть, но сил уже не было, и тут что-то оперлось на его грудь и вдавило воздух внутрь. Рука Ньюна стиснула его плечо и встряхнула с такой силой, что каюта вновь поплыла перед глазами ошеломленного Дункана. Он уставился на мри в полном смущении и зарыдал.

На следующее утро он снова был спокоен, хотя это давалось ему нелегко. Мускулы его конечностей и живота по-прежнему изредка сводило судорогой от напряжения, и ему никак не удавалось расслабить их. При воспоминании о том, как он упал вчера и провалялся потом весь остаток дня, Дункана охватывал невыносимый стыд… или днем раньше, когда он сидел, скорчившись, в углу, а слезы горячими ручьями текли по его лицу — безо всяких переживаний, без причин, только потому, что он не мог остановить их.

В это утро Ньюн не сводил с него своих янтарных глаз над закрывающей лицо вуалью и хмурился. Мри протянул ему чашку соя и, вложив ее в дрожащую руку Дункана, передвинул его пальцы, чтобы землянин мог выпить это. Горячая горьковатая жидкость стекала в протестующий

желудок Дункана, наполняя его приятным теплом. Из глаз снова покатились беспричинные слезы. Он пил медленно, держа чашку, как ребенок, обеими руками; и слезы текли по его щекам. Он заглянул в глаза мри и нашел там холодную сдержанность, которая не предполагала никакого родства между ними.

— Я помогу тебе идти, — проговорил Ньюн.

— Нет, — сказал он так, что мри оставил его в покое, поднялся и пошел прочь, оглянувшись лишь раз, и вышел, невосприимчивый к одолевавшей Дункана слабости.

В тот день даже дусы излучали недоверие к нему: пересекая каюту, они старались держаться подальше, с трудом перенося его присутствие; и Ньюн, вернувшись, сел в дальнем конце каюты, успокаивая встревоженных дусов и не сводя с него глаз.

Когда на корабле была ночь, они прыгнули еще раз, а потом еще раз, и Дункан цеплялся за свой угол, сжимал зубы, борясь с дурнотой, а потом вообще перестал воспринимать окружающее, оставив в памяти зияющие пробелы. Утром, движимый отвращением к самому себе, он нашел в себе силы шатаясь выйти из своего угла, чтобы вымыться, а после дать немного пищи своему

сведенному судорогой желудку.

Ньюн смотрел на него, хмурился, — ожидая, — подумал Дункан, — что я умру или избавлюсь от слабости; и Дункану показалось, что он чувствует презрение мри; склонив голову на руки, Стэн лихорадочно думал, как ему перехватить управление у ленты, прежде чем какая-нибудь неисправность не убьет их всех, как бы ему доставить мри в какое-нибудь первое попавшееся забытое всеми место, где человечество не сможет найти их.

Но на это у него не хватало умения, и в мгновения просветления он признавал это. Мри могли уцелеть — как, впрочем, и корабль. Какое-то время он был одержим мыслями о самоубийстве, но потом в его воспаленном мозгу промелькнуло воспоминание, что все наркотики выброшены.

— Ци'мри, — сказал в конце концов о нем Ньюн, который поднялся и некоторое время вглядывался в его лицо.

Презрение в голосе мри обжигало. Ньюн пошел прочь, и возмущенный этим Дункан нашел в себе силы справиться с затуманенным сознанием и подняться. Он сразу же почувствовал дурноту, но на этот раз успел добраться до туалета, а потом, смахивая ресницами слезы с глаз, умыл лицо и

попытался совладать с дрожью, которая сотрясала его конечности.

Он вернулся в каюту и попробовал ходить из угла в угол. Но когда он дошел до середины, в голове у него помутилось, и он потерял равновесие. Он рванулся к стене, как сумасшедший, протягивая руки, и, обессиленный, прислонился к ней.

Ньюн стоял, наблюдая. Он, казалось, недоумевал, осматривая Дункана сверху до низу; лицо закрывала вуаль.

— Ты был кел'еном, — сказал наконец Ньюн. — Кто же ты теперь?

Дункан постарался что-нибудь сказать, но слова застряли у него в горле. Ньюн подошел к своему убогому ложу и уселся там, и Дункан тоже сел на твердый пол, желая подняться и идти, и доказать мри, что тот неправ. Но сил не было. Презрение Ньюна терзало его. Вспомнив о времени, Дункан попытался подсчитать, сколько дней он провел подобным образом, без мыслей, сбитый с толку.

— Вопрос, — сказал Дункан на хол'эйри. — Сколько дней… сколько дней прошло?

Он не ожидал, что Ньюн ответит, заранее приготовившись к молчанию или злобе.

— Четыре, — тихо сказал Ньюн. — Четыре, со времени начала твоей болезни.

— Помоги мне, — попросил Дункан, с трудом открывая рот. — Помоги мне подняться.

Мри молча поднялся и подошел к нему, и взял за руку, поставил его на ноги и помог ему идти; опираясь на него, Стэн мог двигаться. Дункан старался привести свои чувства в порядок, и, пытаясь обмануть их, убедил Ньюна сопровождать его при обходе их сектора, стремясь заняться привычными делами.

Он отдохнул, как мог, мускулы были по-прежнему напряжены; и на следующее утро начал все снова, и на следующее… и на следующее, твердо решив, что новый прыжок не выведет его из строя.

Это случилось через несколько дней; и на этот раз Дункан поднялся, крепко ухватившись за поручень, борясь с тошнотой. Немного погодя он решил пройтись по каюте, и это ему удалось; потом, задыхаясь, он добрался до своего ложа.

Он мог, подумал Дункан, чувствуя, как в нем поднимается горечь, позволить мри умереть, оставшись в комфорте и безопасности; он ненавидел способность Ньюна переносить прыжки, его необъяснимую установку сознания, которая позволяла выдержать постепенный вход в подпространство и выход из него.

А Ньюн, так или иначе ощущая его горечь или нет, соизволил заговорить с ним снова — сидя рядом, мри произносил длинные монологи на хол'эйри, словно остальное его не касалось. Временами он пел монотонные песнопения, и настаивал, чтобы Дункан повторял их, заучивал их: Дункан нехотя подчинялся — лишь бы его в конце концов оставили в покое — и вновь были бесконечные вереницы имен, и рождений, и слов, которые ничего не значили для него. Все это его не интересовало — но в конце концов ему стало просто жаль мри, который наполнял историей, мифами своей расы столь ненадежный сосуд. Он чувствовал, что катится вниз: битва выиграна слишком поздно. Его часто мучила рвота; конечности слабели; он становился худым как мри, и более хрупким.

— Я умираю, — поведал он Ньюну, когда изучил хол'эйри настолько, чтобы сказать это. Ньюн печально посмотрел на него и снял вуаль, что означало желание поговорить очень откровенно; но Дункан не снял вуаль, предпочитая скрывать свое лицо.

— Ты хочешь умереть? — спросил его Ньюн с глубоким уважением. На мгновение Дункан испугался, решив, что мри немедленно поможет

ему в этом, потому что скажи мри: «Ты желаешь чашку воды?» — тон был бы тем же самым.

Он поискал подходящие слова.

— Я хочу, — сказал он, — пойти с вами. Но я не могу есть. Я не могу спать. Нет, я не хочу умирать. Но я умираю.

Ньюн сдвинул брови. Глаза его мигнули. Он протянул изящную, золотистую руку и коснулся рукава Дункана. Это был странный жест, акт сострадания — Стэн достаточно изучил мри, чтобы понять это.

— Не умирай, — серьезно попросил его мри.

Дункан едва сдержал готовые прорваться рыдания.

— Мы должны играть в шон'ай, — сказал Ньюн.

Это было безумием. Дункан хотел было отказаться, потому что руки его дрожали, и он знал, что будет промахиваться: ему показалось, что лучшего способа покончить с собой не придумаешь. Но мягкость Ньюна обещала другое, обещала дружбу, занятие на долгие часы. Игрок не мог думать ни о чем другом, когда играл в шон'ай.

По соседству с красной звездой, пять дней без прыжка, они играли в шон'ай и говорили друг с другом, незакрытые вуалями. Игру сопровождало

песнопение, и руки отбивали ритм — так играть было еще труднее. Но Дункан научился, и теперь, даже засыпая, он чувствовал этот ритм, который завораживал, завладевал всем его разумом; и впервые за много-много ночей он спал глубоким сном, и утром он ел больше, чем, как ему казалось, был способен.

На шестой день, рядом со звездой, ритм игры стал более быстрым, и Дункан терпел боль от попадания по кости, и научился обходиться без сострадания Ньюна.

Еще дважды стержень попадал в него: один раз Стэна подвели нервы, а другой — собственная злость. После первого раза он разозлился и бросил стержень, нарушив правила игры. Ньюн вернул ему стержень с такой ловкостью, что Стэн растерялся. Дункан вытерпел боль и понял, что потерять сосредоточенность из-за страха или гнева означало испытать более сильную боль и проиграть игру. Он заставил себя собраться и играл в шон'ай всерьез, пока еще с жезлами, а не с острой сталью, как играют келы.

— Почему, — спросил он Ньюна, когда у него накопилось достаточно слов, чтобы спрашивать, — играя, вы раните своих братьев?

— В шон'ай играют, — сказал Ньюн, — чтобы

заслужить жизнь, чтобы постичь разум Народа. Кто-то бросает. Кто-то получает. Мы играем, чтобы заслужить жизнь. Мы бросаем. Руки пусты, мы ждем. И мы учимся быть сильными.

В Игре был порог, за которым лежал страх, и те, кто играл, знали наверняка, что пощады не будет. Об этом можно было на некоторое время забыть, пока темп был под силу, и лишь потом осознать, что это всерьез и что темп увеличивается. Страх поражал нервы, и Игра растворялась в боли.

«Играй, — посоветовал ему Ньюн, — чтобы заслужить жизнь. Бросай свою жизнь, кел'ен, и лови ее в свои руки.»

Он слушал и понял наконец, почему мри испытывает огромное наслаждение от этой игры.

И он впервые познал своего рода безумие, которое позволяло мри не только выжить, но и наслаждаться чудовищными ощущениями прыжков, в которых корабль бросал себя с кажущейся беспорядочностью от звезды к звезде.

Они прыгали еще дважды, и Дункан спокойно ждал, когда прозвенит тревога и начнется растворение. Он наблюдал за мри, зная, о чем думает стоящий перед ним кел'ен… зная, как расслабиться и бросить себя без остатка в ритм Игры, чтобы последовать за кораблем и не бояться.

Дикий смех охватил его, когда они выходили из второго прыжка: в планетарной разведке его учили, как _в_ы_ж_и_т_ь_, но то, как это происходило в Игре, было чем-то совершенно чуждым — беззаботное безумие, в котором и состояло мужество мри.

Кел'ен.

Он что-то потерял, нечто, чем дорожил когда-то; и так же, как и тогда, когда он швырнул в забвение все остальное, что прежде принадлежало ему, чувство утраты было смутным и отдаленным.

Ньюн молча смотрел на него оценивающим взглядом, и Стэн встретил этот взгляд прямо, все еще не в силах избавиться от мыслей об утрате. Один из дусов, малыш, обнюхал его руку. Стэн отдернул ее, отвернувшись под укоризненным взглядом Ньюна, и пошел в свой угол — поступь его была твердой, хотя чувства отказывались поверить в это.

Он не был тем, кого отправлял Ставрос.

Он сел на свое убогое ложе и взглянул на календарь, который он начал выцарапывать и который забросил. Прошлое больше не имело значения; важно было лишь то, что теперь у него будет достаточно времени, чтобы он действительно

мог забыть.

Забыть письменность, забыть человеческую речь, забыть Кесрит. В его прошлом имелись пробелы, да и в настоящем их тоже хватало — взять хотя бы те ужасные и заполненные лихорадкой часы; а иногда его память выкидывала фокусы и почище — Стэн вспоминал какие-то вещи, которые казались слишком странными в этом корабле, в этом долгом путешествии.

Мрак, о котором говорил Ньюн, начал проглатывать это, ибо в нем не существовало меры, и направления, и причины.

Тем же самым куском металла, которым делал отметки, Дункан затер их, уничтожив записи.

# 12

Дни складывались в месяцы. Дункан проводил их, тщательно соблюдая распорядок, разбирая узлы машин, которые не нуждались в этом, и вновь собирая их — лишь бы быть занятым… играл в шон'ай, если Ньюн соглашался; запоминал бессмысленные цепочки имен и постоянно твердил про себя на хол'эйри слова, которым он недавно научился, занимая руки игрой узлов, которой Ньюн научил его, или на камбузе, или еще каким-нибудь занятием, которое пришло ему в этот момент в голову.

Он научился обязательной для келов работе по металлу; научился вырезать — сделал из пластика глуповатую фигурку дуса, и сначала не знал, что с ней теперь делать; но потом ему пришла в голову неожиданная мысль.

— Отдай его госпоже, — сказал он, когда дус, как ему показалось, стал вполне похож на настоящего; и сунул фигурку в руки Ньюна.

Мри, казалось, расстроился.

— Я попробую, — пробормотал он со странной серьезностью, и сразу же поднялся, и пошел, как

будто просьба Дункана была делом огромной важности.

Он вернулся не скоро, и устроился на полу, и поставил маленькую фигурку дуса между ними на циновку.

— Она не приняла, кел Дункан.

Никакого оправдания отказа госпожи; Ньюн не мог извиняться за приговор Мелеин. Стало ясно, почему Ньюн не хотел даже попытаться взять подарок для нее, и через мгновение лицо Дункана вспыхнуло. Он не одел вуаль, но угрюмо смотрел вниз, на отвергнутую нескладную маленькую фигурку.

— Ну что ж, — сказал он, пожав плечами.

— Бу'айна'эйнейн… ты вторгся, — сказал Ньюн.

«Дерзкий», — перевел Дункан, по-прежнему заливаясь краской.

— Еще не время, — сказал Ньюн.

— А когда придет время? — резко спросил Дункан, слыша мягкий вздох мри. Ньюн закрыл лицо вуалью, обидевшись, и поднялся.

Брошенная маленькая фигурка лежала там два дня, пока Ньюн, коснувшись Стэна, негромко спросил, может ли он взять ее.

Дункан пожал плечами.

— Бери, — сказал он, радуясь, что может нако-

нец избавиться от нее.

Та исчезла в складках внутренней мантии Ньюна. Ньюн поднялся и вышел из каюты. Дусы двинулись следом и вернулись, и, обеспокоенные, вышли снова.

В главном коридоре проходила незримая граница. Дункан знал места, куда он может пройти внутри корабля, а куда — нет, и не пытался нарушить запрет. Он был отстранен не от работ по кораблю, а, главным образом, от общества Мелеин; Ньюн входил и выходил оттуда, но Стэн не мог.

Сейчас Дункан, подгоняемый человеческим упрямством, решил посмотреть, куда же Ньюн ушел с фигуркой; шаги Стэна постепенно замедлялись и наконец замерли в коридоре, который он не видел целую вечность: дойдя до его поворота, Дункан даже представить себе не мог, что осмелится зайти так далеко — и теперь, оказавшись здесь, успокоился и задумался.

Лампы вокруг были выключены, и в воздухе чувствовался слабый запах мускуса, который фильтры не уничтожали полностью. Огромная коричневая тень, и рядом с ней — вторая, сидели в тени перед открытой дверью: дусы — значит, Ньюн здесь, — подумал он.

Земляне отличались упорством; но и мри тоже было свое собственное упорство, которому научился и Стэн, и которое он уважал в Ньюне.

Дело было в том, что, позови он мри, тот не отзовется.

Но и мри можно было заставить.

Молча, почтительный к барьеру, Дункан подоткнул мантию между колен и, скрестив ноги, опустился на пол — ждать. Дусы, казавшиеся тенями у далекого дверного проема, стояли и нервно втягивали носами воздух, навязывая ему свою неуверенность. Дункан не хотел идти у них на поводу. Он не двигался. Через некоторое время малыш прошел половину пути и лег, глядя на него, опустив голову между массивными лапами. Когда Стэн остался спокоен, дус снова поднялся и прошел оставшуюся половину пути, и, в конце концов, против воли Дункана, подошел и обнюхал его ногу.

— Яй! — упрекнул его негромко Дункан. Дус улегся и, едва коснувшись Стэна, вздохнул.

И в дверном проеме появилась более черная тень, посверкивавшая здесь и там металлом.

Ньюн.

Мри остановился, ожидая. Дункан поднялся на ноги и настороженно замер рядом с границей.

В длительных беседах с Ньюном нужды не было — мри уже заметил Стэна, и, поразмыслив, поманил его пальцем.

Дункан шагнул вперед, в тень, дус — за ним по пятам; Ньюн ожидал его у дверей; и со свойственным землянам благоразумием Стэн хотел было спросить Ньюна, что случилось, почему его пригласили сюда. Но Ньюн, по-прежнему молча, махнул рукой влево, направляя его внимание на каюту, из которой вышел.

Здесь прежде находилась часть кают экипажа. Тяжелый запах мускуса висел в полумраке, где все было завешено черной тканью. Единственным источником света служило настоящее пламя, отблескивающее искрами на овоиде, который покоился у дальней стены отсека, позади утонувшей в тени стальной решетки. Трубопроводы поднимались по бокам дверного проема, словно колонны, оставляя проход лишь для одного.

— Входи, — послышался за его спиной негромкий голос Ньюна.

Стэн ощутил, как рука Ньюна коснулась его между лопаток, и, чувствуя, как его кожа в полумраке покрывается мурашками, помимо своей воли пошел вперед, где дрожало такое опасное на корабле пламя, а фимиам был плотным и притор-

ным. Он и раньше чувствовал этот исходящий от одежды мри аромат, который у него ассоциировался с ними; Дункан считал его естественным для них, хотя в стерильных лабораториях запах не ощущался.

Дусы дышали позади них — столбы мешали им войти.

И на несколько мгновений установилась тишина.

— Ты видел подобное святилище прежде, — сказал Ньюн низким голосом, от которого по коже Стэна еще сильнее побежали мурашки. Повернув голову, Дункан посмотрел на мри; сердце его бешено заколотилось, когда он вспомнил Сил'атен, и предательство, которое совершил. На один ужасный миг ему показалось, что Ньюн все знает; но потом Дункан убедил себя, что мри сам первым позвал его, впервые позволил ему войти сюда.

— Я помню, — хрипло проговорил Дункан. — Это из-за этого вы держали меня подальше от этой части корабля? А почему вы разрешили мне войти сюда сейчас?

— Разве я ошибся? Разве ты не хотел этого?

В голосе Ньюна по-прежнему звучало спокойствие, которое завораживало. Дункан промолчал

и взглянул в другую сторону, где за своим экраном покоился пан'ен, на мерцание теплого золотого света на серебре.

Мри.

Теперь в этом отсеке не звучало эхо голосов землян, его прежних хозяев; здесь не осталось ничего, что бы напоминало о грубоватых шутках и простых человеческих радостях, которые некогда царили здесь. В отсеке находился пан'ен. Здесь, в этой цитадели мри, была заключена _э_п_о_х_а_, и память о том, что Стэн совершил и в чем не мог признаться им.

— В каждом эдуне Народа, — сказал Ньюн, — было святилище, и в каждом святилище хранились Пана. Ты видишь экран. Вот та черта, которую не может преступить нога кела. То, что покоится за ним, келов не касается. Это символ истины, кел Дункан. Пойми это и запомни.

— Почему ты впустил меня сюда?

— Ты кел'ен. Даже самый ничтожный из кел'ейнов волен войти во внешние святилища. Но кел'ен, который дотронется до пан'ена… который пересечет черту и попадет в святилище Сенов… он приговорен, кел Дункан. Ты помнишь стража святилища?

Кости и черная одежда, жалкие остатки смерт-

ного внутри гробницы — воспоминание было настолько ясным, что его бросило в холод.

— Много кел'ейнов, — сказал Ньюн, — отдали свои жизни, чтобы охранять Пана; другие, которые несли его, умерли за такую честь, храня секрет этого места, подчиняясь приказам госпожи. Но тебе это не ведомо.

Сердце Дункана забилось сильнее. Он осторожно взглянул на мри.

— Нет, — сказал он; и ему вдруг страстно захотелось убежать прочь.

Но рука Ньюна уже легла на его плечо, подтолкнув Стэна к экрану; там мри преклонил колени, и Дункан опустился рядом с ним. Темный экран дробил сияние и форму пан'ена на ромбоидальные осколки. Позади беспокойно ворчали отставшие дусы.

Наступила тишина. Дункан неслышно выдохнул, поняв наконец, что бояться нечего.

Ньюн долго сидел неподвижно, положив руки на колени и глядя на экран. Дункан не осмеливался повернуть голову, чтобы взглянуть в его лицо.

— Ты узнаешь это место? — в конце концов спросил его Ньюн, по-прежнему оставаясь неподвижным.

— Нет, — ответил Дункан. — Тех слов, что ты

дал мне, недостаточно, чтобы спросить. Что это место значит для тебя?

— Основателем касты Келов был Сэй'эн.

— "...Подаривший законы, — подхватил Дункан песнопение вслед за умолкнувшим Ньюном, — в помощь Матери Сайрин. И закон Келов один: служить госпоже..."

— Это Кел'ис-джир, — сказал Ньюн. — У каждой главной песни есть основная часть, которую изучают в первую очередь; затем каждое из основных слов расширяется в другую песню. В и'атрэн-э Сэй'эна двадцать одно основное слово, каждое из которых дает начало другой песне. Это один ответ на твой вопрос: здесь кел'ейны разучивают главные песни. Здесь встречаются три касты, хотя каждая из них держится особняком. Здесь, в непосредственной близости от Пана, лежат умершие. Здесь мы внимаем присутствию Сэй'эна и иных, которые были даны Народу, и помним, что мы — их дети. — Наступила долгая тишина. — Сэй'эн не был твоим отцом. Но склонил тебя к закону Келов, и ты можешь приходить сюда, и никто не прогонит тебя. Я могу научить тебя закону Келов. Но всему, что касается Пана — нет. Лишь госпожа может изучать их, когда пожелает. Таков закон: каждая каста учит лишь

тому, что знает лучше всего. Келы — это Рука Народа. Мы — Лицо Народа, которое видят чужие, и поэтому мы носим вуали. Нам неведома высшая мудрость, и мы не читаем письмена: мы лицо, что Повернуто Вовне, и у нас нет ничего, чтобы чужие не могли изучить нас.

Это объясняло многое.

— Все чужие — враги? — спросил Дункан.

— Этого Келы не знают. Жизни Келов составляют жизнь Народа. Регулы наняли нас. В песнях поется, что мы служим наемниками, и эти песни очень старые, гораздо старше нашей службы у регулов. Это все, что мне известно.

И Ньюн, сделав почтительный жест, поднялся. Дункан собрался с силами и последовал за ним во внешний коридор, где ждали дусы. Животные излучали удовольствие. Дункан старался не обращать на это внимания, пытаясь сохранить ясность своих чувств… и в страхе сознавая… что все его усилия сводятся на нет мри и дусами.

В холле Келов они разделили чашку соя. Ньюн, казалось, пребывал в довольно приподнятом настроении; глаза его, что еще недавно напоминали мертвое янтарное стекло, казались необычайно выразительными.

Словно, подумал Дункан, то, что он отправился

искать святилище, Ньюну понравилось. Дункану вдруг пришла в голову мысль, что долгое молчание могло нагнать тоску не только на него самого, но и, вполне возможно, на Ньюна, вынужденного делить кров с существом куда более чуждым мри, чем дусы, которые понимали Ньюна гораздо хуже… с существом, которое Мелеин не одобряла.

Они спокойно поговорили о предстоящим вскоре прыжке и о том, что необходимо было сделать завтра. И в прошлом, и в будущем существовало немало дел, о которых они не упоминали. Дункан много о чем хотел бы расспросить Ньюна, воспользовавшись разговорчивостью мри — как расспросил бы другого землянина… и вопросы эти касались, главным образом, прошлого — чтобы лучше узнать собеседника: «Какова была жизнь на Кесрит, когда там находились лишь регулы и мри? Откуда ты? Каких женщин ты знал? Чего хотел от жизни?» Но Кесрит надо было забыть — как и многое другое, что касалось его собственных воспоминаний… земных… запрещенных. Прошлого больше нет; будущее наполняли неясные образы… кел'ена они не касаются, он не должен интересоваться ими, смотреть на них, запоминать… как и то, что находится за экраном.

Дункан допил сой, отставил чашку в сторону,

где устроился дус — тот сразу потянул к ней свой нос.

— Я хочу сыграть с тобой в круге, — сказал Ньюн.

Игра… так продолжалось уже день за днем… каждый день одно и то же. Однообразие потихоньку начинало сводить с ума. И сегодня, все еще под впечатлением от посещения святилища, Дункан закусил губу и, решив усложнить себе жизнь, ответил по-другому.

— С оружием, — сказал он.

Глаза Ньюна испуганно мигнули. Он задумался, потом вытащил из-за пояса ав-тлен — длинный, в две ладони, нож. Ньюн положил его перед собой; потом слева, чуть в стороне, легли пистолет и тяжелые шнуры — кэй'ислэй, которые свешивались с его пояса и были изукрашены орнаментом больше, чем оружие. И из внутреннего кармана своего пояса мри извлек два небольших, с рукоятками, клинка — ас'сеи, которыми Келы играли в шон'ай. Все это лежало теперь на циновке между Дунканом и Ньюном: пистолет — слева, а ин'ейн, древнее оружие, справа.

— Здесь нет ав-кела, — сказал Ньюн. — Но он здесь не нужен.

Меч кела: Дункану был знаком этот острый, как

бритва, трехфутовый клинок; он еще недавно вернул его мри, и теперь меч лежал, завернутый в ткань, рядом с убогим ложем Ньюна.

— Ты можешь брать их, — сказал Ньюн; и, когда Дункан поднял изящные лезвия ас'сеев, добавил: — Осторожнее. Со всем этим оружием, кел Дункан, обращайся очень осторожно. Что касается… — он махнул рукой на пистолет, — здесь я могу не опасаться за тебя. Но кел'ен, который сразу же, с детства, начинает играть в Игру со сталью, гибнет. Ты же едва-едва можешь играть с жезлами.

Знакомый липкий холодок страха заставил тело Дункана покрыться мурашками, когда землянин взял в руки это неприметное оружие; то был не панический ужас — Дункан давно уже научился справляться с ним, когда начинал Игру… лишь пронзительная мысль о том, что это смертоносное оружие было куда более чуждым, более затрагивающим личность и требующим куда большего, чем Стэн мог себе представить до сих пор. Он прикинул мастерство Ньюна и рефлексы мри, которые даже на первый взгляд казались на смертоносную частичку быстрее человеческих, и внезапно испугался, что не готов к подобному испытанию, и что именно такого признания ждет от него Ньюн.

— Мне кажется, — сказал Дункан, — что не так уж и много кел'ейнов погибло, пытаясь научиться играть сталью.

— Такая смерть почетна.

Стэн взглянул в открытое лицо мри, ища хотя бы тень насмешки, и не нашел ничего.

— Ты принадлежишь к расе, — медленно заговорил Ньюн, — которая воюет числом. Мы — нет. Оружие, извергающее огонь, захен'ейн — вот чему вы отдаете предпочтение. Вы не понимаете нас, я вижу это. И много, много раз, Дункан, пытались мы подступиться к землянам, думая, что вам знакомо понятие чести. Что ж, может быть, и знакомо. Но вы не выходили сражаться в поединках. Земляне никогда так не поступают? Или причина не в этом, Дункан?

Дункан не нашел, что можно ответить Ньюну — в вопросах мри прозвучала такая невыразимая печаль, такая бесконечная растерянность, словно получи его Народ ответы на эти вопросы, все было бы иначе.

— Мне очень жаль, — сказал Дункан, понимая, что этого ничтожно мало.

— Что ты решил? Ты будешь играть?

Горечь не исчезла. Внезапный страх Дункана по-прежнему чувствовался в воздухе. Стэн

посмотрел вниз, на изящные клинки, которые осторожно держал в руках, стараясь, по возможности, правильно выполнить захват.

Ньюн протянул тонкие пальцы, осторожно поправил Стэна, и так же осторожно убрал руку. Мри отодвинулся на положенное расстояние.

— Бросаем по одному клинку, Дункан.

Стэн заколебался.

— Это нехорошо, — сказал Ньюн. — Бросай.

Клинок рванулся вперед. Ньюн легко перехватил его и вернул обратно.

Дункан поймать не смог. Клинок поразил Стэна в грудь и упал на его колени. Стэн потер место удара — над сердцем — и подумал, что, несмотря на одежду, из раны должна идти кровь.

Дункан бросил вновь. Ньюн вернул бросок. Неловко поймав клинок за рукоятку, Стэн бросил снова… возврат… вперед… назад… вперед… назад… и внезапно в его мозгу мелькнула мысль, что это оружие, и Дункан замер, и клинок поразил его снова — на этот раз в ребра. Трясущейся рукой Стэн поднял клинок с колен. Бросок.

Ньюн поймал клинок и, не вернув, стиснул его в руке.

— Я хочу играть дальше, — сказал Дункан.

— Потом, — Ньюн протянул руку за вторым

клинком. Дункан отдал его, и мри засунул ас'сеи обратно за пояс.

— Мои раны не слишком серьезные.

Спокойные янтарные глаза мри скользнули по дрожащим рукам Дункана, по его открытому лицу.

— Теперь ты знаешь, что на самом деле можно пораниться. Так случается с каждым, кел Дункан. Задумайся над этим. У тебя доброе сердце. У тебя добрые намерения. Твоя душа неспокойна. Мы еще будем играть — и с жезлами, и с клинками. Я научу тебя всему, что знаю сам. Но не надо пытаться изучить все в один день. Позволь мне взглянуть на твои раны. Я тщательно готовил броски, но мог и ошибиться.

Нахмурившись, Дункан приподнял мантию, обнаружив две маленьких ранки — одну над сердцем, другую — меж ребер; ранки были неглубокими, крови не было.

— Мне кажется, это скорее всего моя ошибка, — признал он. Ньюн внимательно посмотрел на него.

— Да, это так. Ты не умеешь сдерживать себя. Когда мы играем с жезлами, мне до сих пор приходится соблюдать осторожность.

Стэн с возмущением взглянул на мри.

— Немного, — уступил Ньюн. — Но я знаю твой предел, а ты не знаешь моего.

На скулах Дункана заходили желваки.

— Как сказать на хол'эйри «высокомерный»?

Ньюн улыбнулся.

— Кэ'эни-нла. Но ко мне это не относится, кел Дункан. Будь это действительно так, у тебя было бы куда больше двух ран; ставить партнера в затруднительное положение — вот это высокомерие. Усложнять Игру больше, чем это тебе по силам — глупо. А ты не глупец, кел Дункан.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Дункан смог подыскать достойный ответ. Дусы сильно встревожились.

— Если я могу разозлить тебя, кел Дункан, — заговорил Ньюн, когда Стэн уже открыл было рот, чтобы ответить, — твоя защита снова не выдержит. И причина тому — твоя злость. Я хочу, чтобы ты думал о чем-либо еще, кроме Игры. Так говорили мне мои наставники… часто, потому что я сам совершал подобные ошибки. Мне это стоило куда больше двух шрамов.

Глядя на кел'ена, Дункан с удивлением подумал, что впервые за долгое время узнал что-то о Ньюне как о личности, а не как о мри. Стэн вспомнил о веселье, сиявшем в янтарных глазах, и

понял, что ему предлагали разделить эту радость, и Ньюн, вместо того, чтобы рассердиться, лишь вернул его бросок — как мужчина поступил бы с мужчиной, который не был его врагом.

— Завтра я снова попробую играть с ас'сеями, — сказал Дункан.

Лицо Ньюна осталось спокойным, но в утвердительном жесте мри промелькнуло удовольствие.

— Хорошо. — Кел'ен протянул руку, чтобы отогнать не в меру любопытного дуса, который подошел к ним: казалось, животных привлекал любой спокойный разговор, и они стремились подойти как можно ближе, чтобы коснуться людей.

Но дус — это был малыш — зарычал на поднятую руку, и Ньюн быстро отдернул ее. Отпихнув мри, зверь устроился между ними. Немного погодя он снова зашевелился, придвигая свое тело поближе к Дункану.

— Он иногда делает так, — пробормотал встревоженный Дункан. Сердце Стэна внезапно заколотилось — дус коснулся его. Массивная голова ткнулась в колени землянина, и зверь, вздохнув, обрушил на него волну тепла и знакомое убаюкивающее урчание. Дункан на миг растворился в этом теплом дрожащем звуке, но

потом вздрогнул, и дус притих. Стэн тряхнул головой и увидел, что сидящий напротив Ньюн обнимает рукой плечо большого дуса.

— Этот бессовестный дус предпочитает ци'мри, — сказал Ньюн.

Дункан подумал, что мри рассердился — ведь дус зарычал на него. Стэн еще некоторое время терпел прикосновение дуса, зная, как мри привязан к этим животным и боясь обидеть его проявлением своего недовольства; но вторжение в его собственные чувства стало невыносимым. Внезапная судорога охватила Дункана.

— Уходи от меня, — отрывисто бросил он, боясь пошевелиться, чтобы не огорчить зверя еще сильнее.

Ньюн, нахмурившись, осторожно отстранился от большего дуса и протянул руку к лежащему рядом с Дунканом малышу. Тот издал странный печальный звук и, тяжело дыша, придвинулся еще ближе к Дункану. Ньюн, на котором уже не было вуали, снял зейдх, прикрывавшую его волосы — непривычная фамильярность — наклонился и сильно тряхнул ею рядом со зверем. Дункан почувствовал, как дус ощетинился и стал чужим. Он попробовал сам коснуться зверя рукой, но тот внезапно отпрянул и затрусил в

другой конец каюты, покачивая массивной головой и раздраженно сопя, словно его вынудили отступить.

— Ци'мри, — предположил Ньюн, по-прежнему сидя на коленях. — Дус чувствует нечто, чего не в силах постичь. Я ему не нужен, ты не подпускаешь его к себе. Это может плохо кончиться, Дункан. Может быть, тебя не устраивает то, что он тебе предлагает. Но если ты в конце концов не примешь этого, может случиться непоправимое. Я не могу с этим справиться. Если дус не получит то, что ему хочется, им овладеет безумие. Они могут выбирать. Мы — нет.

— Я не могу прикоснуться к этому.

— Тебе придется это сделать.

— Нет.

Коротко вздохнув, Ньюн поднялся и подошел к экрану, на котором сияли похожие на облака пыли россыпи звезд. Кроме смущенного зверя и непокорного землянина, это было единственным, на что здесь можно было смотреть. В этой застывшей черной фигуре Дункану почудился упрек и разочарование.

— Ньюн…

Мри повернулся и посмотрел на Дункана: непокрытое лицо, непокрытая голова.

— Не называй меня ци'мри, — попросил Дункан.

— Что ты сказал? — выпрямился Ньюн. — Когда хол'эйри станет твоим языком; когда ты будешь играть в Игру с оружием; когда сможешь спокойно заснуть, не боясь дусов — лишь тогда я не буду называть тебя ци'мри. Зверь умрет, Дункан. И второй останется в одиночестве, если безумие не коснется и его.

Дункан посмотрел на свернувшегося в углу малыша. Уступая Ньюну, Стэн поднялся и заставил себя подойти к зверю. Но тот лишь упорно отодвигался и рычал, посверкивая темными глазами, желая, чтобы его оставили в покое.

— Осторожно…

Ньюн встал позади Стэна. Почувствовав руку мри на своем плече, Дункан облегченно вздохнул и отступил. Дус по-прежнему лежал в углу, и, похоже, с этим пока что ничего нельзя было сделать.

— Я попробую, — пробормотал Дункан.

— Только не торопись. Не трогай его сейчас. Не трогай. Дусов нельзя заставлять что-либо делать.

— Я не знаю, почему он ходит за мной. Я пытался ему помешать. И, похоже, он понимает, что я не хочу этого.

Ньюн пожал плечами.

— Я почувствовал его беспокойство. Но не жди от меня ответа. Никто не знает, почему дус выбирает именно его. Мне же просто не под силу двое зверей. У малыша еще нет хозяина. И, возможно, он чувствует в тебе кел'ена.

Дункан посмотрел на дуса, который больше не излучал враждебность; потом снова взглянул на Ньюна, спрашивая себя: неужели в словах мри прозвучало признание того, что он одержал какую-то победу?

Ночью, когда они улеглись спать на своих убогих ложах, Ньюн сложил свое оружие в узел с одеждой, где умещались все его вещи; и там же, рядом со странной скрученной веревкой, лежала неуклюжая фигурка дуса — словно она была какой-то ценностью.

Дункану это понравилось. Он устремил взгляд в полумрак на живую модель, что лежала чуть в стороне, поблескивая глазами в льющемся с экрана свете звезд, опустив голову между лап и с тоской глядя на него. Он негромко свистнул — то был зов землян и их предков.

Ноздри зверя раздулись, мягко выдохнув воздух. Маленькие глазки сузились в некоем подобии мучительного раздумья.

Но дус не двинулся с места.

# 13

Теперь Мелеин была облачена не в золотую, а в белую мантию. Она сшила себе новые одежды, а в соседних с рубкой управления отсеках устроила свои покои — скромные и приятные: здесь было лишь одно кресло — для нее; и циновки, на которых могли сидеть другие; и она начала покрывать стены самого холла и ведущего вниз коридора величественными золотыми, черными и голубыми разводами; и ярок и странен был контраст этих стен с голыми стенами где-нибудь в другом месте. Отсюда, из своих покоев, она потихоньку завоевывала корабль, превращая его в собственный дом.

Сама не сознавая того, она возрождала утраченный эдун, Дом Народа. Она восстанавливала письмена, и мастерство и великий труд помогали Мелеин справиться с этой нелегкой и священной работой.

Увидев это, Ньюн почувствовал благоговейный трепет, и каждый раз, приходя навестить Мелеин, он замечал, что ее труд продвигается по кораблю. Он все еще не мог поверить, что ей уже доступ-

ны подобные знания. Ведь госпожа Мелеин еще совсем недавно была самой юной дочерью Дома — Мелеин Зайн-Абрин, Избранницей госпожи Интель.

Ту Мелеин, которую он знал, его родную сестру, его товарища-кела, Ньюн потерял навсегда. Это произошло постепенно, словно письмена, строчка за строчкой ложившиеся на стены корабля. Он вспомнил их детство среди Катов, вспомнил, как уже кел'ейнами играли на высоких холмах Кесрит. И вот Мелеин достигла возраста и подобающего Матерям уважения. То, чем она владела, делало ее непонятной для Ньюна. Он был всего лишь кел'еном и не мог читать написанного ею, не в силах был постичь загадки, которые изредка исторгали ее уста, и, к своему смущению, понимал, насколько за шесть лет, прошедших с тех пор, как они оба были Келами, выросла разделявшая их пропасть. Символы воинской чести, голубые сет'ал, были на лицах их обоих; но рукам Мелеин уже не суждено было коснуться оружия, и уделом ее стала присущая Сенам спокойная сдержанность. Она не носила вуали. Мать эдуна очень редко закрывала лицо перед своими детьми. В присутствии чужака или незнакомца она лишь отворачивалась. Она была одинока:

одетые в золотистые мантии Сены заменяли ей слуг; Келы, опытные воины, были ее Мужьями; Каты-взрослые, на радость ей, рождали светлоглазых детей. И временами Ньюн с мучительной болью чувствовал, как мало он может сделать для нее.

— Ньюн… — Мелеин улыбнулась и, протянув руку, коснулась его. Он преклонил колени у ее кресла — будучи Келом, он, как и не привыкший к роскоши Сен, не признавал мебель. Его дус был рядом, излучая тепло и верность. Малыш, пришедший с ними в гости, пристроился у ног госпожи, выражая подобным, присущим лишь дусам, образом свое обожание. Говорили, что мысли касты Сенов были слишком сложны, слишком холодны для дусов. Правда ли это, Ньюн не знал — но, как ни странно, даже когда Мелеин была келом, ни один дус не выбрал ее, и девушка с горечью завидовала другим кел'ейнам. Теперь у нее никого нет… и не будет. Дус обожал Мелеин, но никогда не пытался коснуться ее своим разумом — он скорее отдавал предпочтение землянину, но не расчетливой власти госпожи Мелеин с'Интель.

Ньюн опустил голову, когда госпожа коснулась его, и снова поднял глаза.

— Я привел Дункана, — сказал он. — Я научил его, как следует вести себя; я предупредил его обо всем.

Мелеин кивнула.

— Что ж, если ты считаешь, что пришло время, — произнесла она, поглаживая по спине устроившегося рядом дуса, — позови его.

Ньюн взглянул на нее, чтобы еще раз попросить ее проявить терпение… заговорить с ней, как тогда, когда они оба были детьми; но существовавшая когда-то между ними близость исчезла. Дусы почувствовали тревогу. Зверь Ньюна замотал головой. Кел'ен поднялся, толкнул дуса, заставляя того идти впереди себя.

Дункан ждал. Ньюн нашел землянина на том же месте, где и оставил его — напротив двери, на противоположной стене коридора.

— Идем, — сказал он Стэну. — И не закрывай лица. В холле нет чужих.

Дункан закрепил мэз под самым подбородком и вошел следом за мри, чуть задержавшись в середине комнаты, пока Мелеин не сделала приглашающий жест, показав Стэну, что ему следует сесть по левую руку от нее, рядом с отдыхавшим малышом.

Дункан шагнул вперед, с опаской глядя на дуса,

которого он смертельно боялся. Ньюн хотел было возразить, но решил, что лишь обидит землянина и позволит Мелеин усомниться в том, что Стэну действительно можно присутствовать здесь. Дункан осторожно опустился на предназначенное ему место, а Ньюн устроился на своем — справа от Мелеин, на расстоянии вытянутой руки от землянина и второго дуса. Коснувшись пальцами малыша, Ньюн почувствовал, что тот спокоен, и позволил себе расслабиться.

— Дункан, — мягко окликнула Мелеин. — Кел Дункан… Ньюн сообщил мне, что ты понимаешь хол'эйри.

— Я глотаю слова, госпожа, но могу понять сказанное.

— Должно быть, до того, как ты попал к нам, ты немного знал му'а…

— Да. Несколько слов.

— Должно быть, тебе пришлось немало потрудиться, — сказала она. — Знаешь, сколько уже времени ты находишься здесь?

— Нет. Я больше не считаю время.

— Ты доволен, Дункан?

— Да, — отозвался Стэн, и по тому, как он задержал дыхание, Ньюн понял, что сам землянин не верит в это. Дункан лгал — так поступали лишь

земляне.

Ему не следовало делать этого.

— Тебе известно, — продолжала Мелеин, — что мы идем домой.

— Ньюн говорил мне.

— Твои соплеменники догадывались об этом?

Дункан не ответил. Вопрос очень напугал его: Ньюн через дусов почувствовал удар страха.

— Путь нашей расы, — негромко продолжала Мелеин, — начался давно, и был он долог, ибо корабли, что, подобно этому, могут сделать его столь стремительным, были недоступны нам. Путь, который привел нас к вам, длился около двух тысячелетий. И существовали времена, о которых Народ хотел бы никогда не вспоминать, и поколения, что сменялись во Мраке при перелете от звезды к звезде, не знавшие Пана, Запретного, Святого, Тайн… и они ступали на новую землю, понимая лишь то, о чем им говорили. Но на этот раз… на этот раз, кел Дункан, наше прошлое осталось с нами, оно в тебе самом, и оно живо; да, это вопреки всем законам, вопреки мудрости, накопленной множеством Матерей, что были до меня — но и наш путь совсем иной, и совсем иной — наш Мрак. Я позволила тебе остаться с нами. Подозревали ли твои соплеменники, Дункан, что

мы собираемся домой?

У малышей-катов была запрещенная игра, игра в правду: коснись дуса и попробуй солгать. Узнав о ней, Матери сразу же наложили запрет, хотя огромные звери были терпимы к детям, а невинные мысли малышей не могли встревожить дусов.

«Найди, где я спрятал камень.»

«Это близко? Далеко?»

Коснись дуса и попробуй солгать.

Но не пытайся лгать братьям — келам или сенам.

— Мелеин! — запротестовал Ньюн. — Он боится зверей!

— Он боится, — хриплым эхом отозвалась она. — Скажи мне, Дункан, что они ожидали от записи, которую вложили в корабль?

— Что это… что это местонахождение баз мри.

В воздухе, словно перед штормом сделавшемся тусклым, душным и зыбким, чувствовалось напряжение. Большой дус вздрогнул, поднял голову.

— Тихо, — прошептал Ньюн в его настороженное ухо, потянув за него, чтобы отвлечь зверя.

— А… — протянула Мелеин. — И земляне, конечно же, продублировали эту запись. Пока

пан'ен находился у них, они воспользовались тем, что в нем находилось. А чтобы мы ничего не заподозрили, они отдали нас тебе.

Внезапно, заставив их вздрогнуть, закричал дус. Зверь отшвырнул Дункана — тот, откатившись от удара к стене, растянулся на полу; оба дуса вскочили, излучая панику.

— Яй! — прикрикнул Ньюн на своего зверя, хлопнул в ладони и толкнул его. Дус мгновенно бросил свое тело на удивленного малыша и прижал его к стене, постоянно смещаясь, чтобы оставаться между ним и своим хозяином; и Ньюн прыгнул к Дункану, заставив своего дуса прикрывать их обоих.

Паника постепенно пошла на убыль. Стоя на коленях, Дункан держал руку на весу; его тело сотрясали судороги, побелевшее лицо покрывали бисеринки пота. Ньюн взял его за руку и откинул рукав, обнажив отвратительную распухшую рану.

Яд дуса.

— От этого ты не умрешь, — сказал Стэну Ньюн, поддерживая его, чтобы хоть немного унять мучившую землянина лихорадочную дрожь. Подошедшая Мелеин, склонившись, коснулась раненой руки; но жалости у нее не было — лишь

холодное любопытство.

Дусы попятились назад. Малыш с виноватым видом держался поодаль, излучая страстное огорчение. Большой дус обнюхал Дункана, фыркнул и отошел; и землянин вздрогнул и громко вскрикнул.

— Ты ранила их обоих, — Ньюн повернулся к Мелеин, надеясь, что та почувствует себя виноватой хотя бы перед одним из них — перед дусом или перед землянином.

— Он по-прежнему ци'мри, — сказала Мелеин. — И, Ньюн, он с самого начала лгал нам… я это знала… ты это увидел.

— Ты даже не понимаешь, что натворила, — продолжал Ньюн. — Он боится дусов, особенно малыша. Как ты могла рассчитывать вытянуть из него правду? Дус ранен, Мелеин; и я не знаю, насколько серьезно.

— Ты забыл, кто ты.

— Госпожа… — Ньюн склонил голову, но ей этого было мало. Взяв Дункана за здоровую руку, мри помог ему подняться, и перекинул его руку себе на плечи, удерживая Стэна на ногах. Землянин пребывал в глубочайшем шоке. Ньюн пошел вперед, следом двинулся дус, и очень-очень медленно они покинули госпожу.

Иногда лихорадка отпускала землянина, и некоторое время он находился в сознании; тогда казалось, что он понимает, где находится, и его взгляд блуждал вокруг, где он лежал в углу холла келов, рядом с дусом. Но его хватало ненадолго. Не в силах удержаться, он вновь впадал в забытье. Ньюн не пытался разговаривать с ним и старался сохранять в холле полумрак; лучше всего было не давать сознаниям зверя и человека касаться друг друга.

Когда же ночь не принесла Дункану облегчения, Ньюн подошел к нему и раздел Стэна, словно кат'ен — ребенка; забрал у Стэна мэз и зейдх, и обе его мантии, чтобы дус мог согреть его своим теплом. Он положил землянина между своим и пострадавшим дусами, и накрыл его двумя одеялами.

Яд все еще действовал, и между двумя существами, которые не могли вынести друг друга, установилась связь. Рана была глубокой, и, кроме того, Дункан получил почти весь содержащийся в когте яд, что было слишком много даже для мри, который привык к этому. Но древние предания гласили (и Ньюн, будучи кел'еном, не знал, правда это или выдумка), что впоследствии дус узнавал так своего хозяина, ибо если эта субстан-

ция однажды попала в организм человека и тот выжил, то мог больше не опасаться яда или гнева собственного дуса, который теперь до конца жизни останется с ним. На самом деле все обстояло несколько иначе, и ядовитые когти дусов часто оставляли своим хозяевам небольшие царапины; и некоторые, чуть поглубже, могли вызвать приступ лихорадки. Но правдой было и то, что впервые столкнувшись с ядом дуса, человек мог серьезно заболеть или даже умереть от подобной раны.

Мелеин прекрасно знала, что делает: ее учили Келы и Сены, и она хорошо знала дусов; она знала, что, стараясь изгнать страх из Дункана, слишком сильно раздражает зверя. Но как и другая госпожа, которой Ньюн служил прежде, Мелеин обладала ледяным сердцем.

И Дункан, чья обнаженная кожа сейчас была открыта теплу, идущему от горячей шкуры дуса, а в жилах бурлил яд зверя, привыкнет к дусу, и дус привыкнет к нему… если Стэн не умрет; или если дусом не овладеет мьюк, безумие, что иногда охватывало зверя от нервного перенапряжения, превращая его в убийцу. Вот чем рисковала Мелеин, прекрасно зная об этом.

Случись подобное с дусом, Ньюн не знал, смог

ли бы он удержать землянина от сумасшествия. Ему приходилось слышать, что мри, дус которых стал мьюк'ко, впадали в безумие; сам Ньюн, видят боги, избежал этого.

Предупреждающе завыла сирена.

Ньюн бросил лихорадочный взгляд на усыпанный звездами экран и выругался. Сейчас им не хватало только перехода.

Зазвенел звонок. Дусы поднялись, излучая ужас; Дункан же лишь вскинул руки, обняв зверя за шею, и, склонив голову, замер, утонув в излучаемом дусом страхе.

Это, скорее всего, и спасло его. Прыжок… возврат… новый прыжок — еще до полуночи. Слившись воедино, землянин и дус излучали такой ужас, что второй зверь не мог этого вынести.

Говорили, что дусы не запоминают происшедшего, только самого человека. И возможно, именно поэтому зверь взял землянина под свою опеку, от которой тот уже не сможет избавиться.

— Дункан… — позвал на следующее утро Ньюн и без особых церемоний поднес к его губам чашку, заставив землянина выпить воду, поскольку тот, в отличие от дуса, не мог обходиться без нее. Потом мри осторожно умыл землянина кончиками пальцев.

— Дай мне одежду, — внезапно попросил его Дункан тихим голосом, и Ньюн, обрадовавшись, помог Стэну подняться и оттащил его подальше от пострадавшего дуса. Дункан был очень слаб, его горячая и распухшая рука по-прежнему оставалась неподвижной; он все еще не мог самостоятельно одеться, и, когда Ньюн подал ему головной убор и вуаль, Стэн закрыл лицо, словно хотел уединения.

— Я поговорю с госпожой, — решительно сказал Ньюн. — Слышишь, Дункан, я поговорю с ней.

Землянин издал тяжелый вздох, почти всхлип, и оттолкнул дуса, который обнюхивал его ногу. В ответ тот едва не опрокинул его. Стэн удержался на ногах, ухватившись за протянутую Ньюном руку, но это длилось лишь мгновение, после чего землянин гордо выпрямился.

— Госпожа права, — сказал Дункан, — а ты — нет. — Потом, собравшись с духом, добавил: — Следом за нами идут корабли. Корабли землян. Боевые корабли. Я солгал, Ньюн. Это был отнюдь не дар. У них есть точно такие же ленты, и они пойдут по нашим стопам. Зачем — я не знаю. Мне они не доверяют. Госпожа права: я лечу с вами, чтобы вы ничего не заподозрили; чтобы узнать то, о чем не могут рассказать пленки; и, если

смогу, вернуться обратно с полученной информацией. Мне удалось увести корабль и бежать. Скажи это госпоже. Это все, что мне известно. А теперь поступай, как хочешь.

И он ушел в дальний угол каюты и скорчился там. Дус, опустив голову, последовал за ним и тяжело улегся рядом. Дункан обнял его за шею и, прижавшись к ней, успокоился. Глаза землянина были пустыми и усталыми, и в них сквозило отчаяние, подобного которому Ньюну еще никогда не приходилось видеть.

— Приведи его, — сказала Мелеин, выслушав рассказ Ньюна о признаниях Дункана.

— Госпожа, — запротестовал Ньюн, — он помог Народу.

— Замолчи, — ответила та. — Не забывай, что ты кел'ен… кел'ант… и обязан подчиняться мне.

Она была права — во имя мри, во имя спасения мри. Вынужденный подчиниться, он склонил голову перед госпожой в знак согласия… и вечером, когда она начала расспрашивать Дункана, стараясь узнать у него все, сидел рядом, молча страдая.

Все это выглядело грустной пародией на их общий ужин, первый на этом корабле. Между ними не было даже тени единства, и от этого пища

отдавала горечью. Дункан почти ничего не ел, и, когда его ни о чем не спрашивали, сидел молча; дусов отослали прочь, и землянин остался совсем один, лишенный, — с жалостью подумал Ньюн, — даже поддержки кел'ена, который вынужден был сидеть справа от госпожи, выступая на ее стороне.

Они могли бы выпить крепкого настоя регулов, ашига, которого было немало в грузовых отсеках, приготовленного из той же закваски, что и сой. Но Ньюн благодарил богов, что здесь не было комала, которым обычно пользовалась прежняя госпожа, предаваясь запретным и постыдным грезам, которые вызывал этот наркотик… именно эти грезы позволили ей разработать планы, что теперь бросили их вперед; и эти грезы были столь же преступны, как вина Дункана в гибели Народа, в возникновении угрозы, которая, как они теперь знали, нависла над ними.

Ньюн по-прежнему видел высокомерие госпожи, которая всегда была безжалостна к своим детям.

Но Ньюн не осмеливался сказать об этом Мелеин; он, любивший ее больше жизни и чести, не смел спорить с ней в присутствии ци'мри, который принес им столько зла. И лишь когда он

смотрел в лицо Дункана и видел, как тот мучается, человеческая боль пронзала мри.

Четыре дня подряд они ужинали вместе и почти не разговаривали, ибо на большинство вопросов уже были получены ответы. И все это время в присутствии госпожи в их отношениях чувствовался холод, который переходил потом в холл келов, где Ньюн бесстрастно, точно и аккуратно учил землянина владеть оружием, заботясь больше о соблюдении ритуалов, чем о технике. Временами в глазах Дункана появлялась такая боль, что Ньюн отбирал у него ин'ейн и вообще прекращал любые тренировки.

Дункан предал своих.

И не было покоя для такого человека.

— Ци'мри, — сказала о нем Мелеин, когда Дункана не было рядом. — И он предаст даже тех, кто вылепил его. Разве может Народ когда-нибудь положиться на него? Это беспомощное существо, Ньюн. И ты доказал это.

Теперь, глядя на Дункана, Ньюн узнавал свое творение, и сожалел об этом.

Вызванная ядом лихорадка прошла, но землянин по-прежнему страдал; и дус, которого то неохотно принимали, то отвергали, стонал и мучился; человек же становился все более молча-

ливым, уходя в себя — и с этой болезнью ничего нельзя было поделать.

Оставив эту звезду, корабль снова и снова уходил в прыжок.

# 14

На этот раз их курс пролегал в опасной близости от планетной системы. Они уже много дней летели к желтой звезде и ее планетам, пока самая большая из планет не начала расти на расположенном в холле келов экране.

«Дом?» Ньюн впервые осмелился задать вопрос, и молчание Мелеин сохраняло надежду в его душе; потом он решил, что если бы госпожа знала правду, она бы ответила ему. Но дни шли, и беспокойство коснулось лица Мелеин; и теперь в ее брошенных на экран взглядах часто мелькал страх. Теперь изображение на экранах почти не менялось, словно планета была целью их путешествия — сначала она заполнила половину экрана, и Ньюн отчаянно надеялся, что корабль в самый последний момент изменит курс и они промчатся мимо… но потом диск на экране снова начал расти: они падали на планету.

Планета подхватила их и тянула к себе, словно вырытая яма — пылинку; этот образ неожиданно возник в голове Ньюна, когда он сидел рядом с Мелеин, глядя на экран, который госпожа уста-

новила в своих покоях, чтобы все время видеть опасность. И он, кел'ен, чувствовал собственную беспомощность, ибо все его знания касались лишь теории — но даже их сейчас было достаточно, чтобы понять, что все было не так, и Мелеин, которая, как и он, никогда не притрагивалась к рычагам управления корабля, знала немногим больше его.

Он подумал, что она, скорее всего, знает название планеты, на которую они падали; но это, похоже, не сможет остановить их падения.

И волна возмущения вздымалась в нем, ибо им предстояло погибнуть в обыкновенной катастрофе. Какое-то время он ждал, что Мелеин сотворит чудо, или что-нибудь произойдет, и они спасутся — ведь если боги на самом деле решили покончить с ними, то зачем было забираться в такую даль?

Он ждал Мелеин, но та молчала.

И в день, когда на экране остался лишь маленький кусочек тьмы, наполненной россыпями звезд, он осмелился заговорить с госпожой:

— У тебя двое кел'ейнов.

Та по-прежнему молчала.

— Спроси его, Мелеин.

Ее губы сжались.

Он узнал это упрямое выражение — ведь они были братом и сестрой. Ньюн отвернулся.

— Тогда позволь нам совершить посадку на планете, — сказал он, глядя в сторону. — Ибо я не знаю, что следует сделать, а твой разум скован.

Воцарилось долгое молчание. Никто не двигался.

— Я почти уверена, — сказала наконец Мелеин, — что эта опасность может помешать нам достичь нашей цели. Я думала об этом. Но тех, кто идет за нами, она не остановит. И мы это знаем.

Подобное предположение не оставило от его уверенности ничего. Ньюн почувствовал себя ничтожеством, ибо даже он, который был с ней рядом, думал лишь о том, как спастись.

— Я говорил об изменении курса, — сказал он. — И ты, без сомнения, не возражаешь против этого.

— Ступай, проси его, — произнесла Мелеин.

Ньюн некоторое время сидел неподвижно, думая о том, что изменения ее настроения подобны переходу и столь же тревожны; и при мысли о том, что ему сейчас придется спуститься к Дункану, его нервы содрогались, словно туго натянутые струны.

Потом он поднялся, негромко позвал своего

дуса и вышел.

Сидя под экраном, который передавал изображение с локатора, Дункан терпеливо правил клинок сделанного им из обрезка стали ав-тлена; Стэн вырезал его с помощью лазера, и баланс у клинка был неважный — Ньюн считал, что ничего путного из этого у Дункана не получится, но руки и, возможно, ум землянина — какие бы темные мысли не шевелились там — были заняты. Дус лежал рядом, опустив голову между лап и следя за двигающимися руками Дункана.

— Дункан… — позвал Ньюн. Сталь по-прежнему скользила по стали. — Дункан!

Звук прекратился. Дункан поднял на него взгляд, в котором день ото дня росла мрачная суровость.

— Госпожа обеспокоена, — заговорил Ньюн, — тем что мы приближаемся к планете.

Взгляд Дункана был по-прежнему холоден.

— Хорошо, но ведь ты прекрасно можешь обойтись без меня. А если нет, то ты наверняка придумаешь что-нибудь, чтобы сделать это самому, разве не так?

— Я уважаю твой спор с нами. — Ньюн уселся на пятки, примирительно разведя руки в стороны. — Но ты, безусловно, понимаешь, что с планетой,

которая притягивает нас к себе, не поспоришь. Мы погибнем, и наша смерть не принесет тебе никакого удовлетворения. Ты летишь вместе с нами, и я не хочу ссор на этом маленьком корабле, где, к тому же, есть еще и дусы. Выслушай меня, Дункан. Я терпеливо сношу твою обиду на нас. Но моему терпению придет конец, если ты станешь угрожать госпоже. А сейчас ты именно это и делаешь.

Дункан вернулся к своей работе, и сталь в его руках заскользила по стали. Ньюн из последних сил сдерживал себя, прекрасно зная, что произойдет, если он убьет ци'мри: с находящимся на грани мьюка дусом и кораблем, который того и гляди врежется в планету, спорить будет гораздо труднее. Скорее всего, ум землянина находился под воздействием больного зверя. И если рассудок дуса повредится, то же самое произойдет с разумом, содержащим знания о корабле.

Вот оно, творение Мелеин! Сжав руками колени, Ньюн попробовал подыскать слова, которые бы повлияли на человека.

— Время уходит, Дункан.

— Если ты ничего не можешь сделать сейчас, — внезапно заговорил тот, — то, достигнув дома, ты не сможешь благополучно посадить корабль.

Похоже, ты никогда не собирался убить меня. Мне кажется, я нужен вам обоим, и госпожа, скорее всего, знала об этом всегда. Именно поэтому она позволила тебе испробовать свой путь. Это всего лишь способ сделать меня более удобным, чем я был, способ усыпить мою бдительность и выпытать у меня то, что ей требовалось. Я не сержусь на тебя, Ньюн. Ты верил ей. И я тоже. И она добилась своего. Но теперь я вновь понадобился ей, не так ли? — Сталь снова размеренно зазвенела по стали, и звон этот был невыносимым. — Стать таким, как вы. Стать одним из вас. Я знаю, ты пытался. Ты дал мне оружие… но ты совсем забыл о звере. Теперь тебе будет не так легко со мной справиться. Он и я… с подобным на этом корабле еще никогда не сталкивались.

— Ты во всем ошибаешься, — сказал Ньюн, оставшийся равнодушным к этим смелым мыслям. — Корабль управляется автоматически. И госпожа никогда не лгала тебе или мне. Она не может лгать.

В глазах Дункана, внезапно уставившихся на него, застыло циничное изумление; руки Стэна безвольно опустились.

— И вы рассчитываете на это? Возможно, автоматика регулов более надежна, но это земной

корабль, и если есть выбор, я не доверю этой жестянке свою жизнь. Мы можем разбиться в любую секунду. Ну а для начала, ты знаешь, как включить автоматику? Госпожа, скорее всего, этого не знает. Я нужен вам, кел Ньюн. И ты говорил ей это.

Что ж, в этом была доля истины. Ньюн, чья уверенность заметно поколебалась, не смог ничего ответить. Существовали вещи, о которых Мелеин просто не могла знать все, и к ним относились оборудование, которое не было изготовлено регулами, и то, что двигало существами, которые не были детьми Народа. Но у госпожи по-прежнему оставался ее дар Предвидения, и Ньюну всей душой хотелось верить в это.

— Идем, — попросил он Дункана.

— Нет, — ответил тот и снова углубился в работу.

Ньюн сидел неподвижно, чувствуя, как в нем поднимается ужас. Сталь громче зазвенела по стали; побелевшие от напряжения пальцы сжимали металл. Дункан по-прежнему не поднимал глаз. Дус зашевелился, потянулся всем телом, застонал.

Ньюн резко поднялся и, неслышно выскользнув из холла келов, зашагал по коридорам, которые

постепенно привели его к Мелеин.

— Он отказался прийти, — сказал он госпоже, не снимая вуали.

Та сидела молча, вглядываясь в экран. Ньюн устроился сбоку от нее, сорвал мэз и зейдх, и, скомкав их на коленях, опустил голову.

Мелеин по-прежнему ничего не говорила ему. Он подумал, что госпожа наконец задумалась над тем, что сделала, но было уже слишком поздно.

И к полуночи тьма исчезла с экрана. Планета надвинулась пугающими подробностями; коричневый цвет местами нарушался облачными вихрями.

Внезапно зазвучала сирена, не похожая на прежнюю, и экраны замелькали красным, и смысл этой пульсации был ужасен.

Привстав на колени, Ньюн сердито взглянул на Мелеин, чье спокойствие теперь казалось неубедительным.

— Ступай к Дункану, — сказала ему госпожа. — Попроси еще раз.

Ньюн поднялся и пошел, одев зейдх, но даже не потрудившись закрыть лицо: он шел просить врага — какой уж тут стыд!

Холл келов был наполнен мерцающим светом — это на экране сменяли друг друга тревожный

красный цвет и ослепительная белизна облаков планеты; и Дункан с открытым лицом сидел перед ним. Размеренный звон стали по-прежнему нарушал тишину, словно происходящее землянина не касалось. Рядом с ним темнели туши двух дусов, которые зашевелились и отодвинулись в сторону, когда Ньюн вошел и опустился на колени перед Дунканом.

— Если ты знаешь, что нужно сделать, — проговорил Ньюн, — то сейчас самое время. Кажется, мы снижаемся слишком быстро.

Сталь в руках Дункана последний раз скользнула по лезвию; губы его сжались. Стэн на мгновение задумался, затем, отложив свою работу в сторону, вытер руки о колени и поднял глаза на планету, вырисовывающуюся на пульсирующем экране.

— Я могу попробовать ручное управление, — сказал он довольно ровным голосом.

Ньюн поднялся, подождал, пока Дункан неуклюже последует его примеру, и вместе с ним пошел по кораблю. Дусы двинулись было следом, но мри прикрикнул на них и, заперев дверь холла, повел Стэна в покои госпожи.

Мелеин встретила их в своем коридоре.

— Он попробует, — сказал Ньюн.

Мелеин открыла им рубку и, войдя следом, остановилась с мрачным видом; Дункан тем временем устроился в кресле за главным пультом управления.

Землянин больше не обращал на них внимания. Он изучал экраны и касался то одних, то других ручек управления. По единственному экрану с устойчивым изображением потек поток телеметрии. Один за другим экраны прекращали мигать, передавая красочные изображения планеты.

— Ты занят бессмысленными играми, — проговорила Мелеин.

Дункан повернул голову, посмотрел на нее и вновь отвернулся.

— Да. Я наблюдал эту планету за последние несколько дней. И кое-что меня озадачивает. Возможно, защитная автоматика корабля будет задействована лишь в непосредственной близости от планеты — и можно было бы подождать, но это расстояние почему-то оказалось гораздо меньше допустимого для того, чтобы корабль мог уйти в прыжок, и масса планеты не позволяет нам сделать этого. Вот. — Он откинул защитную крышку с контрольной панели и нажал одну-единственную кнопку. Пульт взорвался безумием

огней. Изменение курса они почувствовали почти сразу же; изображения на экранах стремительно сменяли друг друга. Дункан спокойно поставил крышку на место. — Этот корабль старый, идет тяжело. Отказала система управления. Теперь она должна переориентироваться. Она выполнит маневр уклонения, а потом вернет нас на прежний курс. Я думаю, это решит проблему. Но если всему виной ошибка в курсовой ленте, то мы — покойники.

Дункан сказал это циничным тоном и медленно поднялся, по-прежнему глядя на показания локатора.

— Эта планета мертва, — пробормотал он через некоторое время. — И это довольно странно, если учесть остальные показания локатора.

— Ты ошибаешься, — неожиданно охрипшим голосом сказала Мелеин. — Взгляни-ка еще раз на свои приборы, ци'мри. Эта планета у звезды Се зовется Нхекью, а раса космических скитальцев, что живет на ней и в ее окрестностях, называется этрэн.

— Взгляни на инфракрасный спектр. Взгляни на поверхность. Никакой растительности. Никакой жизни. Это мертвая планета, госпожа, что бы там ни говорили твои записи. Это мертвая

система. Космические скитальцы обязательно бы явились посмотреть, кто это вторгся на их родную планету. Но никто не появился. Ни здесь, ни там, где мы побывали прежде, не так ли? Ты не смогла бы ответить на их запрос. Ты бы ничего не смогла сделать, если бы появились их корабли. Для этого тебе понадобился бы я, а этого не произошло. Планета за планетой, снова и снова. И ничего. Как ты думаешь, почему, госпожа?

Мелеин посмотрела на него; на ее открытом лице застыли потрясение и бессильный гнев. Она не ответила, и Ньюн почувствовал, как от ее молчания по его телу побежали мурашки.

— Народ — это кочевники, — продолжал Дункан, — наемники, которые повсюду, где мы побывали, преследовали свою цель. Вы шли от звезды к звезде в поисках войны, в бою отстаивая право на службу. И вы забывали. Каждую эпоху вы закрывали за собой, словно опустевшую комнату, и запрещали Келам помнить. Но что произошло со всеми вашими прежними хозяевами, госпожа? Почему за вами остаются лишь мертвые планеты?

Ньюн смотрел на экраны, показывавшие безжизненную планету; на приборы, чьи показания он не мог читать… и на Мелеин, ожидая слов

госпожи о том, что все не так.

— Уйди, — сказала она. — Ньюн, отведи его обратно в холл келов.

Дункан оттолкнулся от пульта, перевел взгляд с Мелеин на Ньюна, и, когда кел'ен на мгновение заколебался, повернулся на пятках и вышел, быстро зашагав по коридору в сторону холла келов.

Ньюн внимательно посмотрел на Мелеин. Кожу ее покрывала бледность, глаза расширились: такой испуганной она не была даже когда регулы и земляне заключили мир.

— Госпожа? — спросил он, все еще лелея надежду.

— Я не знаю, — ответила она и заплакала, ибо подобное признание было недостойно госпожи. Мелеин опустилась на краешек кресла, не глядя на Ньюна.

Он поднялся, осмелившись наконец взять ее за руки и увести из этого ужасного места в ее покои, где не было слышно укоризненного шума машин. Усадив ее в кресло, Ньюн опустился рядом с ней на колени; и гладил ее золотистые волосы, как делал давным-давно, когда они оба были еще кат'дэй'ейнами; и утирал ее слезы своей черной вуалью; и видел, как спокойствие постепенно

возвращается на ее лицо.

Ньюн знал, что она просто растерялась, ибо не разбиралась в машинах; и она понимала, что ему это известно; но он стоял на коленях у ее ног, держа ее за руки, и смотрел на нее снизу вверх своими ясными глазами, готовый выполнить любое ее повеление.

— Отдохни, — умолял он ее. — Отдохни. Ты остаешься госпожой даже в своих милостях. Разве не бывает так, что госпожа не может Предвидеть? Я, по крайней мере, слышал о подобном. Ты не подпускала Дункана к себе, и это было правильно. И терпишь его, терпишь ради меня. Я продолжу то, что начал с ним.

— Он видит лишь то, что лежит на поверхности. Ньюн, я не знаю, в чем наша вина.

Он подумал о мертвых планетах и прогнал эти мысли.

— Мы ничего не сделали. _М_ы_ ничего не сделали.

— Мы — наследники Народа.

— Мы не знаем, вправе ли он предъявлять нам счета.

— Ньюн, Ньюн, он же все видел! Неужели ты не можешь понять, что мы увидели вдоль следа Народа? Могут ли столько планет сами по себе

превратиться в пустыни, после того как мы покинули их?

— Я не знаю, — в отчаянии сказал он. — Я всего лишь кел'ен, Мелеин.

Она ласково коснулась его лица, прося извинения за свои слова; и некоторое время они молчали. Давным-давно — так, по крайней мере, казалось Ньюну, — он вот так же сидел рядом с креслом Интель, госпожи Эдуна Кесритун, положив подбородок на подлокотник кресла, и госпожа, погруженная в наркотический сон, касалась его головы, чтобы знать, что он здесь. Теперь госпожой была Мелеин. Ее рука нервно поглаживала его волосы: госпожа думала; и Ньюн сидел тихо, не в силах ничем помочь ей, ибо мысли Мелеин витали где-то далеко, во тьме, вечно окружавшей Пана.

Он слышал ее судорожное дыхание, и сам старался не дышать, чтобы не рассердить госпожу.

— Интель, — заговорила наконец Мелеин, — по-прежнему не выпускает нас из своих рук. Мне казалось, что ты, кел'ен госпожи, сходишь с ума, а она держала тебя рядом с собой и передала мне… чтобы быть уверенной, что те, кого она выбрала, получат в наследство не только Эдун Кесритун… но и будут править всем Народом. И

ее избранники уцелели. Никакая кровь не смогла бы остановить Интель на пути к ее цели. Она была _н_а_с_т_о_я_щ_е_й госпожой. Старуха… но возраст не прибавил ей святости, не уменьшил ее амбиций, не принес благодушия. О боги, Ньюн, она была несгибаема!

Он не мог ответить. В его памяти навечно остался мягкий взгляд Матери Кесрит, чьи руки были нежны, а разум большую часть времени был затуманен наркотиками; но он знал и другую Интель. Ньюн вздрогнул, вспомнив прежние обиды… собственническое, несокрушимое упрямство Интель. Но она была мертва. И таить злобу на покойную госпожу было глупо.

— Она бы захватила корабль, — бесцветным голосом сказала Мелеин, и только боги знают, что бы она сделала, покидая Кесрит. Наша служба у регулов закончилась; мы были свободны от своих клятв. Это она велела мне пойти в убежище; и сама, мне кажется, собиралась последовать за мной. Этого мне никогда не узнать. Мне никогда не узнать всего того, чему она не успела научить меня. В сонном бреду, вызванном комалом, когда я в одиночестве сидела около нее, она говорила о возвращении и об ударе по тем, кто враждебен Народу. Враг. Враг. Она бы уничтожила их, а

потом взяла бы нас домой. То было самое величественное и невероятное из ее видений: этот Мрак будет последним, и он приведет нас домой, ибо нас оставалось слишком мало. Скорее всего, ей уже овладевало безумие.

Ньюн не мог вынести взгляда Мелеин — ведь все сказанное ею было правдой, и от этого им было одинаково больно.

— Что нам делать? — пробормотал он. — Будет ли дозволено келу задать вопрос? Что нам следует делать для нашего спасения?

— Я не в силах прервать полет нашего корабля. Я бы хотела сделать это. Дункан говорит, что он не может. Думаю, это правда. И он…

Наступила долгая тишина. Ньюн не осмелился нарушить ее, зная, что ничего хорошего из этого не получится. Наконец Мелеин вздохнула.

— Дункан, — с трудом проговорила она.

— Я не подпущу его к тебе.

— Ты дал ему оружие против нас.

— Я продолжу то, что начал с ним, госпожа.

Она вновь покачала головой и ладонью вытерла глаза.

Пришли дусы: Ньюн почувствовал их приближение задолго до того, как звери появились и, подняв глаза, увидел своего великана, и подозвал

его. Тот подошел с обычным для дусов рассеянным видом и устроился у ног Мелеин, предлагая свое бездумное утешение.

И, немного погодя, когда дыхание Мелеин успокоилось, Ньюн почувствовал присутствие второго зверя. Он с удивлением увидел стоящего в дверном проеме малыша, который пришел вслед за собратом и улегся рядом.

Мелеин прикоснулась к нему; но малыш спокойно отнесся к руке, что прежде причинила ему боль. И лишь где-то там, в недрах корабля, это прикосновение отзовется настоящей болью. Ньюн подумал о Дункане, который остался в горьком одиночестве, спрашивая себя: зачем этот дус пришел сюда, к той, кого ненавидел Дункан?

Разве что его грубо прогнал хозяин… или мысли Стэна заставили зверя вернуться.

— Ступай, присмотри за Дунканом, — сказала наконец Мелеин.

Ньюн взял из рук госпожи свою вуаль и забросил ее на плечо, не потрудившись даже надеть. Поднявшись, он велел своему дусу, который собрался было последовать за хозяином, остаться с Мелеин, чтобы присутствие зверя успокоило госпожу.

Дункана, как Ньюн и предполагал, он снова

нашел в холле келов.

Дункан спокойно сидел в свете искусственной зари, руки его лежали на коленях. Ньюн опустился перед ним, но землянин по-прежнему не поднимал глаз. Лицо его было закрыто вуалью; Ньюн же лица не закрывал, предлагая поговорить откровенно.

— Ты оскорбил нас, — сказал Ньюн. — Разве этого недостаточно, кел Дункан?

Землянин выпрямился и взглянул на экран, с которого уже исчезла планета, что звалась Нхекью.

— Дункан! Что еще тебе нужно от нас?

Дус Стэна предал хозяина; сейчас зверя касалась Мелеин, и зверь касался ее. И когда взгляд Дункана остановился на Ньюне, в нем не было вызова — одна только боль.

— Из-за вас, — заговорил Дункан, — я спорил со своим начальством. Я защищал вас. Во имя чего? Может ли она ответить? Она знает название планеты. Что же произошло с этой планетой?

— Мы не знаем.

— А с другими планетами?

— Мы не знаем, Дункан.

— Убийцы, — бросил он, уставившись в какую-то точку. — Убийцы по природе.

Ньюн сцепил внезапно похолодевшие руки.

— Т_ы_ с нами, кел Дункан.

— Я часто спрашиваю себя, почему. — Его темные глаза вновь уставились на Ньюна. Внезапно Стэн отбросил вуаль, сорвал украшенный кисточкой головной убор, снова сделавшись землянином. — Почему, если не считать того, что вам без меня не обойтись?

— Это действительно так. Но я не знал об этом. До сих пор мы этого не знали.

Это подействовало, подумал Ньюн, заметив, как в глазах Стэна что-то промелькнуло.

Когда же Дункан повернулся вновь, взгляд землянина, обращенный к двери, был рассеянным и диким.

Он ощутил приближение дуса. Ньюн тоже почувствовал это, еще до того, как услышал стук когтей по полу. Чувства затуманились. От наполнявшей их горечи не осталось и следа.

— Н_е_т_! — крикнул Дункан, когда дус вошел. Зверь подался назад и угрожающе поднял лапу, потом опустил ее и снова двинулся вперед, немного повернув голову. Он не спеша подошел ближе и, растянувшись, подобрался к боку Дункана. Землянин коснулся дуса, рука его скользнула вокруг шеи зверя. В дверном проеме показался

второй дус, тихо подошел к Ньюну и улегся у него за спиной. Мри успокоил зверя нежными прикосновениями, чувствуя, как его собственное сердце содрогается от страдания, которое излучал малыш — казалось, сам воздух горел от нарушения единства между человеком и дусом.

— Ты причиняешь ему боль, — сказал Ньюн. — Не противься этому. Уступи хоть немного.

— Мы с ним договорились. Я его не прогоняю, а он меня не трогает. Только иногда он подходит слишком быстро. Он забывает, где черта.

— У дусов нет воспоминаний. Они живут лишь _н_а_с_т_о_я_щ_и_м_.

— Счастливые животные, — хрипло сказал Дункан.

— Не противься этому. Ты ничего не потеряешь.

Дункан покачал головой.

— Я не мри. И я не могу забывать.

В его дрожащем голосе звучала усталость. На миг он снова стал прежним, каким не был уже давно. Протянув руку, Ньюн по-братски сжал его плечо.

— Дункан, я пытаюсь помочь тебе. Пытаюсь, как могу.

Землянин закрыл глаза, потом снова открыл

их; его рука, обнимавшая шею дуса, сделала ответный жест.

— Что ж, это, по крайней мере, правда.

— Мы не лжем, — сказал мри. — Здесь рядом дусы. Это невозможно.

— Да, я понимаю, — губы Дункана побелели, сжались, снова расслабились; рука его по-прежнему ласкала дуса.

— Я не буду играть в шон'ай с человеком, который пребывает в подобном настроении, — поддразнил землянина Ньюн, испытующе глядя на него.

Дус тихо заурчал от удовольствия, расслабляясь под пальцами Дункана, когда Стэн обнял его рукой за заплывшую жиром шею; зверь вздохнул: он уже забыл о недавнем огорчении, наслаждаясь тем, что сейчас его любят.

Землянин прижался лбом к массивной голове дуса, затем повернул лицо, чтобы взглянуть на Ньюна. Стэн спокойно выдержал долгий пронзительный взгляд Ньюна.

— Ему живется немногим лучше, чем мне, — сказал Дункан. — Я не могу позволить ему то, что он хочет; и он не может сделать из меня мри.

Ньюн глубоко вздохнул, пытаясь закрыть свой мозг.

— Я мог бы уничтожить его, — торопливо проговорил Ньюн. Землянин, который находился в контакте со зверем, вздрогнул, успокоил дуса поглаживанием руки. Ньюн все прекрасно понимал; он знал, что подобное предложение было заведомо грязным, но иногда, когда дус, лишившись своего кел'ена, выходил из-под контроля, это было необходимо. У этого же дуса никогда не было своего кел'ена.

— Нет, — сказал Дункан. — Нет.

Он оттолкнул зверя, и тот, поднявшись, побрел в угол. В чувствах зверей царил мир. Это было куда лучше.

— Я был бы тебе очень признателен, — заговорил Ньюн, — если бы ты послал госпоже свои извинения.

Дункан какое-то время сидел неподвижно, положив руки на колени. Наконец он кивнул, и специально для мри пояснил:

— Я приду, как только понадоблюсь госпоже, — сказал он. — Передай ей это.

— Я передам ей.

— Передай ей мои извинения.

— И это я тоже передам ей.

Дункан несколько мгновений смотрел на него, а потом, поднявшись, взглянул на дуса. Стэн

негромко свистнул зверю; в ответ тот засопел, тяжело поднялся и направился в угол, где обычно спали кел'ейны.

И землянин, усевшись, еще долго возился со зверем, заботливо ухаживая за ним и успокаивая его, даже разговаривая с ним, что, казалось, нравилось зверю. Устроившись поудобнее, дус уснул. Через некоторое время уснул и человек.

Через три дня зазвучала сирена, и они покинули Нхекью и ее солнце. Следующая планета оказалась такой же безжизненной.

# 15

Отвернувшись от экрана, на котором сияли звезды, Дункан обнаружил позади себя своего дуса — малыш ни на шаг не отходил от него, сделавшись тенью Стэна, его предвестником; без него не происходило ни одного события в жизни Дункана. Стэну не хотелось касаться зверя. Тот вздохнул и улегся позади хозяина. Дункан почувствовал, что зверь доволен.

Теперь, когда боль прошла, Дункану казалось странным, что, прежде чем уйти, это длилось так долго.

Но боль утихла, и землянин уже не мог вспомнить всех подробностей того, что это было.

Просто однажды здесь, в холле келов, Дункан почувствовал, что боль оставила его: он вот так же сидел на полу — но уже свободный от боли; и он мог вспомнить все до мельчайших деталей: вот там лежал дус, а вон там, на другом конце каюты, как и сейчас, сидел Ньюн — в тот день мри был занят шитьем, странное занятие для воина, но Дункан уже достаточно хорошо знал, что у Келов каждый заботится о себе сам — только

пища варилась в общем котле.

Лицо Ньюна было сосредоточенным, иголка равномерно двигалась. Он работал очень ловко — ведь изящные руки Ньюна умели многое. Потребовались бы годы, чтобы достичь того, что сделали природные способности Ньюна и его наставники.

Ньюн не был высокомерным: гордым — может быть, но своим умением мри никогда не хвастался… разве что изредка, когда они упражнялись в поединках с ин'ейн, которое Дункан сделал под стать прекрасному древнему оружию Ньюна. Кроме того, мри иногда — должно быть, остро ощущая нехватку достойного противника, с которым мог бы сражаться в полную силу — двигался так стремительно, неуловимо и изящно, что глаза не в силах были за ним уследить, и Дункан едва воспринимал происшедшее. Правда, Дункан заметил, что Ньюн делает подобные вещи еще и тогда, когда Стэн, упражняясь с ним, становился излишне самодовольным. Мри тонко давал понять своему ученику, что до сих пор сдерживает себя.

Сдержанность.

Она управляла всем существом кел'ена.

И сдержанность Ньюна сотворяла мир там,

где это казалось невозможным, простираясь на провоцирующего его землянина, на дусов, которые временами из-за вынужденного заключения становились непослушными и угрожали все разнести… и даже на Мелеин.

Мрачно усмехнувшись, землянин вдруг подумал, что никто из них не хотел беспокоить Ньюна: ни сам Дункан, ни дусы, ни во всем опиравшаяся на кел'ена юная владычица.

Спокойствие Ньюна жило в них.

«Самые эффективные убийцы на свете», — сказал о мри Ставрос.

Он говорил о Келах, собратьях Ньюна.

Говорил еще задолго до того, как человечество узнает о звездах, мимо которых они летели сейчас.

И если запись будет воспроизведена снова, и следом за ними, от одной мертвой планеты к другой, двинутся корабли землян, те, кто поведет эти корабли, подумают только одно: они преследуют нечто чудовищное до его логова.

Дункан рассеянно погладил плечо своего дуса, думая о том, что в последние дни подобные пугающие мысли постоянно ворочались в его мозгу — и беспомощно посмотрел на Ньюна, который наверняка прекрасно представлял себе, кто идет

за ними по пятам.

Тем не менее, сам Ньюн никогда об этом не говорил; и Мелеин, задавая Стэну свои вопросы, тоже ничего не спросила; Ньюн бывал у нее, но Дункану, который все еще оставался в немилости, этого не разрешалось.

Мри словно бы решили не обращать внимания на то, что их преследуют, не задавать больше никаких вопросов, ничего не предпринимать. Ньюн делил с ним кров, спал рядом с ним ночью, демонстрируя тем самым свое доверие… и обучал его лишь древним искусствам своей расы, владению ритуальным оружием и сражению в поединках, словно это могло понадобиться им в конце концов.

Ин'ейн, древние клинки, против боевых кораблей, подобных «Саберу».

Выбор Ньюна был не случайным.

Возник образ: ночь, и огонь, и упорство мри. Дункан отогнал его, но тот вернулся снова: воспоминание об упорстве мри, которые не сдаются, которые не признают компромиссов, чье понятие _с_о_в_р_е_м_е_н_н_о_г_о теряется во Мраках и Промежуточных эпохах, и пути ци'мри — лишь миг в жизненном опыте Народа.

Современное оружие.

Дункан ощутил скрытое презрение в том, как звучало это словосочетание на хол'эйри, и возненавидел в себе землянина, который оказался слишком слеп, чтобы увидеть это.

Последняя битва Народа.

Вступить в нее с современным оружием — если дойдет до этого — для такого Народа означало безнадежную борьбу.

Тогда бы Ньюн не стремился выжить: последний мри руководствовался бы лишь собственной логикой, и он поступал именно так.

Искать свой дом.

Возродить древние обычаи.

Оставаться мри, пока бойня не положит этому конец.

Это было все, что мог сделать Ньюн, задумайся он об этом, реши он не уступить ци'мри. Дункан размышлял над тем, насколько велико терпение мри, которое не изменило ему и здесь — и то, что даже Мелеин считалась с терпимостью Ньюна к ци'мри, само говорило за себя.

А Ньюн лишь упражнялся с ним в поединках, упражнялся терпеливо, мягко, словно забыв о сущности Стэна.

Ин'ейн. Оно было для Ньюна единственным разумным выходом.

Положив руку на колено, Дункан закусил губу, ощутив, как позади него заволновался дус, и потянулся успокоить зверя, чувствуя вину за то, что не может забыть своей земной сущности, которая тревожила Ньюна. И все же тревожная мысль не отпускала его — будучи землянином, Дункан не мог поступать так, как Ньюн.

У него была свобода выбора, которой не обладал Ньюн.

Может быть, в конце концов мри позволят ему уйти.

Или будут ждать, что он будет сражаться против человечества. Стэн попробовал представить, как это будет, чтобы подороже продать свою жизнь, но дальше армейского пистолета в своей руке, что лежал сейчас среди его вещей, дело не пошло. Если бы его загнали в угол, он стал бы сражаться, и, прежде чем его удалось бы захватить, взял за свою жизнь дюжину других жизней — землян ли, нет — неважно. Но взяться за ин'ейн… он не настолько был мри.

Существовало средство борьбы, которое не стали бы использовать мри.

Человеческая свобода выбора.

Медленно, постепенно разрозненные осколки того, что прежде было ПлаРом, начали склады-

ваться в определенном порядке.

— Ньюн… — позвал он.

Мри выкладывал из кусочков металла какое-то подобие орнамента. Он занимался этим уже несколько дней, целиком погрузившись в свою работу.

— А? — отозвался тот.

— Мне кажется, что в случившемся виноваты приборы. Если госпожа позволит, я хотел бы вернуться в рубку, чтобы проверить приборы.

Ньюн замер. Когда он поднял глаза, стало видно, что мри хмурится.

— Я спрошу госпожу, — сказал он.

— Я хотел бы, — продолжал Дункан, — принести госпоже пользу своим умением.

— Она пошлет за тобой, если будет нужно.

— Ньюн, _п_о_п_р_о_с_и _е_е_.

Брови сдвинулись сильнее. Мри положил руки на колени, забыв о своем занятии, потом тяжело вздохнул и снова принялся за работу.

— Я хочу мира с ней, — сказал Дункан. — Я делал все, о чем бы вы не попросили меня. Я пытался быть таким, как ты.

— Ты делал не только это, — проговорил Ньюн. — Вот в чем сложность.

— Я прошу прощения за это. Я хочу, чтобы об

этом забыли. Попроси ее снова встретиться со мной, и я даю тебе слово, что не буду выступать против нее. Нет мира на этом корабле, пока я не помирюсь с ней — а не только с тобой.

Какое-то время Ньюн молчал. Потом издал долгий вздох.

— Она ждала, чтобы ты попросил.

Оказывается, мри еще могли удивить его. Дункан отшатнулся в смущении, все его мысли о них смешались.

— Значит, она встретится со мной?

— Когда бы ты не попросил. Ступай, поговори с ней. Двери не заперты.

Дункан немного помедлил — ему вдруг расхотелось идти; потом он заставил себя подняться и пойти к двери, следом за ним — дус.

— Дункан…

Он обернулся.

— Брат мой кел, — мягко сказал Ньюн, — при всем моем уважении к тебе… помни, что я — рука госпожи, и если ты позволишь себе лишнее… я не потерплю этого.

На миг в комнате промелькнул импульс опеки: дус попятился, прижав уши.

— Нет, — бросил Дункан. Зверь остановился. Стэн вытащил из-за пояса ав-тлен и сложил

рядом все свое оружие. — Возьми, если подозреваешь меня в подобных вещах. — Сдавать оружие считалось унижением, и Дункан сознательно предложил это; мри заметно вздрогнул.

— Нет, — сказал Ньюн.

Дункан вложил клинок обратно и вышел, дус последовал за ним. Ньюн остался: возможно, он чувствовал себя уязвленным последним обменом и теперь некоторое время будет терзаться подозрением, — решил Дункан. И хотя Ньюн спал рядом с ним и учил Стэна искусству владения оружием мри, безопасность Мелеин была совсем иным делом, и кел'ену приходилось очень, очень нелегко.

Допустить вооруженного ци'мри к госпоже — это шло вразрез с самой сущностью мри.

Но двери оказались открытыми.

Двери всегда были открыты, — внезапно понял Дункан; ему просто никогда не приходило в голову проверить это. Мелеин спала с незапертыми дверями, доверяя ему; и его потрясло то, что мри так легкомысленно относились к этому.

И в то же время вовсе не легкомысленны.

Тюрьмы, запертые двери, запечатанные вещи, отбирание у человека оружия — все это было чуждо мри. Он знал это с самого начала, с тех

пор, как познакомился с ними; никаких тюрем, плена… и даже пан'ен в святилище был лишь закрыт, но не заперт.

Пульт управления… он тоже был всегда доступен для него; даже тогда, когда ему было запрещено появляться там; он мог бы проскочить, запереть двери и захватить корабль… и сейчас — тоже.

Он не сделал этого.

Стэн направился к двери Мелеин, что вела в сумрачный холл, разрисованный символами, где не было ничего, кроме кресла и циновок для сидения. Он вошел, его шагам вторило эхо.

— Госпожа, — позвал он и остановился, ожидая — ибо только госпожа могла позволить ему сесть. Рядом с ним дус тяжело осел на задние лапы… а потом лег, опустив голову на пол, и вздохнул.

Позади внезапно послышались легкие шаги. Дункан обернулся, оказавшись лицом к лицу с похожей в полумраке на призрак безмолвной фигурой в белой мантии. Лицо Стэна было открыто. Он был не уверен, не оскорбляет ли это госпожу, и, чтобы показать свое уважение, опустил голову.

— Зачем ты здесь? — спросила она.

— Чтобы просить у тебя прощения, — ответил он.

Некоторое время она молчала, пристально глядя на него, словно ждала чего-то еще.

— Ньюн сказал, — добавил Дункан, — что ты желала видеть меня.

Ее губы сжались.

— У тебя все еще манеры ци'мри.

Гнев вскипел в нем, но она была права. Он сдержался и вновь опустил глаза.

— Госпожа, — сказал он, — я прошу у тебя прощения.

— Я даю его, — ответила она. — Подойди, сядь.

Ее тон неожиданно смягчился; Стэн растерялся и мгновение пристально смотрел на госпожу, которая пододвинула свое кресло и, усевшись, ожидала, чтобы он сел у ее ног.

— Если ты позволишь, — заговорил он, вспомнив о Ньюне, — я должен вернуться и привести Ньюна. Я думаю, он хотел бы присоединиться ко мне.

Брови Мелеин надломились: госпожа нахмурилась.

— Если ты позволишь ему узнать, зачем пришел сюда, это будет ему упреком. Нет. Останься. Если в Доме мир, он будет знать это; и если нет — узнает тоже. И не называй его при мне по имени — он первый из Келов.

— Прости, — пробормотал он, и приблизился, и сел у ее ног, а дус тем временем устроился между ними. Зверь был встревожен. Стэн, поглаживая, успокоил его.

— Что, — спросила Мелеин, — заставило тебя прийти ко мне?

От столь прямого и внезапного вопроса всевидящей госпожи Дункан растерялся. Он пожал плечами, стараясь придумать что-нибудь, похожее на правду, но ничего не получилось.

— Госпожа, ты можешь рассчитывать на меня. И я хочу, чтобы ты использовала мои знания... пока есть время.

Ее глаза мигнули, и дус поднял свою голову. Мелеин наклонилась и успокоила зверя, пальцы нежно перебирали бархатный мех.

— Что же такого произошло, кел Дункан, что твои знания вдруг понадобились?

— Просто я могу доставить тебя домой живой. — Стэн спокойно положил руку на дуса и посмотрел в золотистые глаза госпожи.

— О_н_ научил меня всему, что знает сам, но разве кел'ен не должен уметь управлять кораблем? Если он пожелает, я научу его; если же нет — я сам займусь управлением, как умею. Я никогда не буду так виртуозно владеть ин'ейн, как

он… а с кораблем я смогу справиться. Это мой дар тебе, госпожа, ведь для тебя очень важно, когда ты достигнешь своего дома.

— Ты торгуешься?

— Нет. Никакого _е_с_л_и_ здесь нет. Это просто дар.

Ее пальцы по-прежнему перебирали теплый мех дуса. Она заглянула ему в глаза.

— Ты действительно служишь _м_н_е_, кел Дункан?

У Стэна на миг перехватило дыхание. Хол'эйри и закон Келов были теперь его плотью и кровью: нужно было ответить да или нет — обратной дороги не будет.

— Да, — еле слышно выдохнул он.

Ее тонкие пальцы сжали широкую ладонь землянина.

— Ты не пойдешь против нас, как пошел против своей расы?

От шока, в который впал Стэн, дус вздрогнул; Дункан придержал зверя, обеими руками погладил его и через несколько мгновений взглянул в ясные глаза Мелеин.

— Нет. — Госпожа сама ответила на свой вопрос — он не знал, откуда взялась ее уверенность. Тон Мелеин встревожил его.

— Сейчас я впервые коснулась землянина, — пробормотала она.

Холод. Он обнял дуса, пытаясь согреться, и пристально посмотрел на Мелеин.

— Что ты хочешь сделать? — спросила она.

— Мне нужен доступ к управлению. Позволь мне поддерживать работу машин, делать то, что необходимо. У нас уже был сбой. Больше мы так рисковать не можем.

Стэн ждал отказа, ждал долгих дней… месяцев споров — прежде чем он добьется своего.

Но, — подумал он, — рубка управления никогда не запиралась. И янтарные глаза Мелеин опустились в безмолвном согласии. Подняв руку, она указала на дверь.

Он помедлил в нерешительности, затем поднялся, неловко поклонился и пошел.

Госпожа — следом. Стэн услышал, как она идет за дусом. И когда Дункан уселся за пульт в ярко освещенной рубке управления, Мелеин встала за его плечом, наблюдая: он мог видеть ее белый силуэт на экранах, что показывали звездные поля.

Стэн наконец-то приступил к тестированию, забыв о присутствии Мелеин. В прошлый раз, когда его выгнали из рубки, он испугался, что корабль не выдержит длительного полета под

управлением автоматики, но все тесты прошли гладко — ни в одной из систем не было сбоев или неисправностей, самая незначительная из которых могла стоить им жизни или привести к тому, что они навсегда затеряются в этом неизведанном пространстве, — и Дункан облегченно вздохнул.

— Все в порядке, — сообщил он Мелеин.

— Ты боялся чего-то особенного?

— Только запущенности, госпожа, — сказал он.

Стоя рядом с ним, Мелеин время от времени с кажущейся случайностью следила за отражением его лица, как Стэн — за ее отражением. Он радовался, что находится здесь, что его руки делают то, что хорошо знали; и вновь и вновь повторял тесты, выжидая, пока госпоже не надоело стоять за его плечом, и она не уселась за пульт в кресло второго пилота.

Ее, казалось, интересовало лишь то, что делает Стэн; он вспомнил, что госпожа знакома с подобным оборудованием, и лишь сделанное землянами было ей в диковинку; поэтому в ее присутствии он не осмеливался на слишком многое. Она, наверняка, понимала, что он повторяет операции.

И Стэн рискнул.

«Истекшее время», — запросил он компьютер.

Зажегся ответ: «Информация отсутствует.»

Он задал еще несколько вопросов. «Информация отсутствует. Информация отсутствует», — отвечал компьютер.

Холодный ком застрял в его горле. Он осторожно проверил состояние курсовых лент — сможет ли он проследить полет корабля, чтобы потом вернуться домой.

«Засекречено», — вспыхнул экран.

Он замер, вспомнив об устройстве самоуничтожения, связанном с ленточным механизмом. И при этом воспоминании в голову ему закралось подозрение.

"Мы хотим, чтобы, вернувшись домой, ты не привел за собой какой-нибудь "хвост".

Слова Ставроса.

Струйки пота побежали по его телу. Почувствовав капли пота на лице, Дункан тыльной стороной руки вытер рот, попытавшись сделать это незаметно. Мелеин по-прежнему сидела рядом.

Дус протиснулся между ними, оказавшись в опасной близости от хрупких приборов.

— Уйди отсюда, — попросил его Дункан. Но зверь лишь улегся.

— Кел'ен, — заговорила Мелеин, — ты увидел что-то, что тебя встревожило?

Он облизал губы и взглянул на нее.

— Госпожа… мы не нашли жизни… я потерял счет планетам, а жизни мы не нашли… Почему ты думаешь, что на вашей прародине все обстоит иначе?

Ее лицо сделалось непроницаемым.

— Кел'ен, ты увидел что-то, что заставляет тебя думать иначе?

— Я увидел достаточно… чтобы понять, что я не могу вмешаться в управление этого корабля. Госпожа, когда эта лента закончится, на ней может не остаться курсовых данных.

Янтарные глаза мигнули. Мелеин сидела спокойно, обхватив руками колени.

— Ты собирался покинуть нас?

— Нам не удастся изменить курс. У нас нет выбора, госпожа.

— У нас никогда его не было.

Он задержал дыхание, вытер со щеки струйку холодного пота и вздохнул. Мелеин была абсолютно спокойна и бесстрастна: Шон'ай… вызов брошен, для них — с рождения. Как Ньюн со своим оружием.

— Госпожа, — сказал он тихо, — ты давала имя

каждой планете, мимо которой мы летели. Ты знаешь, сколько их нам еще предстоит увидеть?

Она кивнула, как было принято у ее Народа, склонив голову влево. — Прежде чем мы достигнем родины, — проговорила она, — будут Млара, и Шэй, и Хла, и Сэй'эй-ноу-клай'ай.

— Четыре, — пробормотал он, ошеломленный внезапным известием о том, что конец близок. — Ты говорила ему?..

— Я говорила ему. — Она наклонилась вперед, руки сплелись на укутанных белом коленях. — Кел Дункан, твои корабли придут. Они идут.

— Да.

— Ты выбрал, кому служить.

— Да, — сказал он. — Народу, госпожа. — И, поскольку она все еще вглядывалась в него, опасаясь его предательства: — У них, госпожа, так много кел'ейнов, что потеря одного ничего не значит. У Народа же — всего один… со мной — два. В моем лице человечество не потеряет одного кел'ена.

Глаза Мелеин до боли всматривались в него.

— Твоя математика безупречна, кел Дункан.

— Госпожа… — тихо пробормотал он, признательный ей за похвалу.

Она поднялась и ушла.

Передав корабль ему.

Какое-то время он сидел неподвижно, получив все, чего добивался; и эта ноша вдруг показалась ему непосильной. Теперь, даже захоти он предать их, — подумал Стэн, — он не сможет этого сделать; он никогда не сможет повторить то, что сделал тогда, на Кесрит, спасая их жизнь…

Дунканом двигал эгоизм, а не любовь… сейчас и в будущем. Он слишком хорошо знал мри, чтобы поверить, что это пойдет им на пользу.

Он просмотрел банки данных, укрывавшие свои страшные тайны, закрытые для него программы; скорее всего, блокирование началось с момента, когда Стэн нарушил приказы и раньше времени запустил курсовую ленту.

А, может, — как и прежде бывало с ПлаРами, — с самого начала было решено, что «Фокс» может вернуться лишь вместе с «Сабером».

Существовал пан'ен и запись в нем; но тягаться с огневой мощью «Сабера» «Фоксу» было невозможно… и, скорее всего, когда лента закончится, навигационный компьютер взорвется, уничтожив корабль.

Он вновь вернулся к пульту, снова и снова терпеливо стуча по клавишам, снова и снова получая в ответ «Информация отсутствует» и

«Засекречено».

И наконец, оставив попытки, Стэн поднялся, рассеянно потянувшись к дусу, который тоскливо жался к нему, чувствуя огорчение хозяина и стараясь отвлечь его.

Четыре планеты.

День, а может — больше месяца: интервалы между прыжками были неравными.

Конец путешествия неожиданно показался очень близким.

# 16

Млара, и Шэй, и Хла, и Сэй'эй-ноу-клай'ай.

Ньюн наблюдал, как они проносятся мимо, безжизненные, и даже его хмурый вид не мог скрыть возбуждения в крови.

Они прыгнули снова, и чуть позже полудня по корабельному времени в центре экрана появилась новая звезда.

— Это дом, — негромко сказала Мелеин, когда они пришли в холл госпожи, чтобы взглянуть на нее вместе с ней. — Это Солнце.

На хол'эйри — Нэй'ай'ин.

Ньюн взглянул на пятнышко света, которое с внешней границы системы, где они находились, казалось меньше булавочного укола, и в отчаянии подумал, какой долгий путь им еще предстоит. Нэй'ай'ин. Солнце.

И Планета, что звалась Кутат.

— С вашего разрешения, — пробормотал Дункан, — ...я лучше займусь управлением.

Они все, даже дусы, направились в рубку управления.

И было что-то зловещее в погруженной во тьму

прежде самой активной секции пульта управления. Дункан на мгновение замер, глядя на это, потом уселся за пульт и привел все в готовность, не тронув лишь приведенной в негодность секции.

Покинув госпожу, Ньюн встал у пульта справа от Дункана: мри знал о приборах очень мало, лишь то, что показал ему Стэн — но даже его знаний было достаточно, чтобы убедиться, что что-то произошло.

— Навигационного компьютера больше нет, — сказал Дункан.

— Ты можешь привести нас, — уверенно проговорил Ньюн.

Дункан кивнул. Его руки летали по клавишам, и изображения на экранах сменялись, выстраивая причудливые модели вокруг точки, что была Нэй'ай'ин.

— Мы на курсе, — сказал он наконец. — Просто навигации по звездам больше не для нас.

Но это уже не имело значения. Госпожа давным-давно вернулась в свои покои, а Ньюн по-прежнему стоял рядом с Дунканом, который сидел в кресле, отделенный от мри консолью, наблюдая за действиями Стэна.

Прошло пять дней, прежде чем появилась Ку-

тат, третья планета от Нэй'ай'ин… Кутат. Дункан вел корабль, проводя в рубке управления больше времени, чем требовал здравый смысл: он даже ел здесь, выходя в холл келов лишь для того, чтобы умыться и немного поспать, когда на корабле наступала ночь. Но еще до того, как ночь подходила к концу, он в тревоге спешил обратно, и Ньюн знал, где отыскать его.

Его присутствие за пультом управления вовсе не требовалось.

Не было сигналов тревоги, ничего.

Ньюн с возрастающим отчаянием начал думать, что здесь их ждет та же самая картина, как и на предыдущих планетах. И у Мелеин, и у Дункана было, конечно, собственное мнение об этой непрекращающейся тишине, и никто не высказывал его вслух.

Никаких кораблей.

Никакой реакции.

На шестой день первые четкие картины планеты заполнили экраны, и Мелеин приходила в рубку, чтобы взглянуть на них. Рука Ньюна в безмолвном предположении ложилась на ее руку.

Планета была багряной и безжизненной.

И древней. Очень, очень древней.

Дункан выключил изображение на экранах. Ко-

гда он взглянул на них обоих, на лице его застыло мучительное выражение, словно он собирался обвинять во всем себя. Но Ньюн, набрав полные легкие воздуха, выдохнул, смирившись с тем, что знал всю свою жизнь.

Что после всего случившегося они были последними из расы.

Где-то на корабле застонали дусы, вобрав в себя ниспосланное людям отчаяние.

— Путешествие Народа, — сказала Мелеин, — было очень, очень долгим. Если мы последние, мы все же придем домой. Веди нас туда, Дункан.

— Дункан, — просто ответил Стэн, и склонил голову, и повернулся к панелям управления, чтобы не видеть лиц мри. Ньюну казалось, что воздух куда-то исчез; невидимая рука стискивала сердце, как тогда, когда на его глазах на Кесрит умирал Народ; но то была старая печаль, и он давным-давно выплакал ее. Кел'ен так и стоял, когда Мелеин пошла обратно в свой холл.

Потом он ушел к себе, и сел со своим дусом, и заплакал, как не мог плакать Кел.

— Почему мы должны печалиться? — спросила Мелеин, когда вечером того же дня они вновь встретились на первом за много дней и последнем перед посадкой ужине. — Мы всегда знали,

что мы последние. Пока мы считали по-другому, мы были гораздо счастливее, но правда, тем не менее, оставалась неизменной. Мы должны радоваться. Мы вернулись домой. Мы увидели то, что было нашим началом, и это достойное завершение пути.

Этого землянин не мог постичь. Он лишь замотал головой, словно от боли, и опечаленный дус потянулся к нему носом.

Но Ньюн во всем согласился с Мелеин: она была права. Они видели и худшее, чем то, что лежало перед ними: была Кесрит, были земляне и регулы.

— Не печалься за нас, — сказал Ньюн Дункану, тронув его за рукав. — Мы пришли туда, где хотели быть.

— Я, пожалуй, вернусь в рубку, — сказал Дункан и резко поднялся, закрыл лицо вуалью и оставил их, не спросив разрешения и не оглянувшись. Его дус двинулся следом, излучая страдание.

— Он ничего не сможет там сделать, — пробормотала Мелеин, пожав плечами. — Но это успокоит его.

— Дункан, — сказал Ньюн, — не оставит нас. Он чувствует себя виноватым.

— За нас?

Ньюн пожал плечами, сжал губы, посмотрел в сторону.

Мелеин протянула руку и коснулась его лица, привлекая внимание кел'ена, печально глядя на него.

— Я знала, что это может занять немало времени. Было больше восьмидесяти Мраков, Ньюн, и в каждом сменилось не одно поколение; и было свыше восьмидесяти Промежуточных эпох, и большинство из них длились свыше тысячелетия.

Он попробовал протестующе рассмеяться, качая головой — но смеха не получилось.

— Я могу представить расстояние, но не годы. Двадцать лет — долгий срок для кел'ена. Я не могу представить тысячелетие.

Наклонившись, она коснулась губами его лба.

— Ньюн, счет не имеет значения. Я тоже этого не понимаю.

Этой ночью, и следующей, Ньюн сидел рядом с ее креслом. Мелеин не просила его об этом. Просто он не хотел оставлять ее одну. И Дункан, приходя со своих одиноких вахт, чтобы поспать хотя бы несколько часов, устраивался вместе со своим дусом в углу — здесь же, а не в холле келов. Никто из них сейчас не хотел одиночества. Им

было более чем достаточно пустынности Кутат.

На восьмой день Кутат надвинулась на них, заполнив весь экран в холле госпожи — воспаленная, сухая, изборожденная древними шрамами.

И Дункан вошел к госпоже, ворвался, словно ураган, и сорвал мэз и зейдх, открыв свое лицо: оно пылало.

— Жизнь! — выдохнул он. — Это показал детектор. Госпожа, Ньюн… ваша планета не мертва!

На мгновение все замерли.

И внезапно Мелеин, хлопнув в ладони, сложила их вместе и возблагодарила богов; и лишь тогда Ньюн позволил себе вздохнуть с надеждой.

Следом за Дунканом Мелеин прошла в рубку; позади них — Ньюн и шумно дышащие от возбуждения дусы. Мелеин уселась на подлокотник кресла, и Ньюн склонился рядом, а Дункан тем временем пытался объяснить им результаты своих поисков, показывая диаграммы, и экраны, и бегущие по ним потоки данных, означавших жизнь.

Присутствие машин, и невероятно слабые сигналы присутствия живой материи.

— Отсюда, из космоса, это похоже на Кесрит, — тихо сказал Дункан, заставив Ньюна похолодеть, ибо прежняя госпожа слишком часто называла

Кесрит кузницей, что готовит Народ… к тому, что их ждет. — Дусы, — продолжал Дункан, — скорее всего будут чувствовать себя здесь достаточно хорошо.

— Одна луна, — читал Ньюн показания экрана, с тоской вспоминая две, свершавшие свой путь по небесам Кесрит; вспоминая холмы планеты и знакомые места, где он охотился до прихода землян.

У планеты их предков были свои секреты, свои блага и красоты, и свои опасности.

И сюда придут земляне… довольно скоро.

— Дункан, — сказала Мелеин, — мы садимся.

# 17

Кутат.

Дункан вдохнул ворвавшийся в люк воздух — первый вздох на поверхности планеты — холодный и разреженный, со слабыми запахами. Стэн посмотрел в люк на красные и янтарные пески, на далекий гребень обступивших их гор, на сияющее в небе угрюмое уродливое солнце.

И не спустился вниз. Первыми на свою родную землю должны ступить мри. Оставаясь в корабле, он наблюдал, как они спускаются по трапу: Мелеин впереди, Ньюн — за ней… дети, вернувшиеся к старухе-матери. Они оглядывались вокруг; глаза их, конечно же, видели совсем иначе, чем его; они чувствовали нечто знакомое в ласковых объятиях тяготения Кутат, аромате ее воздуха… нечто, взывавшее к их крови и чувствам, и говорящее: «это дом».

Жаль, если это не так, если путь Народа на самом деле оказался слишком долгим и Народ потерял все, ради чего уходил. Стэн так не думал; он видел, какими глазами Ньюн смотрел лежащий вне корабля мир.

Дункан чувствовал, как его собственное горло сжимается, как дрожат от напряжения и ужасного холода планеты его мышцы. Разберись Стэн в своих чувствах, он понял бы, что то было ощущение утраты… и он не знал, почему. Он летел сюда ради них, привел их домой, и посадка прошла благополучно, и все же печаль охватывала его.

Но служба Народу была не единственным, что он сделал.

На краю системы пульсировал маяк, веха, которую будут использовать прибывающие корабли; а на Кутат таким маяком стал сам корабль. Его пульс был тихим, но он был… и будет, пока на корабле есть энергия — гораздо дольше, чем смогут прожить они сами.

«Дружба, дружба», — кричал небесам их корабль, и корабли землян наверняка узнают этот или другой сигнал.

Стэн не сказал об этом Ньюну или Мелеин. Любой жест по отношению к ци'мри, — подумал он, — они не одобрят, и поэтому не спросил их разрешения.

Он увидел, как дусы, сопя и шумно втягивая воздух, косолапя, спускаются по трапу; как перекатываются на их лоснящихся от долгой сытой жизни на корабле боках складки жира, как бле-

стит под тусклым солнцем мех. Ступив на песок, они покатились по нему, наслаждаясь этим; потом поднялись, стряхивая облака красной пыли с бархатных шкур. Большой, встав на задние лапы, начал спускаться, игриво выдувая облако пыли на мри, и Ньюн отругал его.

После этого звери выбрали собственный путь, петляя, исследуя новый мир. Теперь можно было быть спокойными — они не позволят никому захватить мри врасплох. Неподалеку от корабля виднелась нетронутая струями корабельных двигателей рощица похожих на трубки голубовато-зеленых деревьев. Дусы уничтожили ее, с видимым удовольствием жуя растения. Их желудки благополучно усваивали все, даже многие яды, поэтому причин для беспокойства не было.

Там, где есть деревья, есть вода — пускай даже ее немного. Дункан с довольным видом с гордостью смотрел на редкую растительность, ибо он отыскал для мри место, где даже на этой, на первый взгляд бесплодной, планете существовала жизнь, посадил корабль там, где была вода.

И, кроме того, неподалеку от источника энергии, который обнаружил детектор.

Их присутствие не вызвало ничего — ни во время посадки, ни сейчас. Приборы корабля

по-прежнему изучали небеса, готовые в любой момент поднять тревогу и защитить людей, но небеса оставались чистыми… и царившая вокруг тишина была одновременно желанной и нежеланной.

Он ощутил сказочный бальзам удовольствия дусов, и наконец решился.

Неуверенно Стэн спустился по трапу, изучая окружающее, и неслышно приблизился к мри, надеясь, что те не обидятся на его присутствие — он достаточно знал Ньюна, чтобы допускать подобное поведение по отношению к ци'мри.

— Госпожа… — Дункан услышал, как Ньюн негромко позвал ее; и Мелеин обернулась, и увидела Стэна, и протянула ему руку. Они обнялись, словно были братьями, и Дункану захотелось заплакать, что не мог себе позволить кел'ен. На миг опустив голову, Стэн почувствовал исходящую от них теплоту. Сильный ветер трепал их мантии. Дункан сжал мри в объятиях, ощущая хрупкость Мелеин и жилистость Ньюна; они были чуждыми, теплыми, словно звери, и наслаждались прохладой, которая заставляла его дрожать.

Дусы удалялись все дальше и дальше, издавая свои охотничьи стоны, которые могли напугать любого, кто их услышит.

И оглядываясь вокруг, люди не видели за чуждым силуэтом корабля ничего, кроме земли и неба: с одной стороны простиралась бесконечная равнина, и где-то за ней, в невообразимой дали, высились горы, чьи вершины были сглажены временем и ветром; с другой — земля утопала в абрикосовом мареве, скрывавшем отвесный обрыв, что бросался в глаза, выводя из равновесия… не было даже крохотной долины, лишь край мира, простиравшийся до горизонта, где сливался с небом; и над всем этим багровые утесы простирали ввысь свои руки — алые вблизи, они таяли в зыбкой глубине неба за далеким горизонтом.

Дункан выдохнул фразу на своем запрещенном языке, но мри, казалось, не заметили этого. Еще в воздухе, увидев расселину, он, не раздумывая, посадил корабль рядом с ней, ибо это показалось ему лучшим местом — кроме того, решив садиться на высокогорье, Стэн подумал, что спускаться легче, чем карабкаться наверх — тем не менее они сели далеко от края. С высоты все это выглядело достаточно опасно; теперь же, когда им показалось, что перспектива разбиться насмерть заметно уменьшилась, перед ними распахнулись величайшие пропасти, чье дно терялось в зыбкой дымке, в террасах, обрывах и выступах, в которые

ветры превратили скалы… и блестящие вдалеке абрикосово-серебряным — возможно, озеро, — и похожее на высохшую руку море.

Озеро, скорее всего, соляное и мертвое: тысячелетиями, должно быть, собирались там минералы и соли, как в высыхающих мелководных морях Кесрит.

Они некоторое время стояли неподвижно, оглядывая раскинувшийся вокруг мир, пока даже мри не начали дрожать от холода.

— Мы должны найти источник энергии, о котором ты говорил, — сказала Мелеин. — Нужно посмотреть, есть ли здесь кто-нибудь еще.

— Это недалеко, — ответил Дункан, и протянул руку в ту сторону, где, как ему было известно, это должно было находиться. — Я рискнул посадить корабль как можно ближе.

— На твои попытки вступить в контакт никакого ответа не было.

— Не было, — кивнул Дункан и вздрогнул.

— Нужно будет одеть сверху еще мантии, — заговорил Ньюн. — Нам понадобятся санки, чтобы везти припасы. Мы пойдем как можно дальше… да, госпожа? — и посмотрим, что там такое.

— Да, — ответила Мелеин. — Посмотрим.

Дункан хотел было повернуться, чтобы сделать

все необходимое, но, решив, что сейчас самое время высказать свои сомнения, откинул в сторону вуаль, которую одел, чтобы было теплее.

— Госпожа, — сказал он. — Будет лучше… если я останусь на корабле.

— Мы не будем возвращаться, — проговорила Мелеин.

Дункан переводил взгляд с одной на другого, видя боль в глазах Ньюна, и внезапно понял, отчего его самого не покидало чувство утраты.

— Я обязательно должен остаться, — сказал он, — чтобы охранять вас, госпожа. Я не покину это солнце. Я останусь. Но, может быть, мне удастся остановить других.

— Вехи, которые ты оставил… Они для этого?

Он испытал шок, поняв, что ему не удалось обмануть Мелеин.

— Да, — ответил он хриплым голосом. — Чтобы дать им знать, что здесь друзья. Возможно, они прислушаются к этому.

— Тогда тебе не нужен корабль, — сказала она. — Этого сообщения достаточно. Если они не обратят на это внимания, говорить будет не о чем. Корабль не вооружен.

— Я могу поговорить с ними.

— Они захватят тебя, — проговорила госпожа.

Это было правдой. Стэн пристально смотрел на нее, промерзший до костей на ветру, что налетал на них.

— Ты не можешь сражаться, — сказала она и, окинув взглядом необъятный горизонт, протянула ему руку. — Если они начнут искать нас здесь повсюду, они никогда не послушают тебя; если же нет — что ж, прекрасно. Идем с нами, кел Дункан.

— Госпожа… — негромко проговорил Стэн, соглашаясь.

И он повернулся и поднялся по трапу.

Предстояло порыться в корабельных запасах; Ньюн назвал все необходимое, и вместе они собрали из алюминиевых трубок некое подобие санок. Санки погрузили в грузовой лифт, закрепив на них выбранные Ньюном запасы: контейнеры с водой, пищу, легкие циновки, чтобы спать на них, алюминиевые стержни для палатки, и одеяла с подогревом — роскошь ци'мри, но холод снаружи убедил даже Ньюна.

Они подобрали дополнительную одежду и запасную обувь, и одели поверх одной вторую сайг.

И напоследок они сделали самое главное — сходили в святилище пан'ена, и Ньюн, с бла-

говением взяв овоид в руки, отнес его вниз к санкам и установил на приготовленное для него место.

— Спускаемся, — сказала Мелеин.

Дункан нажал кнопку, и грузовой лифт медленно сполз на грунт и замер, ожидая, пока они шагнут на багровые пески.

День подходил к концу.

Позади них грузовой лифт пополз вверх и с грохотом встал на свое место; и звук этот показался чужим в этой пустыне; и когда он стих, остался лишь свист ветра. Мри, ни разу не оглянувшись, зашагали вперед; Дункан же, сдержавшись пару раз, на третий не выдержал и посмотрел через плечо. Громада корабля таяла позади. По мере того, как они удалялись, она становилась странно застывшей, окрашиваясь в абрикосовый цвет, сливаясь с землей: ни света, ни движения, ни звука.

Потом между ними встала возвышенность, и корабль исчез из виду. Дункан почувствовал странную опустошенность; тела его касались одежды мри, ставшие для Стэна привычными; долгожданный ветер обдал его пронизывающим холодом, но землянин по-прежнему чувствовал себя одиноким. Они шли за солнцем — к источ-

нику энергии, который обнаружили приборы, и Стэну неожиданно пришла в голову мысль, что найди мри своих соплеменников, ему будет непросто объяснить свое присутствие среди них.

И может настать время, когда его присутствие станет куда большим, чем просто неудобством для Ньюна и Мелеин.

Что ж, такой конец был бы ужасен — в одиночестве, среди чужих.

Его поразило то, что в своем безумии он поменялся местами с теми, кого жалел, и, самое печальное, Стэн не верил, что Ньюн захочет бросить его.

Нэй'ай'ин склонялся к горизонту, неся им красноватые сумерки, погрузившие высыхающее море в забвение тумана, а в огромной и вселяющей ужас пропасти слева от них сквозь марево воспарили вверх остроконечные скалы, у которых, казалось, не было подножий. Когда солнце начало садиться, люди остановились отдохнуть и поужинать; разгоряченные от ходьбы, они из-за холода все же не снимали вторых мантий. Они думали, что дусы придут на запах пищи, но те не появлялись. Пока они отдыхали, Ньюн часто поглядывал в ту сторону, куда ушли звери, и Дункан, беспокоясь об исчезнувших зверях, тоже

озирался по сторонам.

— Их планета не менее сурова, — сказал наконец Ньюн, — и, скорее всего, они бродят в поисках пищи.

Но сам он нахмурился, по-прежнему осматривая горизонт.

Солнце садилось, и вокруг начало твориться нечто невообразимое. Сквозь висящую в воздухе туманную дымку внезапно проступали горы, которых прежде не было видно, и вокруг, откуда ни возьмись, появлялась земля, отступая вслед за солнцем к дальним холмам.

А на берегах высыхающего моря поднялись башни и тонкие шпили, лишь чуть-чуть темнее, чем абрикосовое небо.

— Ах! — выдохнула, поднимаясь, Мелеин; и они тоже поднялись и застыли, глядя на горизонт, на город, что вздымался перед ними, подобно миражу. Лишь несколько мгновений тот был виден, а затем, когда край Нэй'ай'ина скользнул за горизонт, неся сумерки, растворился в тени.

— Это его обнаружили приборы! — проговорил Дункан.

— Там есть что-то живое.

— Возможно, — отозвался Ньюн. Конечно, ему очень хотелось верить в это, но ни надежда, ни

тревога не прозвучали в его голосе. Он всегда был готов к самому худшему; это, похоже, позволило ему сохранить рассудок в прошлом, где кроме разрушений мало что было.

Мелеин снова опустилась на свою расстеленную на песке циновку, и сцепила руки на коленях, и ничего не сказала.

— Он может быть очень далеко, — проговорил Дункан.

— Как далеко тот источник, что ты обнаружил? — спросил Ньюн.

Дункан пожал плечами.

— День или около того.

Ньюн нахмурился, опустив мэз ниже, чтобы открыть большую часть своего лица.

— Скажи мне правду: ты выдержишь такой переход?

Дункан подобающим мри жестом выразил согласие.

— Воздух разреженный, но такой я еще могу выдержать. Меня беспокоит в основном холод.

— Оденься теплее. Думаю, мы заночуем здесь.

— Я не буду тебе в тягость, Ньюн.

Ньюн задумался над этим и наконец кивнул.

— Мри не носильщики тяжестей, — сказал он, и Дункан понял скрывавшуюся за этой шуткой

Келов непреложную истину. Стэн усмехнулся, а Ньюн подкрепил свои слова внезапным устрашающим жестом.

Вуали вернулись на свое место. Дункан завернулся в одеяло с подогревом, чувствуя себя гораздо лучше, чем он мог себе представить в подобных обстоятельствах. В неприятно холодном воздухе одеяло и мантии обеспечивали ему такое приятное уютное тепло. В ясном небе над головой редкие звезды не образовывали знакомых фигур. Он выдумал их сам: треугольник, змея, и мужчина с огромным дусом у ног. Это усилие окончательно истощило его затуманивающееся сознание, и Стэн провалился в сон, чтобы проснуться от того, что Ньюн тряс его за плечо, напоминая, что теперь его очередь сторожить, ибо дусы все еще не вернулись.

Оставшуюся часть ночи он сидел, укутавшись потеплее, глядя на странный из-за растущих на гребне поросшего травой сглаженного хребта трубчатых деревьев горизонт, в одиночестве наблюдая, как восходит Нэй'ай'ин над цепочкой их следов, наполняя сердце красотой.

Это был более чем справедливый обмен, — думал он.

Рассвет понемногу вступал в свои права, и мри

зашевелились; они позавтракали, не спеша собрались, довольствуясь короткими репликами и часто поглядывая по сторонам.

И поднявшийся ветер принес издалека странный звук, заставивший их замереть на месте и прислушаться; и потом Ньюн и Мелеин, облегченно вздохнув, громко рассмеялись.

Где-то поблизости охотились дусы.

Они сложили вещи и нагрузили санки: их потащил Дункан. Ньюн, кел'ант, глава касты Келов, не мог заниматься этим, пока есть кто-то, кто может это делать; то был давно заведенный порядок, и Дункан без возражений принял его. Но мри не сводил с него глаз, и едва они приблизились к первому подъему, Ньюн молча взялся рукой за веревку, отобрав ее у Стэна и забросив себе на плечо.

Эта работа не слишком утомляла мри, ибо земля была сравнительно ровной и металлические полозья легко скользили по похожему на пыль красному песку. Неприятный холод, от которого на рассвете замерзал даже выдыхаемый пар, заметно слабел, и к середине утра Ньюн и Мелеин сняли дополнительные мантии и зашагали, чувствуя себя довольно свободно.

Когда они остановились на отдых, вдали пока-

зался один из дусов, некоторое время постоял, и к нему присоединился второй. Звери снова и снова ненадолго появлялись, и так же быстро исчезали; потом их какое-то время не было. Беспокоясь за своего дуса, встревоженный его необъяснимым поведением, Дункан велел ему вернуться, но тот прошел только половину пути и остановился. Зверь выглядел по-другому; и Стэн бы не узнал его, но на всей Кутат дусов было всего двое, и большой по-прежнему ждал на гребне. Оба зверя казались иными.

Более худыми. Лоск исчез за прошедшую ночь.

Дус внезапно повернулся и присоединился к своему собрату на гребне. Оба двинулись по пологому склону; Дункан смотрел, как они удаляются, время от времени появляясь вновь, и щурился, ибо казалось невероятным, что такие громадины могут столь бесследно исчезать на ровной земле.

— Что с ними? — спросил землянин у Ньюна; мри пожал плечами и вновь занял свое место за Мелеин, что означало, решил Дункан, что Ньюн не знает.

А вскоре после этого, когда они приблизились к голубовато-зеленому трубчатому деревцу, Ньюн срезал своим ав-тленом небольшой кусок, глядя как оставшаяся часть наполняется влагой.

— Я бы не стал пробовать ее, — с беспокойством сказал Дункан.

Но мри набрал в рот немного жидкости — совсем чуть-чуть — и через мгновение выплюнул ее.

— Не так уж и плохо, — пробормотал он. — Сладкая. Мякоть, скорее всего, съедобна. Посмотрим, заболею ли я от этого. Дусы ее не испугались.

Существование столь тонкой связи между дусом и человеком казалось загадочным. Дункан вспомнил, что когда звери впервые увидели растения, люди почувствовали ярко выраженное удовольствие.

Ньюн не заболел. После полудня он попробовал маленький кусочек мякоти, и к вечеру объявил, что та вполне съедобна. Дункан тоже отведал ее, и она была сладкой, как засахаренный фрукт, и приятно холодила. Самой последней, когда был разбит лагерь и стало ясно, что ни мри, ни землянину мякоть не причинила вреда, ее попробовала Мелеин.

Солнце, выбросив свои лучи, на миг уцепилось за край пропасти. И в туманной дымке вновь возник их город.

Он был огромен; он прочно стоял на земле — то не был дрожащий мираж. Лучи напоследок четко

высветили башни, и все исчезло.

— Это вписано в пан'ен, — негромко заговорила Мелеин, — что есть город башен — желто-башенный Ан-ихон. Там названы и другие города: Зоухэйн, Зу'и'ай-шэй и Ли'эй'хэйн. Море звалось Шэй'ит, и у равнин здесь тоже есть имена.

Был ветер, и шепот движущихся песчинок. Больше не двигалось ничего, кроме самих людей, чужаков, что явились сюда, и один из них на самом деле был чужим.

Но Мелеин называла им имена, и еще недавно ужасавшая своей необитаемостью Кутат, раскинувшаяся вокруг, открывалась перед ними. И посреди этой неподвижности Ньюн и Мелеин разговаривали друг с другом, и смеялись чему-то; но тишина въедалась в кости и перехватывала дыхание, и Дункан вдруг почувствовал, что еле переставляет ноги, пока Ньюн, коснувшись его запястья, не задал ему какой-то вопрос, и землянину пришлось, краснея от смущения, попросить мри повторить.

— Дункан? — переспросил Ньюн, чувствуя смятение Стэна.

— Все нормально, — ответил Дункан; ему вдруг отчаянно захотелось коснуться спины дуса. Он взглянул туда, где за спинами Ньюна и Мелеин

темнела глубокая расселина высыхающего моря, и спросил себя: что здесь вызвало их смех?

И те безбрежные пространства воды, что дышали и плескались в этой пустыне, которые представила себе Мелеин, больше, чем что-либо другое, впервые за то время, что Стэн противостоял этим двум мри, напомнили ему дом.

Ньюн сжал его руку, отошел в сторону, завернулся в свое одеяло и лег спать; рядом с ним точно также устроилась на ночь Мелеин.

Дункан нес вахту, завернувшись в одеяло с подогревом; ему было тепло, хотя даже пар от дыхания замерзал в воздухе. Луна наверху была между второй четвертью и полнолунием. Высоко на севере появились клочья облаков, но они не могли закрыть звезды.

Один раз Стэн почувствовал присутствие духа. Тот не подходил близко, но был где-то здесь, неподалеку, излучая спокойствие.

# 18

Шарн, дрожа от слабости, нажала клавишу, подводящую раздатчик пищи поближе. Слегка наклонив тело, она прикоснулась к питающей трубке безгубым ртом и некоторое время пила, позволяя теплу заполнить желудок. Благодаря этой трубке концентрация питательных веществ в ее венах заметно возросла, но долгое отсутствие пищи вызывало физиологические эффекты, которых не могло уменьшить никакое трубочное питание.

Вокруг нее, на капитанском мостике «Шируга», спали молодые регулы, все еще погруженные в глубокий сон, в котором они проводили большую часть путешествия. Лишь Сут и старший над юношами, по имени Мелек, бодрствовали почти все время, за исключением кратких промежутков сна, когда корабль совершал прыжок. Уже давно проснувшийся Сут поспешил приблизиться к Шарн, исполняя свой долг заботиться о старшем, которому теперь принадлежал, ибо бай Хулаг на время отдал юношу Шарн.

— Могу я услужить? — хрипло спросил Сут.

Смышленые глаза юноши лихорадочно блестели. Костяные пластинки его щек были по краям белыми и мутными — признак плохого самочувствия. Шарн заметила страдание юноши, который перенес без сна столь долгое путешествие, и довольно любезно предложила Суту воспользоваться своим раздатчиком пищи. Кожа Сута сделалась темной от удовольствия, и голодный юноша набросился на питающую трубку, жадно поглощая пищу, от которой его трясущиеся конечности наполнялись силой… через некоторое время он с немым обожанием в глазах вернул трубку Шарн.

— Разбуди остальных, — тотчас приказала она Суту, и юноша сразу же бросился исполнять повеление.

Курсовая лента стояла на нуле.

Они прибыли.

Быстрый взгляд на локатор: корабль землян парил почти рядом, но члены его экипаж еще вряд ли полностью пришли в себя. Во время путешествия Шарн часто просыпалась для консультаций с Сутом, и каждый раз узнавала землян гораздо медленнее, чем просыпавшийся после прыжка регул: у наркотиков не было биологического преимущества сна. Несколько землян уже работали, но тумана в их мозгах хватало. Это был

известный факт; и мри, которые не нуждались ни в сне, ни в наркотиках, всегда были готовы воспользоваться этим.

А перед ними раскинулась система, откуда пришли мри.

От этой мысли кровь на мгновение застыла в венах Шарн, а потом оба ее сердца лихорадочно забились. Со своего пульта дистанционного управления она вызвала новый план-карту, активизировала приборы и направила корабль прочь от эскорта землян, а те все еще не могли прийти в себя от изумления. Приборы зарегистрировали автоматический вызов: компьютер землян напоминал ей, что она отрывается от группы. Она не обратила на это внимания, продолжая увеличивать скорость в реальном пространстве.

Корабль Шарн устремился к внутренним планетам. Где-то позади зашевелились, пробуждаясь, земляне; вслед ей летели яростные требования вернуться. Шарн не обратила на них внимания. Она была союзником, а не слугой, и не чувствовала себя обязанной выполнять их приказы. Вокруг нее просыпались юноши — как умело заботился о них этот молодой регул, отданный ей баем! Предоставив Шарн своего личного секретаря, Хулаг показал всем, насколько он уважает ее. Шарн

подумала о том, что ей следует тоже проявить благосклонность, и о том, чем ей это грозит — и у нее закружилась голова.

— Мы проведем разведку, — снизошла она наконец до ответа взбешенным землянам. — Нам, милые союзники, необходимо как можно скорее узнать, что за опасность поджидает нас, а «Шируг» достаточно подвижен, чтобы в случае чего уйти.

Идти первыми было не в обычаях регулов.

Но на карту были поставлены интересы регулов. Мертвые планеты следовали одна за другой: ужасная летопись смерти оправдывала принятые на Кесрит решения. Спасая род, они спасали самих себя, и, кроме того… самое невероятное… это осознание угрозы самой расе регулов, которую ни один регул никогда не оценивал.

На экранах оставшийся позади корабль землян начал разделяться на части: «Сабер» выпускал своих наездников — небольшой внутрисистемный истребитель «Сантьяго» и безоружный разведывательный корабль «Флауэр». Ни боевой корабль, ни разведчик, похоже, не могли совершать межзвездные перелеты, как «Шируг» — средних размеров, оснащенный тяжелым вооружением, способный мгновенно покинуть

систему и появиться вновь, способный маневрировать в непосредственной близости от планеты — таких фокусов огромный и хрупкий «Сабер», покрытый броней и обладающий колоссальной огневой мощью, мог и не выдержать.

Земляне остались недовольны. «Сабер» набирал скорость, его наездники держались рядом с ним. Это не было преследованием. Какое-то время Шарн не находила себе места, обрушивая свою ярость на просыпающихся юнцов, но наконец поняла, что здесь, рядом с мри, земляне не собираются принимать меры ни против нее, ни против ее корабля. Впрочем, они вряд ли смогли бы осуществить свои угрозы. Свои приказы Шарн получила от Хулага, и хотя иногда она не доверяла юношеской импульсивности старшего Аланя, его знаниям и опыту, что на сто двенадцать лет превосходили ее собственные, она верила беспрекословно.

Хулаг, в частности, хорошо знал землян, и, похоже, был уверен, что нынешнее перемирие не будет нарушено, даже если регулы поставят их в трудное положение. Подобная линия поведения была неприятной. Регулы не были бойцами, их агрессивность не шла дальше слов и теории. Шарн чувствовала бы себя куда безопас-

нее, будь у нее на борту мри, чтобы управлять столь нелогичными процессами, как уклонение и бой. В непредсказуемости боя мри не знали себе равных. Но впереди их ждала встреча с мри, и непривычная перспектива сражения с ними глубоко тревожила Шарн.

Уничтожить.

Уничтожить — и пусть земляне убирают обломки. О, регулы умели использовать менее опытные расы! Регулы принимали решения; менее опытные расы выполняли все остальное… и Хулаг, опираясь на свой громадный опыт, решил, что земляне именно так и сделают.

Донесся слабый пульсирующий сигнал, еле слышный из-за стука двух ее сердец; подкрутив регулировку, Шарн усилила сигнал.

«Дружба, — говорил тот. — Дружба.»

На языке землян.

Предательство.

Именно этого боялся Хулаг: мри, оставив службу у регулов, будут наняты снова. И это дело рук землянина по имени Дункан, что возился с мри.

Шарн засекла источник сигнала, выстрелила. Тот умолк.

Несколько мгновений на нее обрушивался шквал голосов землян, пытавшихся узнать при-

чину стрельбы. Они еще не успели принять сигнал.

— Обломки, — ответила Шарн. Регулы не лгали; но они еще и не всегда говорили правду.

Возможно, такого ответа землянам оказалось достаточно. Во всяком случае, они ничего не сказали.

«Шируг» захватил лидерство. Может быть, сказывалось преимущество в скорости. А может, землян вполне устраивало, что она проведет разведку внутренних систем обороны, и, поверив словам Шарн, ее оставили в покое. Она сомневалась в этом. Шарн была уверена лишь в скорости «Шируга» — корабль был выстроен для того, чтобы нанести удар и исчезнуть… «Сабер» же был аналогом древних авианосцев землян и, ведя бой, практически не двигался. Внутрисистемный истребитель «Сантьяго» обладал, без сомнения, достаточной скоростью, но серьезной угрозы для «Шируга» не представлял. О «Флауэре» же здесь вообще речи быть не могло.

Шарн заставила себя забыть о них; информация Хулага, как всегда, оказалась точной. «Шируг», оторвавшийся от своих спутников в соответствии с последней договоренностью, по-прежнему сохранял преимущество во всем, кроме брони и

огневой мощи.

И она собиралась воспользоваться этим, велев Суту выслушивать очередные бормотания землян. Главное — исследовать саму планету, оказаться на ней первыми.

Уничтожить — и пусть земляне справляются с последствиями.

# 19

Тяжело было останавливаться, когда до города, казалось, было рукой подать — так близко, так дразняще близко… но близилась ночь, и Ньюн заметил, что землянину нелегко: дыхание Стэна было хриплым. В конце концов Мелеин чуть замедлила шаг, и, незаметно кивнув Ньюну на Дункана, сообщила, что желает остановиться.

— Ночью нам лучше отдохнуть здесь, — сказала она.

Дункан, даже не поднимая глаз, подчинился, и они развернули циновки, чтобы сидеть на холодном песке, и наблюдали, как садится солнце. Его лучи слегка окрасили шпили города на холмах напротив.

— Простите, — неожиданно проговорил Дункан.

Ньюн взглянул на него: Дункан закрылся вуалью, должно быть, — подумал Ньюн, — не в силах сдерживаться, а может, чтобы воздух причинял ему меньше страданий. Мри чувствовал скрытое вуалью душевное состояние — то была обособленность, сама по себе серьезная рана.

— "Сов-кел", — негромко окликнул Дункана Ньюн; "брат-кел" — так Келы ласково называли своих родных братьев. — Иди, садись поближе к нам. Холодно.

Самим мри было не так уж и холодно, но Дункан подошел и, казалось, приободрился от этого, а может быть ему на самом деле стало уютнее, потому что тело его было не таким горячим, как их тела. Кел'ен и землянин прижались спинами друг к другу, ибо иной опоры не было. Даже Мелеин в конце концов не выдержала и прислонилась спиной к коленям Ньюна. Они молчали и смотрели на город, что сейчас погружался во тьму, и на звезды, которых было гораздо меньше, чем в его родном небе… и Ньюн спрашивал себя: неужели их планета находятся на самом краю галактики и, следовательно, их раса возникла гораздо раньше, тогда как народ Дункана пришел откуда-то из нее самой.

Долгое, долгое путешествие, которое уводило Народ внутрь. Ньюн в душе желал, чтобы этот переход длился вечно, чтобы они могли вечно идти к городу, с надеждой, не зная, какая правда ждет их там.

И все же Дункан провозгласил, что обнаружил там колебания энергии.

Ньюн закусил губу и сместил свой вес, отчего им обоим стало неудобно сидеть, и понял наконец, что его внезапно обеспокоило.

Присутствие дуса.

— Они вернулись, — прошептал он.

— Да, — отозвался через мгновение Дункан.

Зашуршал песок. Послышалось пыхтение. Наконец появились дусы, наклонив головы и бездумно глядя в их сторону, словно в самый последний момент звери забыли, зачем шли сюда.

И в этот раз дусы не отпрянули, а подошли поближе. Мелеин отодвинулась в сторону, а Ньюн и Дункан приняли зверей, которые искали их.

Удовольствие. Лаская массивную голову, что все время норовила ткнуться в его бок, Ньюн провел рукой вдоль туловища; на покрытых теперь грубой шерстью боках явно прощупывались ребра.

— Он стал совсем другим! — воскликнул Дункан. — Ньюн, они оба здорово похудели. Может, у них появились детеныши?

— Никому еще не удавалось угадать: «он» дус или «она». — Ньюн был недоволен произошедшей в зверях переменой — и еще тем, что Дункан, совсем новичок, высказал то, о чем сам мри только-только начал догадываться. — Некоторые

говорят, что у дусов есть самцы и самки. Никогда еще, — добавил он доверительно, — никто не видел маленького дуса.

— Может быть, — проговорила Мелеин, — маленькие дусы совсем не похожи на обычных детей. Там, откуда они пришли, родившийся беспомощным не выживает.

Ньюн поднялся и осмотрел освещенную луной землю, но дусы умели хорошо прятаться, и если где-то поблизости и были малыши, мри не смог разглядеть их. Но когда Ньюн снова уселся, и дус положил ему голову на колени, беспокойство за зверей все еще не покидало его.

— Опасно, — сказал Дункан, — выпускать новый вид животных на планету, особенно на такую хрупкую, как эта.

Дункан говорил. У Ньюна была мысль во имя любви запретить говорить это.

И внезапно Дункан склонил голову, и возникло беспокойство в чувствах дусов.

— Это так, — негромко сказала Мелеин. — Но без них нам будет одиноко.

Дункан молча посмотрел на нее и наконец обхватил руками шею своего зверя, и склонил голову, и успокоился. Ньюн устроил в середине Мелеин, и они заснули, заснули все — впервые с

тех пор, как оставили корабль, ибо дусы были с ними, охраняя их, и тепло зверей согревало их.

Дусы все время увеличивали свою численность, порождая других дусов, которые появлялись на свет взрослыми и заполняли планету, пока вся Кутат не стала принадлежать им, и они заполнили улицы мертвых городов, и мри были не нужны им.

Ньюн мгновенно проснулся, встревоженный пробившимися сквозь ночной кошмар мыслями дуса, чувствуя, как стекает по лицу холодный пот… рядом, такие же взволнованные, зашевелились остальные, похоже, озадаченные тем, что их разбудило. Дункан окинул взглядом холмы, словно какой-нибудь ночной бродяга мог приблизиться к ним.

— Пустяки, — сказал Ньюн.

Он не рассказал про свой сон: страх все еще не отпускал его. Ньюн никогда в жизни не чувствовал себя настолько подвластным дусам — он лишь разделял их ощущения. Присутствие землянина: это оно породило подобное подозрение, для которого не было никаких оснований.

«У дусов, — напомнил он себе, — нет памяти.» Для этих двух зверей Кесрит больше не существовала. Они никогда не вспомнят планету, пока не

увидят ее вновь, а этого никогда не произойдет. Личности и места: вот и все, что сохранялось внутри их толстых черепов… и сейчас для них существовала лишь Кутат. Они, в отличие от людей, словно бы родились и выросли здесь.

Ньюн снова закрыл глаза, устыдившись сна, о котором, скорее всего, догадывалась Мелеин — правда, она могла по ошибке приписать это Дункану — и почувствовал себя одураченным, ибо разделил ночные страхи землянина, связанные с рождением дуса. Сейчас зверь излучал спокойствие. Ньюн вобрал его и растворился в тепле, отвергая страх.

По крайней мере, у дуса не было памяти.

На следующий день они шли не спеша; зная, что Дункану тяжело передвигаться в разреженном воздухе, они не слишком торопили его.

И они были осторожны, и шли, стараясь держаться неровностей местности, и с присущей дусам мудростью стремясь, чтобы их не заметили из города.

Но чем ближе они подходили, тем бесполезнее казались их предосторожности.

Старый, старый. Теперь Ньюн ясно видел то, о чем лишь догадывался: шпили в развалинах — их давно не ремонтировали, повсюду груды

обломков. Никто из людей не произнес ни слова: они не хотели признаваться себе в увиденном.

В конце концов они отбросили осторожность. Ветерок, что несколько дней дул им навстречу, внезапно усилился, бросая пригоршни песка в их плотно закрытые вуалями лица, отнимая у людей силы. Дусы шли, сжав ноздри и опустив головы, изредка фыркая, и явно сомневаясь в рассудке своих хозяев, которые упорно шли вперед. Глаза Ньюна жгло, несмотря на защиту мигательной перепонки, и он опустил козырек зейдх — Дункан сделал это сразу же, как только усилился ветер; Мелеин опустила внутреннюю вуаль из легкой кисеи на своем головном покрывале, сэрех, которая полностью закрыла лицо госпожи, превратив ее в невыразительную белую фигуру, подобную их черным фигурам.

В любом другом случае благоразумие заставило бы их искать укрытие — подобных довольно гостеприимных мест здесь хватало; но они продолжали медленно идти, по очереди таща упрямые санки.

Реки песка струились по улицам города. Словно призраки, шли люди среди руин, и остававшиеся позади них следы мгновенно исчезали. Над ними возвышались шпили, тающие за ржавыми об-

лаками пыли, изредка проступая в пронзавших мрак солнечных лучах; и ветер обрушивался на узкие улицы, завывая демоническим голосом, колотя песком по их козырькам.

Шпили и перекрывающиеся арками цилиндры, сплошные цилиндры, проступающие на фоне закутанного в песчаную вуаль солнца… ничего подобного Ньюну никогда прежде видеть не приходилось. Он внимательно смотрел вокруг, и не мог отыскать ничего знакомого, ничего, что сказало бы ему: «здесь живет Народ». Его охватил страх, на душе стало невыносимо тяжело.

Они немного отдохнули, укрывшись в остове разрушенного шпиля, подавленные воем ветра снаружи. Дункан закашлялся — сухой, надоедливый звук, который умолк лишь тогда, когда мри заставили его выпить немного воды; и Ньюн сложил вдвое закрывающую лицо землянина вуаль — самим мри это подсказали мудрые боги, и теперь Дункан мог дышать, не боясь пыли.

Но никто из них не говорил о городе и о том, что они увидели. Набравшись сил, они снова окунулись в бурю; и была очередь Дункана тащить санки, что на поворотах шипели на песке и скрежетали на камнях; и какая бы не была эта ноша, они не бросали то, что несли. Хотя и сомневались

в том, что это нужно.

Мелеин упорно вела их к центру города — сам Ньюн тоже бы выбрал это направление: в сердце лабиринта улиц, ибо в центре всегда располагались священные места, святилища, а справа от центра неизменно размещался и'ид су-шипэйн, проход в башню госпожи. В любом выстроенном ими сооружении мри всегда знали свой путь — и так было и в те времена, когда существовали города.

Дусы снова покинули их. Оглянувшись, Ньюн заметил, что зверей нет, хотя он по-прежнему ощущал их прикосновения. Дункан повернул ослепленное черной маской лицо в том же направлении, потом снова взглянул на дорогу, которой их вела Мелеин, и налег на веревки. Визг полозьев по голому камню на миг перекрыл рев ветра, и утих, когда под ногами снова оказался песок.

И шпили внезапно расступились, и они вышли на огромную площадь.

Здесь стоял эдун, Дом, к которому они стремились… наклонившиеся стены, четыре башни на едином фундаменте; Дом, который они знали, был глиняным, приземистым и грубым… этот же, закутанный в вуаль песчаной мглы, был из ша-

франового [шафрановый — желто-оранжевый с коричневым оттенком] камня, и своды сливались в своей верхней части — громада, приводящая в трепет — превратившая все воспоминания Ньюна в нечто маленькое и незрелое… песня, которой его эпоха была лишь отголоском.

— Боги… — выдохнул Ньюн, увидев, что смог однажды сотворить Народ.

Здесь должно было быть Святилище, если, конечно, оно сохранилось; здесь должно было быть сердце Народа, если кто-то еще остался в живых.

— Идем, — поторопила их Мелеин.

Они с трудом стали подниматься к дверям: Дункан медленно толкал вперед санки, а Ньюн, ухватившись рукой за веревку, помогал ему. Двери распахнулись перед ними; белая фигура Мелеин первой ступила во мрак, и Ньюн, встревоженный ее поспешностью, покинул Дункана.

Мрак внутри не таил угрозы; здесь было заметно тише, и тучи песка и пыли не проникали далеко внутрь. В неясном свете, льющемся из распахнутой двери, Мелеин свернула свою вуаль, откинув ее поверх длинных волос; Ньюн поднял козырек и направился обратно, чтобы помочь Дункану, который одолевал дверной проем; когда они втащили санки внутрь, полозья грубо заскре-

жетали. Звук эхом отозвался от погруженных в тень стен и сводчатого потолка.

— Берегите глаза, — сказала Мелеин.

Обернувшись, Ньюн увидел, что она тянется к панели у дверного проема: вспыхнул свет, холодный и резкий. Мигательная перепонка среагировала мгновенно, и даже сквозь ее пелену Ньюн увидел черные узоры на стенах, вздымавшихся над ними: письмена, похожие и непохожие на те, что создавала Мелеин, застывшие, и угловатые, и могущественные. Вскрик сорвался с губ Мелеин в благоговении перед увиденным ею.

— Пол в холле чист, — с удивлением отметил Дункан, вытирая слезы с покрытого пылью лица и оставляя полосы грязи. Ньюн взглянул на расходившиеся из холла коридоры и увидел, что пыль осталась у его порога: дальше дорога была чистой и сверкающей. В затылок мри впились тысячи иголок, словно кел'ен почувствовал присутствие дуса. Казалось, место должно было вселить в него надежду. Но то была скорее тревога, сознание того, что ты чужой в этом холле. Он спросил себя, где дусы, почему они ушли, страстно желая, чтобы сейчас они были рядом с ним.

— Идем, — сказала Мелеин. Она говорила очень тихо, и все же голос ее порождал эхо. — Принеси-

те пан'ен. Вы должны нести его.

Они отвязали пан'ен от санок, и Ньюн осторожно передал его Дункану — для него самого это была единственная ноша, нести которую он почел бы за честь, но кел'ен подумал, что обязан защищать пан'ен, а он не мог делать этого, если его руки были заняты.

— Ты сможешь нести его, сов-кел? — спросил Ньюн, ибо пан'ен был тяжелым и странно сбалансированным, а Дункан шумно дышал; но землянин подобающим мри жестом выразил согласие, давая понять, что сможет, и оба они, мягко ступая, двинулись вслед за Мелеин в освещенные и сверкающие залы.

Святилище Дома обычно располагалось между проходами на половины Келов и Сенов. Келы, в чьем ведении находилась дверь, Лицо, что Повернуто Вовне, всегда шли первыми; следом — святилище, Святое; а потом вход на половину Сенов, в башню Разума Народа, Лица, что Повернуто Внутрь, Незакрытых Вуалью. Здесь и в самом деле было святилище, маленькая, наполненная тенями комната, где лампы давно погасли, а стекло сосудов стало радужным от времени.

— Увы! — глубоко опечалилась Мелеин и коснулась изъеденной коррозией бронзы экрана Пана.

Ньюн поспешил отвести взгляд, ибо он увидел за экраном лишь мрак: там ничего не осталось.

Они быстро вышли отсюда, прихватив Дункана, который ожидал у двери, не решаясь войти внутрь; но по встревоженному взгляду землянина Ньюн решил, что тот все понял, ибо будь здесь кто-нибудь из Народа, в святилище Дома горел бы огонь. Ньюн на ходу коснулся холодной поверхности пан'ена, чтобы вновь вернуть себе веру и чистоту после царящего в святилище опустошения.

И все же вокруг горел холодный, чистый свет; их шагам по безукоризненно чистому полу вторило эхо, хотя снаружи повсюду лежал толстый слой пыли. Эдун жил. Он черпал силу из какого-то источника. Мелеин на миг задержалась у другой панели, и свет заполнил новые коридоры… альков башни Сенов и проход справа, где была башня какой-то давно умершей госпожи.

И самым горьким было увидеть проход в башню Катов, смеющийся над ними своей пустотой.

— Здесь может быть защита, — сказал Дункан.

— Это так, — отозвалась Мелеин.

Тем не менее она повернулась и принялась взбираться по лестнице башни Сенов, куда кел'ейнам вход был запрещен. Ньюн беспомощно

замер, тревожась за госпожу, пока та, задержавшись, кивком подозвала его, разрешая нарушить запрет.

Дункан с пан'еном в руках, тяжело дыша, последовал за ним; и постепенно они одолели извивающуюся лестницу, миновали бессмысленные отметки, на первый взгляд напоминавшие символы старого эдуна, однако эти были незнакомыми и выполненными с машинной точностью.

Стало светлее: они миновали последние подступы к холлу Сенов и следом за Мелеин вошли в огромное помещение, где эхом отдавались их шаги. Здесь было пусто. Ни ковров, ни подушек, ничего кроме изъеденных коррозией столовых приборов из желтой меди, что стояли на полке из шафранового камня. Казалось, что они рассыплются от одного прикосновения: настолько сильно разъела их коррозия.

Но не было и следа пыли, лишь на полке лежал толстый ее слой, какой должен был бы накопиться здесь за столько лет.

Мелеин шла дальше, через расположенные в дальней стене дверные проемы, в помещение, которое хорошо узнала за шесть лет, что она была сен'е'ен; и вновь она задержалась, чтобы позволить им сопровождать ее и увидеть то, что

всегда было запретным для Келов. Возможно, — с грустью подумал Ньюн, — теперь это уже не имеет значения.

Ярко вспыхнули огни, приветствуя ее. Перед ними располагались машины — ряд за рядом: это напоминало святилище Сил'атена, но гораздо более огромное. Ньюн на миг замер в благоговении, а затем, не дожидаясь приказа Мелеин, стал держаться за ее спиной. Госпожа не возражала, и Дункан присоединился к Ньюну.

Компьютеры, пульты управления: часть оборудования напоминала ему оборудование корабля, но было и такое, что он не смог опознать. Стены были белоснежными; центральная панель являла всем пять символов, огромных, в рост человека. Они были выполнены из такого же металла, что и пан'ен, который несли кел'ейны.

— Ан-ихон, — громко произнесла Мелеин, и звук, похожий на раскат грома, раздался в долгой тишине.

Машины внезапно ожили, засверкали огнями, и невольно вздрогнувший Ньюн услышал, как вскрикнул было и тут же умолк Дункан. Стоявший рядом с мри землянин опустился на колени, чтобы положить пан'ен, и вновь поднялся, держа руку на пистолете.

— Я воспринимаю, — сказал глубокий и равнодушный голос. — Продолжайте.

Мелеин вызвала его именем города: кожа Ньюна покрылась мурашками — ведь он увидел обозначение и услышал, как оно произносится: запретное… и еще это создание ответило им. Он увидел, что Мелеин сделала шаг назад, держа руку у своего сердца.

— Ан-ихон, — обратилась она к машине и, казалось, сам пол запульсировал в такт с миганием огней. Да, это сам город разговаривал с ними, и он говорил на хол'эйри, Высшем Языке, что оставался неизменным за все время существования мри. — Ан-ихон, где твой народ?

Шквал ярких огней пронесся по пультам.

— Неизвестно, — произнесла наконец машина.

Мелеин глубоко вздохнула… несколько мгновений она стояла неподвижно, и Ньюн боялся даже пошевелиться.

— Ан-ихон, — сказала она затем, — мы твой народ. Мы вернулись. Мы потомки Народа, что жил в Ан-ихоне и Зоухэйне, и Зу'и'ай-шэйе, и Ли'эй'хэйне. Известны ли тебе эти названия?

Снова шквал огней и звуков, невероятное возбуждение в машине. Ньюн шагнул вперед и предостерегающе протянул руку к Мелеин, но та

стояла неподвижно, не замечая его. Ряд за рядом оживали огнями в самых дальних уголках зала: все новые и новые секции заливались светом.

— Мы здесь, — отозвался другой голос. — Я — Зоухэйн.

— Назови свое имя, гость, — послышался более глубокий голос Ан-ихона. — Пожалуйста, назовите свои имена. Я вижу одного, не принадлежащего Народу. Пожалуйста, подтверди свои полномочия вызывать нас, гость.

— Я — Мелеин с'Интель Зайн-Абрин, госпожа Народа, что покидал Кутат.

Пульсация огней становилась все более согласованной.

— Я — Ан-ихон. Я подчиняюсь госпоже Народа. Зоухэйн, и Зу'и'ай-шэй, и Ли'эй'хэйн говорят через меня. Я ощущаю присутствие кого-то из чужих.

— Они здесь с моего позволения.

Теперь все огни пульсировали в унисон.

— Будет ли дозволено Ан-ихону задать вопрос? — Машина соблюдала ритуал, спрашивая госпожу; и от этого холод пробежал по коже Ньюна.

— Спрашивай.

— Кто этот человек из чужаков? Должны ли мы принять его, госпожа?

— Примите его. Он — Дункан-без-Матери. Он

пришел из Мрака. Этот, из Народа — Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, кел'ант моих Келов; другой — тень-что-сидит-у-нашей-двери.

— С тобой в город вошли и другие тени.

— Дусы подобны теням в нашем доме.

— Есть корабль, которому мы позволили сесть.

— Он доставил нас.

— Сигналы, которые он посылает, не на языке Народа.

— Ан-ихон, пусть он продолжает.

— Госпожа… — отозвался тот.

— Есть кто-нибудь из Народа в пределах города?

— Никого.

— Кто-нибудь из оставшихся здесь есть, Ан-ихон?

— Сформулируй вопрос по-другому.

— Кто-нибудь из оставшихся здесь уцелел, Ан-ихон?

— Да, госпожа. Живых много.

Ответ прозвучал, словно гром; сердце успело сделать несколько ударов, когда Ньюн, ожидавший _н_е_т_, осознал сказанное. Да. Да, много, м_н_о_г_о_, _М_Н_О_Г_О_!

— Госпожа! — воскликнул Ньюн, и слезы обожгли его глаза. Он стоял неподвижно, глубоко

дыша, чтобы избавиться от собственной слабости, и вдруг почувствовал на плече руку Дункана, и через мгновение Ньюн понял, что двигало землянином. Радость, — подумал он. — Дункан радовался за них. Ньюн был тронут этим, и в то же время его раздражало прикосновение землянина.

Землянина.

До того момента, как Ньюн услышал голос Ан-ихона, его вовсе не возмущало то, что Дункан принадлежит к расе землян; до того, как Ньюн узнал, что есть другие мри, он не ощущал различие между ними так остро.

Стыд коснулся кел'ена: ведь ему придется показаться перед своим Народом, волоча за собой груз своего собственного стыда, и бесчестия, и боли. Возможно, Дункан даже чувствовал это. Ньюн протянул руку, положил ее на плечо Дункана, сжал пальцы.

— Сов-кел, — сказал он тихо.

Землянин молчал. Может быть, у него тоже не было слов.

— Ан-ихон, — обратилась к машине Мелеин, — где они сейчас?

На центральном экране высветилась схема, на ней начали зажигаться пятнышки.

Десять, двадцать участков. Сформировался и начал поворачиваться глобус планеты, и здесь появились новые.

— У него не хватает мощности для того, чтобы показать каждый из этих участков, — пробормотал Дункан. Ньюн сжал пальцы, призывая землянина к молчанию.

Мелеин повернулась к ним и, распахнув руки, отпустила их.

— Ступайте. Подождите внизу.

Может быть, в этом был виноват Дункан; но скорее всего, все остальное касалось лишь Сенов, и Келам до этого не было никакого дела.

Народ уцелел.

Мелеин поведет их; и внезапно Ньюн подумал, что теперь ему понадобится все его мастерство, все, чему его учили… ибо самым главным в этих поисках Народа было то, что ему придется убивать; и необходимость подобного убийства приносила ему теперь гораздо большую горечь, чем когда бы то ни было.

— Идем, — сказал Ньюн Дункану. Потом нагнулся, чтобы взять пан'ен — теперь Ньюн был уверен, что им нечего бояться в городе, который подчиняется Мелеин.

— Нет, — сказала Мелеин. — Оставь его.

Он так и сделал, и вместе с Дунканом они вновь спустились туда, где оставались их вещи; и там они приготовились ждать.

Спустилась ночь. Из башни Сенов не доносилось ни звука; Ньюн сидел, тревожась из-за долгого молчания Мелеин, и Дункан не пытался заговорить с ним. Один раз, не находя себе места, он оставил землянина наблюдать, и поднялся в холл Келов: здесь была лишь пустота, и холл намного превышал по своей протяженности тот, с земляными стенами, который Ньюн знал. Картины, карты, нарисованные здесь, выцвели от времени; на них изображался пришедший теперь в упадок мир, и это зрелище угнетало Ньюна.

Тревожась за Дункана, что остался один в главном холле, он поспешил уйти отсюда и направился к уходящей вниз винтовой лестнице. Какой-то чирикающий механизм прошмыгнул позади него… Ньюн резко развернулся и схватился за пистолет, но это была всего-навсего электронная игрушка, уборщик, такой же, как у регулов. Стало ясно, почему здесь было так чисто и кто ремонтировал древние машины.

Он пожал плечами, слегка вздрагивая, и спустился к Дункану — испугав землянина, который, увидев что тревога ложная, облегченно вздохнул

и снова уселся.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вернулись дусы, — сказал Дункан.

— Да, — согласился Ньюн. Отсутствие зверей сильно сковывало их. Они не осмеливались оставлять внешнюю дверь без охраны. Ньюн взглянул в ту сторону, где была лишь ночь, а потом принялся за исследование их груза. — Я хочу отнести госпоже что-нибудь поесть. Думаю, что нам не придется выступить сегодня ночью. И не забывай, что здесь есть несколько небольших автоматов. Похоже, они безвредны. Не повреди их.

— Мне кажется, — негромко проговорил Дункан, — что Ан-ихон может быть опасным, если захочет.

— Это мне тоже приходило в голову.

— Он сказал… что _п_о_з_в_о_л_и_л_ кораблю совершить посадку. Выходит, он мог и не позволить этого.

Ньюн медленно выдохнул и, постаравшись выкинуть это из головы, взял пакет с едой и флягу, но слова Дункана по-прежнему звучали в его мозгу. Землянин научился неплохо скрывать свои мысли; теперь Ньюн не мог по его лицу точно узнать, о чем тот думает. Но встревожил его скрытый смысл сказанного: Дункан думал не

о посадке их корабля.

О другом.

О землянах, которые должны прилететь.

Вот о чем предлагал ему подумать Дункан.

Ньюн поднялся и, не оглядываясь, стал взбираться в холл Сенов; мысли о предательстве не покидали его — но предательства не будет, если Дункан принадлежит Мелеин.

Каким _б_ы_л_ человек?

Он осторожно вошел во внешний холл Сенов и громко позвал госпожу, ибо дверь оставалась открытой; Ньюн мог слышать голос машины, который, скорее всего, заглушал его слова.

Но Мелеин появилась. Глаза ее были подернуты легкой дымкой, в них застыло изумление. Ее слабость испугала его.

— Я принес тебе поесть, — сказал Ньюн.

Она взяла протянутые ей еду и воду.

— Спасибо, — проговорила Мелеин и, повернувшись, медленно вошла обратно в ту же комнату. Он задержался и увидел то, что ему не следовало: открытый пан'ен, наполненный листами золота… пульсацию огней, что звала Мелеин, смертную плоть, которая разговаривала с машинами, что были городами. Госпожа стояла, и полыхающий бело-голубым, словно звезда, свет

омывал ее фигуру в белой мантии. Пакет с едой выпал из безвольно повисшей руки Мелеин и развернулся, фляга выскользнула из другой руки и бесшумно упала на пол. Девушка, казалось, не заметила этого.

— Мелеин! — крикнул он и рванулся вперед.

Она повернулась, протестующе вскинув руки, лицо испуганное. Голубой свет ворвался в его глаза: Ньюн отпрянул, рухнул на пол, полуослепленный.

Звучали голоса, и один из них принадлежал Мелеин. Ньюн поднялся на одно колено, а когда госпожа подошла и коснулась его, поднялся на ноги, хотя сердце по-прежнему колотилось от пережитого потрясения.

— С ним все в порядке? — спросил голос Ан-ихона. — С ним все в порядке?

— Да, — ответила Мелеин.

— Уходи, — твердил ей Ньюн. — Уходи; оставь ее, хотя бы до утра. Что есть время для этой машины? Уйди отсюда и отдохни.

— Я поем и отдохну здесь, — сказала она. Ее ладони ласково погладили руку Ньюна и исчезли, когда она оставила его, направляясь в комнату, где находилась машина. — Не пытайся войти сюда.

— Я боюсь этой машины.

— Ее нужно бояться, — Мелеин задержалась, чтобы поговорить с ним, и глаза госпожи заполняла бесконечная усталость. — Мы не одиноки. Мы не одиноки, Ньюн. Мы отыщем Народ. Взгляни на себя, кел'ен госпожи.

— Где мы отыщем их… и когда, госпожа? Машина знает?

— Здесь были войны. Моря высыхали; Народ слабел и воевал сам с собой; из-за нехватки воды покидались города. Лишь машины оставались здесь — Ан-ихон говорит, что учит всему этому Матерей, которые приходят сюда для того, чтобы обрести мудрость. Уходи! Я еще не узнала всего. А я должна. Ан-ихон тоже учится у меня, и делится знаниями со всеми Городами Народа, и, возможно с Тем, который он называет Живым Городом. Я не знаю: мне еще не совсем понятно, как связываются между собой города. Но в моих руках Ан-ихон. Он подчиняется мне. И благодаря этому в моих руках Кутат.

— Я — Рука госпожи, — сказал Ньюн, ошеломленный опрометчивостью подобного взгляда.

— Смотри за Дунканом.

— Да, — отозвался он и, повинуясь ее отстраняющему жесту, вышел, по-прежнему чувствуя

в костях боль, что оставило оружие машины; Ньюн все еще никак не мог прийти в себя, и порожденные словами госпожи мысли блуждали в его мозгу, не в силах удержаться там… но Мелеин говорила и о битве, а, значит, Ньюн понадобится ей.

А-ани. Вызов. Госпожа не сражалась: самые искусные кел'ены служили ей, не подвергая опасности ее жизнь.

Мелеин готовилась сражаться сама.

Он в молчании вернулся в холл внизу, устроился в углу, разминая болезненно ноющие руки, и пытаясь представить в своем взбудораженном сознании, какие убийства придется совершить.

— С госпожой все в порядке? — непрошенно нарушил его покой Дункан.

— Она не спустится. Она разговаривает с ней… с _н_и_м_и_. Она обсуждает войны, кел Дункан.

— Это необычно для Народа?

Ньюн взглянул на него, готовый взорваться, и внезапно понял, что землянин просто использовал не те слова.

— Войны. Войны мри. Войны с применением оружия, убивающего на расстоянии. — Ньюн перешел на му'а, и тогда Дункан, похоже, понял его, и быстро умолк.

— Пора бы уже дусам прийти, — внезапно сказал Ньюн, уводя свои мысли от подобных перспектив, и, уступив своему беспокойству, подошел к двери и рискнул позвать зверей тем переливчатым окликом, что иногда, очень редко, мог созвать их.

В этот раз ничего не получилось. Ни в эту ночь, ни в следующую никто не отозвался.

Но на третью ночь, когда Мелеин заперлась в башне Сенов, а они томились в своем уединении внизу, снаружи послышались знакомое дыхание, и стук когтей по ступеням, и тот особый нажим на чувства, что предвещал появление дусов.

В эту ночь они впервые смогли заснуть по-настоящему, согретые теплом устроившихся рядом зверей, и уверенные, что те предупредят их, если появится опасность.

Пришла Мелеин; резкий хлопок ладоней напугал кел'ейнов и зверей, заставив их проснуться в смущении, ибо хотя она не была врагом, все же застала их спящими.

— Идем, — сказала госпожа, и, когда они вскочили, готовые исполнить любое ее повеление: — Народ близко. Ан-ихон зажжет для них сигнал вызова. Они придут.

# 20

Дни бури оставили после себя в городе груды песка, высокие дюны, которые принимали фантастические очертания в обрушившемся на площадь свете.

Дункан посмотрел на горящий на вершине эдуна сигнал вызова, что бросал могучие отблески в еще темное небо, зовущий всех, кто мог находиться в виду города.

И Народ придет на этот зов.

Они ничего не взяли с собой: пан'ен, санки со всем, что у них было, остались в эдуне. Если ничего не случится, они вернутся; если же нет — все это уже никогда им не понадобится. Дункан подумал, что хотя Ньюн ничего не сказал о том, насколько это рискованно, ни о каком полете даже речи быть не могло.

Чем ближе они подходили к границам города, тем сильнее тревожились дусы. Ньюн обрушил на них отрывистые команды — к такому дусы не привыкли. Звери покинули их и быстро исчезли среди мрака и руин.

— Может быть, мне тоже уйти? — поинтересо-

вался Дункан.

Мри посмотрели на него.

— Нет, — сказал Ньюн. — Нет, — откликнулась Мелеин, словно это предложение обидело их.

И на рассвете на обращенной к городу песчаной гряде возникла черная линия.

Кел'ейны.

Лицо, что Повернуто Вовне.

— Шон'ай, — негромко сказал Ньюн. Шон'ай сэй'джирэн, клинок брошен. Бросок сделан: пути назад нет. — Госпожа, ты подождешь или пойдешь?

— Я пойду с вами… чтобы на той стороне не оказалось какого-нибудь слишком обеспокоенного кел'ена. Есть другие Матери. Посмотрим, уважают ли здесь закон.

И с первыми лучами Нэй'ай'ина черная линия приблизилась, превратившись в одинокую колонну. Втроем они зашагали навстречу ей, и слов не было.

Колонна остановилась, двое кел'ейнов отделились от нее и вышли вперед.

Мелеин тоже остановилась.

— Идем, — сказал Ньюн Дункану.

Они пошли без госпожи.

— Сохраняй молчание, — проговорил Ньюн,

— и держись слева от меня.

И на расстоянии, на котором их было едва слышно, незнакомые кел'ейны остановились и окликнули Ньюна и Дункана. Это был му'а, и Дункан смог понять лишь слово «госпожа».

— Среди Народа, — прокричал им в ответ Ньюн, — хол'эйри забыт?

Двое незнакомцев прошли вперед и задержались: Дункан чувствовал их взгляды на себе — его лицо не было скрыто вуалью. Они заподозрили неладное, — почувствовал Стэн, глядя на них.

— Кого ты привел с собой? — спросил Ньюна старший — уже на хол'эйри. — Кто это такой, кел'ен?

Ньюн промолчал.

Взгляды незнакомцев переместились вдаль, за спину Ньюна, и вернулись вновь.

— Здесь земля Сочил. Кто бы ты ни был, извести об этом свою госпожу и испроси ее милости на то, чтобы убраться. Мы не хотим этой встречи.

— Корабль вторгся на вашу землю, — сказал Ньюн.

Противоположная сторона молчала. Им было известно это, они смутились: чтобы почувствовать это, не нужен был дус.

— Мы принадлежим Мелеин с'Интель Зайн-

Абрин, — проговорил Ньюн.

— Я — Хлил с'Сочил, — сказал более молодой, рука его угрожающе скользнула к поясу. — А ты, незнакомец?

— Я — дэйтон Ньюн с'Интель Зайн-Абрин, кел'ант Келов Мелеин.

Хлил мгновенно переменил позу на менее угрожающую, сделав слабый жест уважения. Он и его старший товарищ были одеты в грубую одежду, черный цвет которой давно выцвел; но мантии их были украшены множеством джи'тэй — наград, что поблескивали в холодном свете солнца… а их оружие, ин'ейн, было изношенным и, похоже, не залеживалось в ножнах.

— Я — Мирей с'Элил Ков-Нелан, — проговорил старший. — Дэйтон и кел'ант Келов Эдуна Ан-ихон. — Что нам сказать нашей госпоже, кел'ант?

— Скажите, что это вызов.

На мгновение стало тихо. Глаза Мирея взглянули на Дункана, встревоженные присутствием постороннего; и Стэн подумал, что тот опасается вопросов, которые мог бы задать землянин. Им было известно о корабле; и глаза Мирея заполняла тревога.

Но Мирей внезапно поклонился и пошел прочь;

Хлил последовал за ним.

— Они почувствовали во мне что-то неладное, — сказал Дункан.

— Придет их госпожа. Теперь это ее задача. Стой спокойно; сомкни руки за спиной. Не делай ничего из того, что тебе прикажут.

Так стояли они, и ветер мягко теребил их мантии и просеивал верхний слой песка. Через некоторое время тишину нарушили шаги: подошла Мелеин.

— Ее имя — Сочил, — не поворачивая головы, проговорил Ньюн. — Мы сообщили ее кел'анту о твоих намерениях.

Госпожа ничего не сказала, ожидая.

И в абсолютной тишине пришел Народ: первыми появились кел'ейны, окружая их, ряд за рядом — и пожелай они теперь улететь, путь был отрезан. Дункан и его спутники стояли спокойно, словно каменные изваяния — и чужие Келы стояли точно так же. И Стэн чувствовал взгляды, устремленные на него, на них всех, ибо, без сомнения, странность была даже в Ньюне и Мелеин, в изяществе их одежды, в захен'ейн, что носили они вместе с ин'ейн; в ином покрое зейдх с ее темным пластиковым козырьком, в том, как аккуратно она была свернута — тогда как одежда

чужих была простой, измятой, вуали переплетены с головными покрывалами, а не пристегнуты к металлической полоске, как у Ньюна и Дункана. Края мантий были рваными, рукава истрепались. Рукоятки их оружия были из кости и покрытого лаком волокна; у Ньюна же они были из меди и золота, и обернуты чо-шелком — Дункан подумал, что даже его собственное оружие лучше, чем то, что было у этих кел'ейнов.

Предметом всеобщего благоговения среди них был Ньюн: Дункану было неизвестен титул, которым Ньюн назвал себя — «дэйтон» примерно соответствовало слову «сын», но было здесь и некое отличие; но внезапно Стэну пришла в голову мысль, что родственник госпожи по своему рангу близок к самой госпоже.

Сам он был Дунканом-без-Матери. Стэн начал спрашивать себя, какая же судьба уготовлена ему… и что это за разговор о вызове? Его собственное мастерство оставляло желать лучшего. Он не мог обнажить ин'ейн против таких, как эти. Он не знал, чего добивался от него Ньюн.

«Не делай ничего из того, что тебе прикажут». Стэн достаточно хорошо знал мри, чтобы безоговорочно поверить Ньюну. Здесь на весы были брошены жизни.

Позади черных появились золотые мантии. Там стояли Сены, ученые Народа; и они пришли без вуалей, старые и молодые, мужчины и женщины, и у большинства из них не было сет'ал, хотя у некоторых голубели эти ритуальные шрамы келов. Сены расположились между Келами, скрестив руки, ожидая.

Но когда вперед выступила Мелеин, сен'ейны закрылись вуалями и отвернулись. И между ними появилась старая женщина, одетая в белую мантию.

Сочил, госпожа. Черная кайма украшала ее одежды; мантия же Мелеин была полностью белой. У нее, в отличие от Мелеин, не было сет'ал. Она вышла вперед и остановилась, разглядывая Мелеин.

— Я — Сочил, госпожа мри джей'эном. Ты вторглась на территорию, что тебе не принадлежит, госпожа.

— Этот город, — сказала Мелеин, — город моих предков. Он мой.

— Уходи с моих земель! Уходи, пока цела. Никто не вправе заявлять права на Ан-ихон. Ни о каком вызове здесь не может идти речи.

— Я — Мелеин, госпожа всего Народа; и я вернулась домой, Сочил.

Губы Сочил задрожали. Ее лицо сморщилось от солнца и непогоды. Глаза ее испытующе смотрели на Мелеин, и дрожь не прекращалась.

— Ты безумна. Госпожа Народа? Ты более, чем безумна. Скольких из нас ты убьешь?

— Народ покидал Мир; и я — госпожа всех тех, кто уходил, и всех, кто вернулся, и всех городов, чьими посланниками мы были. Я бросаю вызов, Сочил.

Глаза Сочил на миг скрылись за мигательной перепонкой, и руки ее взметнулись в защищающем жесте.

— Будь ты проклята! — вскричала она, и закрылась вуалью, и отступила к своим Сенам.

— Тебе брошен вызов, — громко сказала Мелеин. — Или отдай мне своих детей, госпожа мри джей'эном, или я сама возьму их.

Госпожа молча удалилась, и Келы выстроились стеной, защищая ее. Никто не двигался. Никто не разговаривал. Ныли от напряжения мускулы. Повернутая к ветру сторона тела становилась все более холодной, и потом немела.

И пришел кел'ант Мирей с'Элил Ков-Нелан, и два кел'ейна — мужчина и женщина.

— Госпожа, — проговорил Мирей, почтительно кланяясь Мелеин. — Я — кел'ант Мирей с'Элил

Ков-Нелан. Моя госпожа предлагает тебе двух кел'ейнов.

Жестом рук Мелеин выразила изумление и презрение.

— Она торгуется? Тогда пусть отдаст мне половину своих людей.

Лицо кел'анта осталось бесстрастным, но юный кел'ен рядом с ним не мог скрыть смущения.

— Я скажу ей, — сказал кел'ант, и с трудом отвернулся, и отступил к черной шеренге, которая защищала Сочил.

— Она откажется, — прошептала Мелеин Ньюну; слова ее замирали на ветру.

Ожидание длилось долго. Наконец кел'ейны расступились и показалась сама Сочил. Лицо ее было закрыто вуалью, и она остановилась, спрятав руки в рукавах своей мантии.

— Уходи! — в конце концов негромко сказала Сочил. — Я прошу тебя уйти и оставить моих детей в покое. Что ты хочешь делать с ними?

— Я вижу их бездомными, госпожа. Я дам им дом.

Возникла пауза. Наконец Сочил обвела рукой землю.

— Я вижу, ты сильно нуждаешься, прекрасная госпожа, в изысканных одеждах. Я вижу, у тебя

нет земли, нет Келов, нет Катов, нет Сенов. Пара кел'ейнов — и больше ничего. Но ты возьмешь себе моих детей и дашь им дом.

— Дам.

— Это, — сказала Сочил, сделав резкий жест в сторону Дункана, — э_т_о_ называется Народом там, откуда ты пришла? Таково вознаграждение моим Келам, когда будет убит твой кел'ант? Кого ты привела к нам облаченным в мантии кел'ена? Дай нам увидеть его лицо!

Рука Ньюна предупреждающе потянулась к поясу.

— Ты унижаешь себя, — проговорила Мелеин. — И все это не имеет значения, госпожа. Я сказала тебе, чего я хочу и что я сделаю. Я поселю твоих людей в доме — половину или всех, как пожелаешь. И я пойду, и соберу род за родом, пока все они не будут моими. Я — госпожа Народа, и я заберу всех твоих детей — половину сейчас, всех — позже. Но если ты отдашь мне половину, я возьму их и отменю вызов.

— У тебя ничего не выйдет. Города расположены на возвышенностях, и в них нет воды. Чужестранка-госпожа, ты безумна. Ты не понимаешь. Мы не можем строить, мы не можем направлять эли. Нас достаточно для земли, а ее

— для нас. Ты убьешь нас.

— Спроси Ан-ихон, который учил тебя, Сочил, и убедись, что это возможно.

— Ты грезишь. Дочь моих предков, ты грезишь.

— Нет, — сказала Мелеин. — Мать джей'эном, ты — дурной сон, которым спал Народ, а я дам твоим детям дом.

— Ты убьешь их. Я не позволю тебе забрать их.

— Ты разделишь их, госпожа, или примешь вызов?

Слезы катились из глаз Сочил, увлажняя ее вуаль. Она с ужасом взглянула на Ньюна и потом снова на Мелеин.

— Он очень молод. Вы оба очень молоды, и с вами чужак. Видят боги, вы не ведаете, что творите. Как могу я разделить своих детей?.. Госпожа, ты внушаешь им ужас.

— Ответь!

Сочил отрицательно покачала головой. Перепонка закрыла ее блестящие глаза, выдавив слезы, и госпожа повернулась, и гордо прошествовала прочь.

Ее люди стояли молча. Они могли бы, — подумал Дункан, — хоть как-то поддержать свою госпожу. Но Мелеин заявила свои права на них; теперь они смогут остаться Сочил только если

Сочил ответит на вызов.

Дойдя до шеренги своих Келов, Сочил внезапно остановилась и резко обернулась. — А'ани! — вскричала она. Вызов.

Мелеин обернулась к Ньюну, и тот, осторожно расстегнув пояс с захен'ейн, отдал его Дункану; потом, поклонившись Мелеин, он повернулся и вышел вперед.

Мирей с'Элил сделал точно так же.

Дункан стоял спокойно, держа в руке тяжелый пояс. Рука Мелеин коснулась его рукава.

— Кел Дункан… понимаешь… ты не должен вмешиваться.

И она закрыла свое лицо вуалью и прошла сквозь шеренгу враждебных кел'ейнов, и за ней, возбужденная, последовала Сочил. Стена кел'ейнов вновь сомкнулась за ними.

Тишину нарушал лишь свист ветра.

И Ньюн, и Мирей заняли свои места в центре круга, стоя лицом друг к другу на полуторной фехтовальной дистанции. Каждый поднял горсть песка и пустил его по ветру.

Потом из ножен с шелестом вышли ав'ейн-кел, большие мечи.

Выпад, после которого они поменялись местами; клинки сверкнули, легонько звякнули друг

о друга, замерли. Второй выпад: и кел Мирей остановился, словно просто забыл, где он; и упал. Казалось, клинок даже не коснулся его.

Лишь темное пятно расползалось по песку под ним.

Ньюн наклонился и погрузил пальцы в пыль, и вымазал свой лоб… а потом, словно во всем мире больше ничего не было, не обращая внимания на следящих за ним кольцом чужаков, принялся второй пригоршней песка очищать свой клинок.

Потом он выпрямился, вложил ав-кел в ножны, и замер.

Какое-то время было слышно лишь, как хлопают на ветру мантии. Потом донесся вопль из столпившегося позади шеренги Келов Народа.

Дункан замер, растерявшись: он видел, он слышал, он наблюдал, как шеренга пришла в движение: Ньюн тоже покинул его. В этом замешательстве про Стэна забыли.

Мужчины, с трудом прокладывая себе путь, медленно несли мертвого кел'анта в пустыню. Вскоре показались несколько кел'ейнов, несущих белый сверток, и Дункан заколебался: Сочил, решил Стэн, всей душой желая, чтобы он оказался прав. Как она умерла, кто убил ее, землянин не знал. Большая группа кел'ейнов унесли этот

труп прочь. Остальные разворачивали черные палатки и разбивали лагерь.

И бледное солнце скрылось за горизонтом, и подул холодный ветер; в сумерках Дункан стоял на краю лагеря и смотрел, как возвращаются похоронные команды… и наконец позволил себе сесть, ибо ноги его онемели и у него не было больше сил стоять на холоде и ветре.

Рядом с ним послышалось дыхание и негромкие шаги: дусы обычно приходили, когда им вздумается. Он ощутил их, и звери подошли к нему, принюхиваясь, узнавая его. Один из дусов хотел было уйти; Стэн позвал его: то был дус Ньюна. Зверь подошел и заворочался, устраиваясь рядом с ним. Дункан был рад их присутствию — с ними было не так одиноко, не так страшно.

И когда сгустился мрак, он увидел вышедшую из лагеря высокую фигуру, и блеск лунного света на бронзовых рукоятках оружия и козырьке зейдх, и даже издалека узнал Ньюна.

Стэн поднялся. Ньюн позвал его, и он подошел; дусы переваливались следом.

Ни объяснения, ничего. Дусы ощутили настроение Ньюна, которое лишь добавило напряжения. Вместе со зверями они направились в центр чужого лагеря, в самую большую из палаток.

Черные мантии заполняли ее, одинаковые безликие головы и тела, закутанные в одежды Келов, с закрытыми вуалями лицами; с одной стороны сидели несколько старейшин — сенов в золотых мантиях, без вуалей, и убеленная сединами женщина, и Дункан внезапно понял, что это кат'ант, глава касты Катов.

И в стороне сидела одинокая белая фигура, лишенная вуали — Мелеин.

Золотистая кожа; золотистые, снабженные мигательной перепонкой, глаза — все одинаковы… и лишь звери и сам Дункан казались чужими. Стэн прошел к Мелеин по коридору, который проложили Ньюн и звери, сердце его содрогалось от утраты и затаенного страха, ибо дусы вбирали ощущаемое ими напряжение и обрушивали все это на землянина; и он не позволил напряжению превратиться в ярость: сейчас здесь нет врагов.

И нет дружески расположенных к нему.

Дусы подошли к руке Мелеин и закружились перед госпожой, Ньюн занял место сбоку от нее, а Дункан пристроился в тени позади Мелеин; дусы принялись расхаживать взад и вперед, взад и вперед, поглядывая на толпу с плохо скрываемой враждебностью.

— Яй! — прикрикнул на них Ньюн. Малыш, на

этот раз уже не играя, привстал на задние лапы, и снова медленно опустился. Гости не дрогнули, но волны страха, идущие от них, стали сильнее. Фыркая, дусы подошли к Ньюну и Дункану и устроились между ними.

Из переднего ряда Келов поднялся Хлил с'Сочил и открыл лицо; и другие последовали его примеру. Хлил приблизился, неся пригоршню маленьких золотых предметов, и протянул их Ньюну, и Ньюн снял вуаль, и с поклоном взял их; после этого чувства гостей стали более спокойными.

Джи'тэй. Награды Мирея. Дункан слушал, наблюдал — вот подошли две кел'е'ен, женщина в летах и совсем юная девушка: каждой Ньюн отдал по одному джи'тэл — то были кровные родственницы Мирея, такие же гордые и свирепые — они касались рук Ньюна, и кланялись, и шли прочь, чтобы вновь занять место среди своих товарищей.

Новые вуали были сброшены — теперь все Келы открыли свои лица взгляду Матери, которая взяла их.

Свою вуаль Дункан не снимал, стыдясь собственной чуждости среди этих людей, и презирая свой стыд.

Подошли девять кел'ейнов — молодых и старых, чтобы прикоснуться лбами к руке Мелеин и назвать ей свои имена: они назвали себя Мужьями Сочил.

— Я принимаю вас, — сказала Мелеин, когда все наконец закончилось; и затем она поднялась и коснулась руки Ньюна. — Вот кто носит имя рожденного со мной, и он кел'ен госпожи и кел'ант над моими Келами. Будет ли вызов?

Головы склонились, вызова не было.

И, к смущению Дункана, Мелеин взяла его за руку, вывела вперед.

— Никаких вуалей, Дункан, — прошептала она.

Стэн отбросил вуаль, и даже дисциплина Келов не смогла предотвратить пораженных взглядов.

— Это кел Дункан, Дункан-без-Матери. Он друг Народа. Таково мое слово. Никто не тронет его.

Снова склонились головы, но уже не так охотно. Отпущенный Дункан снова отступил в тень, и встал около дусов. Если бы пришел вызов, Ньюну пришлось бы ответить на него, и мри сделал бы это. Стэн не был уверен в том, что может чувствовать себя в безопасности среди этих кел'ейнов: Дункан-без-Матери, человек, лишенный истоков.

— А теперь послушайте меня, — негромко за-

говорила Мелеин, снова опускаясь в свое кресло, единственный в палатке предмет мебели. — Послушайте, ибо я помогу моим товарищам постичь Мрак; скажите мне, если что-либо вспомните. Ибо все это известно мне.

— Что с этого мира ведут свое происхождение мри, и эли, и шурэй, и калас, и в минувшие года эли поглотили шурэй и калас, и мри оставались в тени эли…

— Что с тех пор, как был воздвигнут Ан-ихон, мри и эли знали одни и те же города, и разделяли их…

— Что эли строили, а мри защищали.

— Что в то время как угасало солнце и уходило изобилие, улетали корабли. Они были тихоходными, те корабли, но с ними мри завоевывали миры. Там было изобилие.

— И война. Войны захен'ейн. Войны чужих.

— Это так, — сказали сены, а келы и кат'ант изумленно зароптали.

— Мы могли бы образовать народ владык Кутат. Эли отвергли нас. Кое-кто из мри отверг нас. Мы продолжали войну. Одержали ли мы победу, нет ли — я не знаю. Некоторые из нас остались, а некоторые покинули этот мир. Медлительные корабли… и века. По временам мы сражались.

Восемьдесят и более эпох мы нанимались на службу к чужим. Что мы увидели, вернувшись?.. Удел Народа, потерпевшего неудачу, джей'эном, есть отчаяние.

Мы вернулись домой. Мы думали, что мы — последние, а это не так. Восемьдесят три Мрака. Восемьдесят три. Мы те, кто уцелел из миллионов ушедших.

— Ай! — зароптал Народ, и глаза их отразили, как стараются люди понять услышанное.

Потом поднялся старейший сен'ен, согнувшийся от старости мужчина.

— Нам ведомы Мраки. Тот, в который вошли вы, один из них. Тот, в котором остались мы — другой. Пришли ци'мри. Мы не сдались им, и они больше не возвращались. В те времена у нас была сила, но она таяла. Ци'мри не вернулись. И города умирали, а в последние годы воевали даже эли, эли против эли. Это была война несущих бремя, война расточительная. У нас была госпожа, которую звали Га'эй. Она увела нас в горы, где эли не могли жить. Даже тогда кое-кто из Народа отказались признать ее Предвидение и не пошли за ней, и остались в городах эли, и погибли, сражаясь за несущих бремя. Теперь эли постепенно исчезают, а мы полны сил. Это потому, что нас

невозможно держать в повиновении. Мы — ветер земли, госпожа; мы исчезаем и появляемся, и нам хватает земли. Мы просим тебя: не веди нас обратно. В городах очень мало воды. Земля не вынесет этого. Мы погибнем, если оставим ее.

Мелеин долго молчала, затем окинула взглядом собравшихся.

— Мы пришли из такой же земли. Мы не должны сложить руки и ждать смерти. Не этому учила меня госпожа, что произвела меня на свет.

Слова терзали, словно удар судьбы. Кел'ейны выпрямились, и сен'ант выглядел смущенным, и кат'ант сидела, переплетя руки на коленях.

— Ци'мри преследуют нас, — сказала Мелеин. — Вооруженные.

Дусы поднялись. Дункан подошел, обнял зверей, шепотом разговаривая с ними.

— Что ты доставила нам? — крикнул сен'ант.

— Факт, которому необходимо взглянуть в лицо, — отрезала Мелеин, и все вокруг застыли. — Мы — мри! На нас напали, нам бросили вызов, так неужели те, кто остался, будут отрицать, что они тоже мри, а я — госпожа этого эдуна и всего Народа?

— Кел'ант, — выдохнул старый кел'ен, — будет ли дозволено задать вопрос… кто, и когда, и с

каким оружием?..

— Я отвечу, — сказал Ньюн. — У Народа может быть другая судьба. Новая жизнь. _Ж_и_з_н_ь_ идет через эту пустыню мертвых миров. Наше пробуждение — это и есть жизнь, и мы должны этим воспользоваться.

Услышав это, Дункан вцепился руками в обвисшие складками шкуры дусов, прислонившись к беспокойно дрожащей стене палатки. О нем забыли. Они во все глаза смотрели на Ньюна, незнакомого кел'анта; на госпожу, что расточала обещания и угрозы.

Надежда.

Она светилась в золотистых глазах одетых в черные мантии келов, робко проступала на расчетливых лицах сенов. Лишь старая кат'ант казалась испуганной.

— Ан-ихон предоставил мне свои записи, — сказала Мелеин. — Я наполнила Ан-ихон и все города, которые соединены с ним, всем тем, что собрал Народ в своих скитаниях. У нас есть оружие, дети мои. У нас есть оружие. Мой кел'ант и я были последними. Больше никого. Больше никого. Закончилась последняя служба Келов, и служить мы больше не будем. На этот раз мы берем не плату. Это время принадлежит нам.

— Ай-е! — крикнул один из Келов, и крик этот всколыхнул остальных, и заставил сердце Дункана тревожно сжаться. Чувства дусов омывали его, наполняя всех вокруг смятением; эмоции Стэна делали их угрожающими, эмоции Ньюна — возбуждающими.

Кел'ейны вскочили с оглушительными криками; и сен'ейны тоже поднялись, скрестив руки, расчет светился в их суровых взглядах; и наконец поднялась кат'ант, и слезы текли по ее щекам.

Слезы за детей, — подумал Дункан, и к горлу его подступил комок.

— Убирайте палатки! — воскликнула Мелеин. — Мы отдохнем в городе, снова обретем то, что оставили там, зададим друг другу вопросы. Убирайте палатки!

Палатка начала пустеть; слышались возгласы на му'а джей'эном, звучали приказы.

И Ньюн стоял, наблюдая за их суетой, и, когда Мелеин вышла в ночь, Дункан поднялся и вместе с Ньюном последовал за ней; дусы неслышно выскользнули следом.

Мелеин оставила их, присоединившись к сенам. Здесь кел'ейнам было не место. Дункан стоял, ежась на холодном ветру, и Ньюн, в конце концов, отозвал его в сторону, откуда они могли

наблюдать за тем, как валились палатки, и где легко дышалось.

Встревоженные дусы жались к ним.

— Не беспокойся за себя, — внезапно проговорил Ньюн.

— Я не беспокоюсь.

— Мне горько, — сказал Ньюн, — что пришлось убить.

И он с присущим мри пренебрежением к мебели сел на песок, на котором они стояли. Дункан опустился на колени рядом с ним, глядя, как Ньюн достал из складок своей мантии завернутые в кусок ткани джи'тэй, доставшиеся ему после смерти Мирея; как начал прикреплять их к поясу, на котором они должны были висеть на свободно свисающих шнурах поверх его мантии.

Сложные узлы. Узлы мри. Тонкие пальцы Ньюна ткали неизвестные еще Стэну узоры — землянин пока не научился понимать смысл этой сложности ради сложности.

Он попытался сосредоточиться на этом, отвлечь свой мозг от того, что увидел в палатке; от крика, который все еще звучал в его ушах — сотни вздымающихся голосов.

Вокруг них замелькали голубые мантии, убирая палатку, где проходил совет; старшие юноши

и девушки вытаскивали столбы, выполняя самую тяжелую часть работы, а женщины и подростки помогали им. Лишь самые маленькие дети иногда, совсем растерявшись, начинали хныкать на руках у своих матерей, а малыши, что могли ходить, в конце концов не выдержали и затеяли игру в пятнашки, бегая между занятыми делом старшими, не понимая, какие изменения перевернули их мир.

— Лицо, что Смеется, — сказал о них Ньюн. — Ах, Дункан, как здорово видеть это!

Холод охватил Дункана, тяжесть дурного предчувствия, вызванного Предвидением госпожи… голоса детей во мраке, когда палатка упала, смех…

Башни, что падали на Кесрит…

— Позвольте мне вернуться, — внезапно сказал Дункан. — Ньюн, спроси госпожу. Сейчас, когда стемнело, позвольте мне вернуться на корабль.

Мри обернулся, посмотрел на Стэна; взгляд его был пронзительным и любопытным.

— Боишься нас?

— З_а_ вас. За них.

— Ты оставил маяки. Госпожа ведь сказала тебе, что этого достаточно. Ты слышал ее слово. Если ты вернешься, они захватят тебя, а мы не

допустим этого.

— Я пленник?

Глаза Ньюна закрылись мигательной перепонкой.

— Ты кел'ен этих келов, и мы не бросим тебя. Ты хочешь вернуться?

Какое-то время Дункан не мог ответить. Кричали, громко смеялись дети, и он вздрагивал от этих звуков.

— Я из этих келов, — сказал он наконец. — И там я смогу лучше служить им.

— Это решать госпоже, и госпожа уже решила. Если она пожелает отослать тебя, она сделает это.

— Так будет лучше. Я не хочу находиться здесь. И я мог бы быть полезен там.

— Я бы умер за тебя, если тебе причинят вред. Держись поближе ко мне. Ни один кел'ен, который заслужил сет'ал, не осмелится бросить тебе вызов, но те, у кого еще нет шрамов, могут… а все со шрамами будут иметь дело со мной. Выброси это из головы. Твое место здесь, не там.

— Это не потому, что я хотел бы убежать от них. Это из-за того, что я услышал. Вас ничему не научило то, что вы видели. Мертвые миры, Ньюн.

— Сов-кел, — проговорил Ньюн, и голос его был

резок, — будь осторожен.

— Ты готовишься воевать.

— Мы — мри.

Дус рядом пошевелился. Дункан обнял его, в ушах стучала кровь.

— Выживание расы.

— Да, — ответил Ньюн.

— Ради этого вы будете… делать что, Ньюн?

— Все.

Наступила долгая тишина.

— Ты будешь пытаться вернуться к ним? — спросил Ньюн.

— Я подчиняюсь госпоже, — сказал Стэн в конце концов. — Моя раса все равно проклянет меня. Только иногда прислушивайтесь ко мне. Вы собираетесь мстить?

Ноздри мри раздувались от быстрого дыхания, и его странно грациозные руки с длинными пальцами перебирали бархатный мех дуса.

— Спасение расы в том, чтобы объединить Народ. В том, чтобы обрести родину. В том, чтобы быть мри.

Ему ответили. Та часть Стэна, что была землянином, оказалась не в силах постичь этого; но был закон Келов… чтобы объединить в себе то, чем когда-либо был мри, а это означало не быть

ничем связанным.

Никаких соглашений, никаких условий, никаких обещаний.

И если мри нравится убивать, они будут убивать — потому что они мри.

В хол'эйри было четыре слова, означавших мир. Эй'а соответствовало внутреннему миру и использовалось для обозначения собственной сущности; эн'эд, мир в доме, что покоился на госпоже; и кута'и — спокойствие природы; и сэй'эхан, спокойствие силы.

Договор о мире являлся словом из му'а, а му'а остался в прошлом, вместе с регулами, что нарушили его.

Мелеин совершила убийство, чтобы обрести власть, и еще не раз сделает это, чтобы объединить Народ.

Будет использовать эли, бывших союзников мри.

Овладеет Кутат.

«У нас будут корабли», — слышал, казалось, Дункан, голос ее сердца.

И им был известен путь к владениям землян и регулов.

Это не было местью в понимании землян — лишь мир, мир сэй'эхан, который только и мог

существовать во вселенной мри.

Никакого соглашения.

— Идем, — сказал Ньюн. — Они почти закончили. Мы выступаем сейчас.

# 21

Дом зажурчал голосами, взрослыми и детскими. Народ с изумлением осматривался вокруг, с любопытством глядя на то, что за столь многие века видели лишь сен'ейны… восхищаясь огнями, их яркостью — и, как и подобало мри, ничему не удивляясь. Силы присутствовали здесь; им суждено было быть использованными. Многое было непонятно катам или келам, но они могли пользоваться этим.

И Святилище вновь озарилась светом: Мелеин своими руками зажгла лампы, и принесли пан'ен, и поставили там, позади изъеденных коррозией экранов — чтобы вновь взять его, если Народ отправится в путь, чтобы Дом мог поклоняться ему, пока они остаются на месте. Были исполнены ритуальные обряды — Шон'джир мри, покинувших Кутат; и Ан'джир мри, что оставались на родной планете.

Мы те, кто не ушел:
те, кто ходит по земле,
те, кто смотрит в небо;
Мы те, кто не ушел:

те, кто правит миром,
те, кто хранит веру;
Мы те, кто не ушел:
и прекрасно наше утро;
Мы те, кто не ушел:
и прекрасна наша ночь.

От ритмических слов дрожал воздух: долгая ночь, — подумал Дункан, стоя рядом с Ньюном… народ, что ждал своего конца на умирающей Кутат.

Пока не пришла Мелеин.

Смолкли песни; холл погрузился в оцепенение; Народ разошелся по своим делам.

Вот и холл Келов.

Длинную винтовую лестницу и еще недавно полутемный холл внезапно затопил свет… Келы расстилали ковры, что прежде служили полом в их палатках — на них еще остались следы песка: уборщики, что шныряли во внешнем холле, старались держаться подальше.

Келы уселись, образовав круг. Теперь, в уединенности холла, настало время любопытства. Глаза изучали Ньюна, дусов, и, больше всего, Дункана.

— Он будет хорошо принят, — внезапно бросил Ньюн, отвечая на невысказанный вопрос.

Неодобрительные взгляды, но никаких слов. Дункан обвел глазами круг, встречая колючие немигающие взгляды золотистых глаз — в них не было любви, не было доверия, но, — внезапно подумал Стэн, — не было и неприкрытой ненависти. Он по очереди смотрел в лица кел'ейнов, позволяя им самим вдоволь насмотреться; и он бы снял даже зейдх, и позволил бы им убедиться в том, насколько он отличается от них; но подобное действие было бы воспринято как унижение, а сделай Стэн это в гневе — как оскорбление, упрек для кел'ейнов. Они же не могли просить его об этом, ибо для Дункана подобная просьба явилась бы глубочайшим оскорблением.

Передали чашу — вначале Ньюну, затем — Дункану: в медной чаше была выжатая из голубого трубчатого дерева вода. Дункан слегка смочил губы и передал чашу Хлилу, что сидел рядом. Хлил мгновение колебался, словно ему предстояло пить после дусов; и потом кел'ен коснулся ее своими губами и передал дальше.

Один за другим спокойно пили они… даже обе кел'е'ен, родственницы Мирея. Отказов не было.

Затем Ньюн положил свой длинный меч на колени Дункана и, следуя этой странной и замысловатой церемонии, каждый из кел'ейнов

положил свой меч на колени соседу, и ав'ейнкелы, и в том числе принадлежащий Дункану, переходили по кругу от мужчины к женщине, пока у каждого в руках не оказался его собственный меч.

После этого, один за другим, они назвали свои полные имена. У некоторых были имена обоих родителей, у других лишь имя Сочил, а Дункан, опустив глаза, вымолвил свое — Дункан-без-Матери, чувствуя себя странно потерянным среди этих людей, которые знали, кем были.

— Ритуал келов, — сказал Ньюн, когда это закончилось, — по-прежнему тот же.

Похоже, им было приятно узнать, что они все сделали верно; они закивали, соглашаясь.

— Вы научите нас му'а, — проговорил Ньюн, — му'а родины.

— Да, — с готовностью отозвался Хлил.

Наступила долгая тишина.

— Одну часть ритуала, что известен мне, — сказал Ньюн, — я не слышал.

Хлил, у которого шрамов было больше, чем сет'ал, Хлил с'Сочил, чье лицо было грубоватым для мри, но сам он был изящен и прекрасно сложен, занервничал.

— Наши каты… наши каты боятся этого… —

Хлил едва не сказал ци'мри и в упор взглянул на Дункана.

— Ты не хочешь, — спросил Ньюн, — открыто сказать об этом?

— Мы обеспокоены, — сказал Хлил, опустив глаза.

— Мы?

— Кел'ант, — едва слышно вымолвил Хлил, — это твое право… и его.

— Нет, — тихо сказал Дункан, но Ньюн сделал вид, что ничего не расслышал; оглядываясь вокруг, Ньюн ждал.

— Вас приглашают Каты, — проговорила одна из пожилых кел'е'ен.

— Вас приглашают Каты, — эхом откликнулись остальные, и последним из них — Хлил.

— Что ж, — сказал Ньюн и поднялся, ожидая Дункана — в то время как остальные сидели, а Дункан пытался понять хоть что-нибудь по устремленным на него взглядам.

Дусы поднялись было следом, но Ньюн запретил им.

И они вдвоем покинули холл келов, и спустились вниз по лестнице. Ночь была уже на исходе. Дункан чувствовал холод и боялся предстоящей встречи с катами, женщинами и детьми Дома, и…

— Стэн надеялся, что это всего лишь церемония, обычный ритуал, в котором он сможет остаться тихим и незаметным.

Они поднялись в башню Катов; кат'ант встретила их у входа. Она молча провела их внутрь, где на своих циновках и коврах растянулись уставшие малыши, и несколько взрослых мужчин и женщин не спали в возбуждении ночи, рассматривая их из полумрака.

Они подошли к двери в тесный холл:

— Входи, — сказала кат'ант Дункану; тот повиновался и увидел, что холл пуст и устлан коврами. Дверь закрылась; Ньюн и кат'ант оставили его одного в этой мрачной комнате, освещенной масляной лампой.

Тогда он устроился в углу, вначале предчувствуя недоброе, а потом вдруг осознав, что замерз и хочет спать, и что, скорее всего, кат'ейны, испытывая к нему отвращение, вообще не придут. Мысль была горькой, но все же это было лучше, чем неприятности, которые он предвидел. Стэн хотел лишь, чтобы его оставили одного и позволили ему поспать хотя бы оставшуюся часть ночи, и потом ни о чем не спрашивать.

И дверь открылась.

Одетая в голубую мантию женщина шагнула

внутрь, неся небольшой поднос с едой и питьем; дверь закрылась за ней, и женщина приблизилась к Стэну и, опустившись на колени, опустила поднос перед ним, и чашки на подносе громко дребезжали. У нее не было вуали, волосы ее были распущены; она была приблизительно его лет и — несмотря на то, что лицо ее, как заметил Дункан в свете лампы, было печально — красива.

С дрожащих ресниц по щекам ее скатывались слезы.

— Тебя заставили прийти? — спросил он.

— Нет, кел'ен. — Она подняла лицо, прежде нежное; теперь на нем застыла упрямая гордость. — Сейчас мой черед, и я не откажусь от этого.

Стэн подумал о том, как ему следует вести себя с ней, и решил соблюдать сдержанность.

— Должно быть, кат будет горько обижена, если мы будем просто сидеть и разговаривать?

Золотистые глаза изучали его лицо сквозь пелену слез. Перепонка мигнула, стряхивая слезы.

— Обидит ли это? — спросил он снова.

Гордость. Честь мри. Стэн видел, как в ее глазах борются обида и доброжелательность. В глазах Ньюна он зачастую видел лишь осторожность.

— Нет, — решилась наконец она, расправляя подол мантии, и через мгновение склонила голо-

ву так, что ее подбородок уперся в грудь. — Мой сын будет звать тебя отцом, как и все.

— Я не понимаю.

Она казалась недоуменной, как и он.

— Я хотела сказать, что никому не расскажу о том, что ты пожелал. Моего сына зовут Ка'арос, и ему пять лет. Это лишь вежливость, понимаешь?

— Мы… постоянные?

Она неожиданно рассмеялась, совершенно не задумываясь, как это выглядит со стороны, и смех ее был мягок, и приятным было внезапное прикосновение ее руки.

— Кел'ен, кел'ен… нет. У моего сына двадцать три отца. — Ее лицо вновь стало спокойным и таким же печальным. — По крайней мере, тебе будет удобно. Ты поспишь, кел'ен?

Стэн кивнул, подражая мри, смущенный и уставший, находя это предложение менее тягостным. Нежные пальцы сняли с него зейдх, и женщина с удивлением взглянула на гриву его волос, ибо хотя Дункан, подражая мри, позволил ей отрасти до плеч, волосы его не были жесткими и цвета бронзы, как у ее расы. Женщина коснулась их, не связанная условностями касты Келов, пропустила прядь между пальцами, открыв форму его уха и была изумлена ею.

И она взяла из стоящего на подносе закрытого деревянного блюда кусочек благоухающей влажной ткани и очень осторожно обмыла его лицо и руки, успокаивая ожоги от солнца и песка; и, подчиняясь женщине, он освободился от своей мантии и лег, положив голову ей на колени. Она укрыла Стэна его мантией и нежно гладила его лоб, и землянин почувствовал себя далеким от всего мира, и было очень легко забыть обо всем.

Он не хотел этого, думая о том, что его могут обмануть, убить… он старался не уснуть, и в то же время не показать своей настороженности, любой ценой удержать ускользающее сознание.

И все же он на мгновение провалился в сон и, невредимый, проснулся у нее на руках. Он медленно, сонно ласкал ее руку, что убаюкивала его, а потом заглянул в ее золотистые глаза и вспомнил, что обещал не притрагиваться к ней.

Стэн отдернул руку.

Женщина склонилась и коснулась губами его лба, и Дункан смешался.

— Если я вернусь на следующую ночь, — торопливо заговорил он, ибо времени оставалось мало, а ему внезапно захотелось узнать множество вещей о катах… об этой кат'ейн, что была так добра с ци'мри, — если я вернусь снова, могу ли

я спросить тебя?

— Любой кел'ен может это сделать.

— Могу _я_ спросить?

Она наконец поняла и взглянула на него смущенно и испуганно… и Стэн истолковал это по-своему и натянуто улыбнулся.

— Я не стану спрашивать.

— Сказать, что ты можешь, было бы бесстыдством с моей стороны.

Совершенно смущенный этим, он лежал, глядя на нее.

Где-то снаружи, в холле катов, прозвенел негромкий веселый звонок.

— Уже утро, — проговорила женщина и стала собираться. Он сел, и она поднялась, и направилась к двери.

— Я не знаю твоего имени, — сказал Стэн, вставая — вежливость землянина.

— Кел'ен, меня зовут Са'эйр.

И она сделала грациозный жест уважения, и покинула Дункана.

Теперь землянин жалел, что ответил ей отказом… жалел, испытывая странное предчувствие… что, может быть, в какую-нибудь другую ночь все будет по-иному.

Са'эйр: словно само утро звучало в этом имени.

Женщина действительно была подобна утру.

Его мысли метнулись в прошлое, к Элагу-Хэйвену, к временам невежества и беспечности, и снова к Са'эйр; прошлое показалось ему отвратительными.

Дункан знал теперь, что закон Келов запрещал им причинять какой-либо вред кат'ейнам — ни женщинам, ни детям. И внезапно он почувствовал уверенность в том, что во время этой встречи делал все верно.

И еще он все больше и больше верил тому, что женщина, как она и обещала ему, не предаст его; не станет относиться к нему как к чему-то чуждому, не придет к нему больше в слезах, а будет лишь улыбаться ему.

Ободренные подобными мыслями, он уселся на ковры и обулся, собрал свою одежду, и ремни, и оружие, лежащее в стороне; поднявшись, он оделся, и надел зейдх, которая была гораздо большим, чем мантия, признаком скромности; мэз же он обернул вокруг шеи и перекинул через плечо.

Потом Дункан вышел в холл и внезапно смутился, ибо сейчас там был Ньюн, и землянину оставалось лишь надеяться, что сдержанность кела избавит его от расспросов.

Мри, как ему показалось, выглядел весьма

довольным.

— С тобой все в порядке? — спросил Ньюн.

Стэн кивнул.

— Идем, — сказал Ньюн. — Мы должны оказать знак внимания.

Холл Катов при дневном свете выглядел совсем иначе. Циновки были убраны, и при приближении кел'ейнов дети, сновавшие вокруг словно сумасшедшие, бросились к кат'ант и с изумительной быстротой выстроились в линию до самой двери.

Впереди, чуть поодаль, стояла кат'ант, и она взяла обе руки Ньюна в свои и улыбнулась ему.

— Скажи Келам, что в здешних машинах мы не разбираемся, но обед должен быть в них.

— Возможно, я смогу помочь с машинами, — сказал Дункан, когда кат'ант взяла его руки в свои; и кат'ант рассмеялась, и Ньюн, и все кат'ейны, что услышали это.

— Он или я можем помочь вам, — Ньюн с подобающим тактом помог Стэну скрыть смущение. — Мы многое умеем, он и я.

— Если Келы соблаговолят, — проговорила кат'ант.

— Пришлите за нами, когда понадобится, — сказал Ньюн.

После этого они подошли к линии кат'ейнов; Ньюн шел впереди и с серьезным видом взял ее руки в свои, поклонился ей, и взял руки ее маленькой дочери, и повторил ритуал снова.

Все поняв, Дункан подошел к Са'эйр, и исполнил все так же, и коснулся руки ее сына, когда мальчик протянул свою — запястье к запястью, как это было принято у мужчин.

— Он — кел Дункан, — сказала Са'эйр своему сыну, а землянину: — Он — Ка'арос.

Малыш смотрел на него во все глаза с детской непосредственностью и не спешил улыбнуться в ответ на робкую улыбку Дункана. Са'эйр слегка подтолкнула мальчика.

— Сэр, — сказал тот, и перепонка мигнула на его глазах. Его волосы были пока что короткими, не как у взрослых, и не скрывали его ушей, которые венчались просвечивающим внизу маленьким завитком.

— Хорошего дня, — сказала Са'эйр и улыбнулась Стэну.

— Хорошего дня, — пожелал он ей и присоединился к Ньюну, что ждал его у двери. В холле царила тишина. Они вышли, и потом Стэн услышал позади бормотание голосов, зная, какие вопросы там сейчас задаются.

— Она нравится мне, — признался он Ньюну. А потом: — У нас ничего не было.

Ньюн пожал плечами и надел свою вуаль.

— Это важно, что мужчина одобрительно отозвался о кат. Кат'ен была более чем добра при прощании. Если бы ты обидел ее, она не стала бы этого скрывать, что причинило бы тебе немало вреда в Доме.

— Я удивлен, что ты взял меня туда.

— У меня не было выбора. Это происходит всегда. Без этой ночи я бы не смог убедить Келов, и особенно — кел'е'ен.

Дункан закрыл свое лицо вуалью и облегченно вздохнул, зная, что вел себя как и следовало.

— Ты наверняка беспокоился.

— Ты — кел'ен; ты научился думать, как мы. Я не удивлен, что ты предпочел спокойную ночь. Это было мудрое решение. И, — добавил он, — если ты отослал кат'ен кэй'ислэй, и она не вернула их, тогда тебе придется пойти и принести их.

— Здесь так принято?

Ньюн усмехнулся и легко вздохнул.

— Я слышал про это. Сам я новичок в таких делах.

Они спустились в главный холл, и Дункан, вслед за Ньюном, как и тот, направился засвиде-

тельствовать свое почтение святилищу; и здесь он стоял в молчании, думая о том, насколько отличается это место от того, что он знал в детстве, чувствуя другой частью своего сознания дуса, который был обеспокоен и нетерпелив, запертый в холле келов.

И внезапно во всех холлах послышался глубокий, подобный грому механический голос Ан-ихона, проникающий сквозь камень и плоть:

— Тревога… тревога… ТРЕВОГА!

Он застыл, пораженный, в то время как Ньюн протиснулся мимо него.

— Оставайся здесь! — крикнул ему Ньюн, устремляясь ко входу в холл сенов, куда кел'ейнам путь был заказан. Дункан замер на полдороге… взглянул вправо и влево, увидел других кел'ейнов, что спешили из башни Келов; и кат'ейнов; и саму Мелеин, спустившуюся из своей башни, которая почти бежала ко входу в башню Сенов, не слушая обращенных к ней испуганных вопросов.

— Позволь мне с тобой! — крикнул Дункан Мелеин, догоняя ее, и она не запретила ему. Он последовал за ней вверх по лестнице в холл сенов, где взволнованные сен'ейны, словно встревоженные насекомые, сердито — золото вокруг черного — обступили Ньюна, который стоял перед ми-

гающими огнями Ан-ихона… и тот задавал ему вопросы, и на экранах машины высвечивались самые примитивные картины, которые были понятны кел'ену: пустыня и зарево, что умирало во вздымающемся на далеком горизонте облаке.

Корабль.

Расталкивая со своего пути сен'ейнов, Мелеин проложила себе дорогу; и пока руки госпожи ложились на пульт, она не сводила глаз с экранов. Дункан хотел последовать за ней, но сен'ейны хватали его, вытягивали руки, преграждая дорогу, запрещая.

— Удар был нанесен с орбиты, — монотонно говорил Ан-ихон, покуда обезумевший сигнал тревоги назойливо звучал из другого динамика.

— Ответный удар! — приказала Мелеин.

— Н_е_т_! — закричал ей Дункан. Но на экране Ан-ихона уже стремительно замерцала линия удара возмездия, пересекающая орбиту.

Линии стремительно мелькали, перспективы смещались.

— Промах, — монотонно сказал Ан-ихон.

И все панели вспыхнули, и воздух наполнился звуками — сначала слишком низкими, неслышными, а в конце — громовым раскатом. Пол, сам фундамент содрогнулись.

— Повторное нападение, — сказал Ан-ихон. — Экраны выдержали.

— Прекрати! — потребовал Дункан, грубо растолкал сен'ейнов и кинулся к Мелеин, остановившись лишь когда Ньюн вытянул руку, преграждая путь. — Послушай меня! На орбите, скорее всего, корабль первого класса. С планеты тебе не удастся сбить его. Теперь у нас нет корабля, мы не сможем уйти… не стреляй в ответ. Они могут сжечь этот мир дотла. Позволь мне обратиться к ним, позволь вступить с ними в контакт, госпожа.

Глаза Мелеин, когда они встретились с его глазами, были ужасны: подозрение, гнев… сейчас он был чужим, и ярость госпожи, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Вновь повторился раскат грома. Мри зажали свои чуткие уши, а Мелеин прокричала новый приказ атаковать.

— Цель вышла из зоны поражения, — сказал Ан-ихон, когда звук умолк. — Скоро будет над Зоухэйном. Зоухэйн нанесет удар.

— Вы не сможете справиться с ней! — крикнул им Дункан, и схватил руку Ньюна, получив в ответ еще более страшный взгляд, чем у Мелеин. — Ньюн, заставь ее понять! Ваши экраны не вы-

держат. Позвольте мне вызвать их!

— Ты видишь, как много хорошего сделал твой сигнал с корабля, — сказал Ньюн. — Таков их ответ на твои слова о дружбе. Таково их слово.

— Зоухэйн пал, — произнес Ан-ихон. — Экраны не выдержали. Получен сигнал тревоги от Ли'эй'хэйна… Ожидается новая атака этой зоны. — Тревога… тревога… ТРЕВОГА… ТРЕВОГА…

— Выводите своих людей! — кричал им Дункан.

Ужас читался в глазах Мелеин и Ньюна, новое повторение кошмара той ночи: пол задрожал. Послышался гулкий удар снаружи эдуна.

— Идите! — закричала Мелеин. — В холмы, все в холмы!

Сама она осталась, и Ньюн тоже, Сены же бросились к двери, прочь из своих владений. Даже сквозь сигналы Ан-ихона повсюду в эдуне слышались крики.

— Уходите, уходите оба! — умолял Дункан. — Дождитесь паузы между атаками и уходите отсюда! Позвольте мне попробовать с машиной!

Не обращая на него внимания, Мелеин повернулась к Ньюну.

— Кел'ант, веди своих людей. — И, прежде чем Ньюн успел пошевелиться, она взглянула вверх

на секции, что были Ан-ихоном. — Продолжай сражаться. Уничтожь захватчиков.

— Этот город держится, — монотонно докладывала машина. — Возможно снятие защиты с внешних сооружений, чтобы защитить комплекс эдуна. Если этот город падет, останутся другие. Мы подвергнуты многократной атаке. Мы рекомендуем немедленную эвакуацию. Мы рекомендуем госпоже позаботиться о собственной безопасности. Сохранность ее личности чрезвычайно важна.

— Я ухожу, — отозвалась Мелеин; потом, повернувшись к Дункану, поскольку Ньюн уже ушел: — Идем. Торопись.

Он проскользнул мимо нее к пульту.

— Ан-ихон, — заговорил он, — дай мне связь…

— Не позволяй ему! — закричала Мелеин, и машина нанесла удар такой силы, что запылал воздух, швырнув впавшего в ледяное оцепенение Стэна на пол.

Землянин увидел, как мимо него проплывает мантия госпожи, как Мелеин побежала, побежала вниз по холлу сенов, пол которого дрожал от возобновившейся атаки… он дрожал и под Стэном, и землянин безуспешно пытался подтянуть к себе онемевшие руки и ноги.

Пол вздыбился.

— Тревога… ТРЕВОГА… ТРЕВОГАААА… — кричал Ан-ихон.

Стэн повернул голову, приподнял плечо, увидел, как темнеют ряды работающих секций.

И пол содрогнулся вновь, и лампы начали гаснуть.

В конце концов он заставил двигаться свои ноги, руки; потом поднялся и, шатаясь, пошел через захламленный холл сенов в наполненный ветром коридор, вниз, к главному холлу. Огромная тень поднялась навстречу Стэну — его дус, который, прижавшись к нему, едва не сбил своего хозяина с ног; он поспешил воспользоваться этим, и, опираясь на зверя, поплелся сквозь захламленный холл, и выбрался на свет, к городу… и здесь ему стали попадаться тела — старых сен'ейнов, детей катов… кел'ена, которого придавило рухнувшей стеной.

Он нашел Са'эйр, свернувшуюся калачиком фигурку в голубом у подножия лестницы; золотистая рука вцепилась в камень, лицо с открытыми глазами уже начал засыпать песок Кутат.

— Ка'арос! — позвал он громко, помня о ее сыне, и не было ответа.

След Народа был отмечен телами мертвых,

стариков, слабых, юных: все такие кроткие, — подумал он, — все.

Он услышал раскат грома, посмотрел вверх и увидел вспышку, пятнышко света. Что-то работало за пределами атмосферы. Все время, пока он бежал, выбиваясь из сил, Стэн ждал белой вспышки, которая убьет его, как только он покинет защищаемую зону.

Но оно ушло за горизонт. Звук замер.

За городом, за жалкими руинами, двигалась растянувшаяся цепочка фигур. Стэн заторопился изо всех сил, жадно хватая ртом воздух. Дус следовал за ним, кровожадные чувства зашевелились в нем, вызвав у Дункана ярость и страх — зверь отскочил прочь.

В конце концов Стэн догнал хвост колонны; в горле у него пересохло, легкие содрогались от кашля. Из носа шла кровь, а во рту стоял медный привкус крови.

— Кел'ант? — спросил он. Кел'е'ен с узкими глазами указала в голову колонны. — Госпожа? — спросил он опять. — С ней все хорошо?

— Да, — сказал кто-то, словно отвечать землянину было осквернением.

Дункан обогнал их, направляясь в голову колонны, мимо кел'ейнов, несущих детей-катов,

и кат'ейнов, что несли малышей, и кел'ейнов, что поддерживали стариков разных каст, хотя многие старики шли самостоятельно.

Они направлялись к горам, где можно было укрыться; здесь же, на этом голом песке, они были как на ладони. Стэн видел растянувшуюся по складкам земли колонну, и казалось, что это невероятно далеко, ему никогда не догнать их при его шаге. Он приостановился, срезал кусок трубчатого дерева от короткого остатка уже срезанного кем-то — желанная добыча для многих, что заметили его; и Стэн предложил его им, но никто не соизволил взять его.

Оставив им остальное, он на ходу принялся высасывать из обрезка воду, оставаясь в середине колонны — вне ее, ибо Стэн ощущал ненависть во взглядах, что бросали на него сены.

В глазах сенов он был предателем; они знали, они увидели его сущность, они догадывались, откуда он пришел… а, может, и кем он был. Они могли не знать, почему их атаковали, но ведь они были мри, и ци'мри вторглись, и они умирали от рук таких, как Стэн.

Никаких нападений на них больше не было. Дункана это не удивило, поскольку висящий на орбите огромный корабль скорее всего про-

сто не хотел тратить свои мощности на столь маленькую цель. Но город подвергался периодическому обстрелу. Оглянувшись, они могли видеть, как всеми цветами радуги вспыхивали под иссушающим солнцем экраны, и целый город превращался в руины. Город, что дремал под заходящим солнцем, раскалялся и умирал, словно уголек, и оседали башни, и уродство водворялось над ним.

— А-ай! — стонала старая кат'ант. — А-ай!

И дети капризничали, и их успокаивали.

Сены качали головами, и слезы были на лицах стариков.

У келов не было слез, лишь взгляды, что жгли, ненавидели. Дункан старался не смотреть на них и шел дальше, даже когда колонна останавливалась на отдых, пока не увидел наконец белые мантии Мелеин; и он узнал высокого кел'ена с дусом рядом с ней.

С ними было все в порядке; этого оказалось достаточно, чтобы гнев Стэна немного поутих. Оставшуюся часть дня он не выпускал их из виду, и, когда с наступлением вечера они остановились, подошел к ним.

Ньюн знал о его присутствии. Дус прошел вперед, и Ньюн повернулся, глядя на приближа-

ющегося Стэна.

Дункан тихо опустился рядом с ними.

— С тобой все в порядке? — спросил его Ньюн.

Он кивнул.

Мелеин отвернула от него свое лицо.

— Без сомнения, — сказала она наконец, — у тебя были добрые намерения, Дункан; я верю в это. Но это было бессмысленно.

— Госпожа, — вместе с жестом почитания прошептал он, признательный даже за это; спорить с ней ему не хотелось: среди стольких мертвых не было места никаким доводам.

Ньюн предложил ему кусок трубчатого дерева. Стэн отказался, показав свой кусок, и ав-тленом отсек небольшой ломтик, отвратительно сладкий на вкус. В его желудке стоял ком.

Келы закричали, вытягивая руки. Нечто, похожее на изрыгающую огонь звезду, снижаясь, уходило за горизонт.

— Они садятся, — прошептал Дункан, — там, где стоял корабль. Теперь начнут искать.

— Пусть только сунутся в горы, — сказал Ньюн.

Дункан положил руку на живот и закашлялся, и вытер выступившие от боли слезы с глаз, и почувствовал, что дрожит.

Еще он знал, что ему следует сделать.

Стэн отдохнул. Через некоторое время он извинился — сдержанное пожатие плеч, означавшее, что мужчина собирается отправиться по своим делам, и поднялся, и пошел прочь от колонны; дус последовал за ним. Землянину было страшно. Он пытался подавить это чувство, ибо дус мог передать его остальным. Глядя на расстилавшуюся перед ним пустыню, он чувствовал слабость своих рук и ног, и ужас переполнял его, но иного выхода у Стэна не было.

Дус внезапно послал импульс защиты, повернулся.

Оглянувшись, Дункан увидел другого дуса.

Сбоку, на некотором расстоянии от него, виднелась черная тень. Дункан замер, вспомнив, что у Ньюна, как и у него самого, есть пистолет.

Ньюн шел к нему по песку — темная фигура во мраке. Ветер трепал его мантии, свет луны дрожал на бронзе ин'ейн, на пластике козырька и завоеванных им джи'тэй. Огромный дус шел рядом, подворачивая лапы и опустив голову.

— Яй! — прикрикнул Дункан на своего зверя, заставив того сесть рядом.

Ньюн остановился на дистанции разговора, предупреждающе положил руку на пояс.

— Ты отбился от колонны, сов-кел.

Дункан кивнул в сторону горизонта.

— Позволь мне уйти.

— Чтобы присоединиться к ним?

— Я по-прежнему служу госпоже.

Ньюн долго и внимательно смотрел на него, и в конце концов отбросил свою вуаль. Дункан последовал его примеру, вытер кровь, которая начала застывать на губах.

— Что ты сделаешь? — спросил Ньюн.

— Заставлю их слушать.

Ньюн сделал жест, означавший безнадежность.

— Это уже бесполезно. Ты пропадешь.

— Уведи Народ в безопасное место. Позволь мне попробовать. Верь мне, Ньюн.

— Мы не сдадимся.

— Я это знаю. Я так и скажу им.

Ньюн опустил глаза. Его тонкие пальцы занялись одним из поясов. Отцепив один из джи'тэй, мри подошел к Дункану и, остановившись, принялся терпеливо завязывать ремень в сложный узел.

Когда все было закончено, Дункан взглянул на джи'тэл и увидел на нем странный листок — то был один из трех джи'тэй, которые были у Ньюна еще с Кесрит.

— Его дал мне один из моих учителей, мужчина по имени Палази, что был родом с планеты Гураген. Там растут деревья. На счастье, сказал он. До свидания, Дункан.

Он протянул руку.

Дункан протянул свою.

— До свидания, Ньюн.

И мри повернулся и пошел прочь, один из дусов последовал за ним.

Дункан видел, как мри нырнул в тень и исчез, и сам землянин повернулся, и зашагал своей дорогой, песок и скалы исказились в его глазах на некоторое время. Он снова одел вуаль, благодарный за тепло зверю, что шел рядом с ним.

# 22

Разум зверя, ощущения зверя. Он защищал. Дункан осторожно вдохнул холодный воздух и, оступившись, когда спускался с небольшой возвышенности, едва не подвернул лодыжку: верная смерть на равнине. Стэн внял предупреждению и отдохнул, прислонившись к дусу, устроившись на холодном песке и позволив усталости вытекать из суставов. Маленькая голубовато-зеленая трубка по-прежнему лежала в его поясной сумке. Он вытащил ав-тлен и отрезал кусочек, пожевал и почувствовал, как целебная сладость успокаивает его горло.

Решиться на подобное было безумием, — понимал Дункан в полные обжигающего солнца дни, — безумием было воображать, что он может добраться к обломкам вовремя, что его соплеменники задержатся там, где в живых никого не осталось.

Но выбора у него не было. Среди Народа он был ничто; лишняя проблема для Ньюна, повод для споров, в которых кел'анта могли убить; проблема для Мелеин, которой приходилось все

объяснять Стэну.

Он служил госпоже.

Теперь он не сомневался в этом: если он до сих пор ничего не нашел, это лишь доказывало, что его усилия были бесполезны, как тогда, у Ан-ихона, и он мог бы быть свободен: у госпожи были другие кел'ейны.

Он поднялся и зашагал дальше, пошатнувшись, когда дус впереди него внезапно остановился и зарычал. Стэн изумленно моргнул, увидев, как со стороны камня выбросилось облако песка, и под ним промелькнуло что-то гибкое и узкое, не похожее на широкую мантию буровера, но подобно буроверу оставило над собой небольшую песчаную воронку.

— Яй, — хрипло окликнул он дуса, который собрался уже последовать за беглецом и вытащить того на свет своими длинными ядовитыми когтями. Что бы там ни было, Дункан не знал, насколько оно велико или опасно. Он уловил желание дуса поохотиться, но подавил его своей волей, и они обогнули местность, забравшись на ближайшую гряду. Взглянув вниз, он увидел, что все пространство вокруг покрыто такими же маленькими ямками. Вокруг каждой был очерчен правильный круг. И, судя по их размерам, эти

могли полакомиться и дусом.

— Идем, — велел он зверю, и они зашагали дальше; недовольный дус тихо пыхтел, по-прежнему желая вернуться.

Но больше ничьих следов видно не было. Был холод, и ветер, и источающий свет Нэй'ай'ин; был их собственный след, который быстро заметал ветер, и один раз, только один раз — высокая черная фигура на гребне дюны.

Один из кел'ейнов, вестник Народа, а может быть, другого отряда, дерзко позволивший себя заметить. Дункан чувствовал себя беззащитным, понимая, что его собственное мастерство во владении ин'ейн оставляет желать лучшего… неизвестное животное, прятавшееся в песке, не смогло напугать его даже и в половину того, как встреча с иными келами.

…Встреча с другой госпожой, не Мелеин. Он подумал, что это, должно быть, один из страхов мри — нерешительность перед разрывом с дружескими отношениями, которые у Мелеин были законом. Этот страх и осторожность мри заставляли Стэна держаться низин, склонов, укрытий, что попадались в земле; и глаза его, прикрытые опущенным козырьком, тщательно изучали пустынный горизонт, прежде чем он вновь ступал

на открытое место.

Огромная трещина на месте бывшего моря показалась в полдень. Он заглянул в тающие в дымке глубины, куда ветер сгонял ленты песка, и утратил свое чувство высоты и глубины перед подобными размерами. Но, изучив горизонт, Стэн понял, что находится недалеко от места, которое искал.

Он пошел дальше, и теперь отсутствие твердой пищи заставляло его желудок сжиматься. Боль в боку стала непрерывной, а в его груди, казалось, пульсирует сама жизнь.

Дус.

Он почувствовал его и поднял глаза, словно кто-то окликнул его по имени. «Ньюн?» спросил он себя, огляделся вокруг, и все же не поверил в это. Ньюн был с Народом, он не оставит Мелеин и тех, кто шел с ним. Там были Каты и Сены, а им не под силу совершить подобное путешествие, ибо Дункан был кел'еном и его ничего не стесняло.

Все же здесь были чувства дуса.

Слева. Справа. Стэн осматривал горизонты, похлопывая по покрытым бархатным мехом буграм мышц на шее своего зверя, посылая запрос в его разум. Дус исторг импульс защиты.

Сомнений больше не осталось.

Заколов волосы на затылке, Стэн пошел дальше, все время ощущая знакомое давление на свои чувства.

Присутствие брата.

Брата дуса.

Дус рядом с ним начал песню довольства, согласия, что ослабляла боль и притупляла чувства Стэна, пока тот не осознал, что зашел слишком далеко и уже не узнает дорогу, по которой идет.

«Нет, — внушал в ответ Дункан, — нет, нет, нет.» Он подумал о корабле, вновь и вновь заставляя мысли возвращаться к кораблю, и о том, что хочет вернуться, спешит к нему.

Подтверждение.

И угроза.

Потом пришла тьма, внезапная, и мягкая, и глубокая, и полная угрозы, рвущих когтей и разрывающих клыков, и над всем этим — присутствие, не позволявшее Стэну уйти. Он понял, что все еще идет, изредка вздрагивая на сухом, холодном ветру. Его руки были обожжены песком и кровоточили, и он знал, что время от времени падает, теряя сознание.

«Корабль», — посылал он мысли зверю.

Враждебные эмоции окружали его. Он кричал во мрак, и тот преграждал ему дорогу, останавли-

вая его. Стэн остановился, содрогаясь, когда мрак терся у его ног, громадное, тяжелое создание, что окружало его и ткало вокруг него узор шагов.

Пришли другие — два, пять, шесть дусов, в три раза меньших по величине, чем тот, что защищал его. Стэн в ужасе содрогнулся, когда они приблизились и окружили его, когда один за другим поднялись на задние лапы и снова опустились, вздымая тучи песка.

В воздухе, словно перед бурей, нарастало ощущение тяжелой угрозы.

Друзья бури, — называли их мри, — великие братья холодного ветра.

На холодной Кутат им не было равных — подобных чудовищ эта планета еще не знала.

«Они пришли сюда, преследуя какую-то свою цель», — внезапно подумал замерзший и испуганный Дункан. Он вспомнил, как звери входили на корабль, вспомнил, что даже деля с ним долгое путешествие, не смог постичь их сущности.

Скрывающиеся от землян, от регулов. Он бежали из своего мира. Они избрали новый мир, ибо Стэн сам помог им бежать.

Звери подходили ближе, и его дус излучал тьму. Соприкасались тела, и вызывающая оцепенение пульсация наполняла воздух, рокочущая, словно

звук ветра или землетрясение. Они обступали его, обступали все вместе, прикасаясь. Дункан резко опустился на колени и обнял своего зверя за шею, останавливая его, чувствуя нос чужого дуса на своем затылке, его горячее дыхание, жар, что окутывал и душил его.

«Корабль», — вспомнил он и своим разумом швырнул в них гибель Ан-ихона, рушащиеся башни Кесрит. В ответ на Стэна, ужаснув его, обрушилось удовольствие.

«Нет!» — беззвучно завопил он. Звери шарахнулись прочь.

Стэн швырнул в них картины безводной пустыни, умирающего солнца, дусов, бродящих в одиночестве.

Их гнев затопил землянина, и его дус содрогнулся и отступил. Зверь кинулся бежать, и Стэн не мог удержать его.

Он был один, заброшенный и слепой. Он вдруг забыл, куда направлялся, забыл, где он. Его чувства были чисты, как лед, и все же ему не хватало того ощущения цели, которое так долго было знакомо ему.

— Вернись! — крикнул он дусу, который все не шел.

Стэн швырнул зверю образы эдуна, журчащей

воды, бурь Кесрит и кораблей, что взлетали и возвращались. Понял ли их дус, он не знал. Он послал зверю желание, отчаянное желание и образ корабля.

Прикосновение было робким, совсем не похожим на импульс защиты.

— Идем, — громко позвал Стэн, протягивая ему руки. Он послал зверю свою дружбу, мудрость мри… человек и дус вместе.

«Жизнь», — послал зверю землянин.

Неуверенность. Импульс защиты ударил страхом по его чувствам, и Стэн не принял его. «Жизнь», — настаивал он.

Дус пришел. Повсюду вокруг себя Стэн чувствовал импульс защиты, мощный, полный такого ужаса, что пот выступал на теле землянина и сразу же высыхал на ветру. Но его дус был рядом. Зверь зашагал рядом с ним, защищая его изо всех сил.

Предатель своего племени. Предатель-землянин и предатель-дус. Землянин подкупил его, и зверь служил ему, шел с ним, став таким же, как он.

Страх бросал тьму вокруг них, и полуденное солнце, казалось, меркнет на время; и потом иные ушли, и черными точками появились че-

рез некоторое время вдоль отдаленного хребта, наблюдая.

Эти дусы, плоть от плоти тех, что пришли с Кесрит, были детьми Кутат и не желали иметь с ними дел.

Лишь старый дус помнил — не события, но личность, помнил Стэна, и остался.

К концу дня начал подниматься ветер — вначале небольшие порывы, что сметали песок с верхушек дюн, увлекая огромные ленты над пропастью мертвого моря. Потом появились песчаные шквалы, которые обрушивали град ударов сумасшедшей силы, затрудняя ходьбу, барабаня по защитному козырьку, и Дункану пришлось снова дважды обернуть мэз вокруг лица. Полуослепший дус плелся рядом, на его морде виднелись дорожки слез. Зверь жалобно стонал и внезапно вставал на дыбы, отряхивался от пыли и снова шел против ветра.

Время от времени появлялись иные, пробираясь по хребтам, не отставая от них. Их мрачные тени возникали в летящих по ветру завесах песка: вот там проступила голова и тотчас же исчезла, вон там — покатый бок. То, что излучали звери, было по-прежнему враждебным и полным крови.

Зверь Дункана рычал и мотал головой, и они продолжали идти дальше, хотя теперь Стэну казалось, что руки и ноги его налились свинцом, а мускулы объяты пламенем. Он кашлял, и шла кровь, и он начал ощущать тяжесть оружия, что было на нем, оружия, которое было бесполезно там, куда он стремился, и уж тем более бесполезно, если он умрет — но он не сдастся им. Он зажал в руке единственный джи'тэл и вспомнил мужчину, который дал его, ни на что не претендуя.

Су-шипэйн кел'ен. Кел'ен госпожи.

Боль пронзила ногу Стэна. Он упал, повергнутый предательски подвернувшимся камнем, осторожно поднялся и вновь оперся на дуса. Нога не пострадала. Он попытался высосать ранку на руке, которую получил, ударившись о камень, но во рту у него пересохло и ничего не вышло. Трубчатых деревьев поблизости не было. У Стэна имелся небольшой запас жидкости, но он решил пока не пользоваться им.

И один из меньших дусов приблизился к нему, поднялся на задние лапы, так что зверю Дункана пришлось вклиниться между ними. Некоторое время было слышно лишь, как дышат огромные легкие зверей, и меньший отступил.

«Корабль», — внезапно, безо всякого повода,

подумал Стэн.

Желание.

Не было импульса защиты от незнакомого дуса. Стэн ощутил лишь направление, ощутил непосредственную близость.

Он окликнул своего дуса — еле слышно, ибо горло почти забыло звук, и пошел, чувствуя присутствие, теплое дыхание на своей опущенной левой руке.

Теперь он двигался, удвоив внимание. Еще один зверь был с ними, думал о цели, желал то, чего желали они.

«Люди.»

Призраки бередили его подсознание. Не память, нет. Виденное кем-то, где-то, брошенное видение, направляемое Стэну. Он знал это.

Призраки размывались на песке… полукупол. Челюсти сжали его руку — мягко, мягко… Стэн осознал, что упал, и что дус подталкивает его. Он снова поднялся на ноги и пошел, шатаясь, когда его ботинки задели что-то, зарывшееся в песок, и что-то хлестнуло по хорошо выделанной коже, но не смогло пробить ее, и, извиваясь, юркнуло в янтарную пелену. Чувства дуса вскипели от ярости, но потом зверь больше не обращал на это внимания, предпочитая общество Стэна.

Ночь окутала их, ночь бури и ночь мира — дружелюбная, прячущая их. Дункан знал, что корабль здесь, натыкался на его обломки, куски разбитого остова, на осколки расплавившегося от невыносимого жара песка, пока наконец ставший чужим корпус не обрел форму среди песчаных лент, и Стэн увидел произведенные здесь разрушения.

И полукупол, приземистая половинка овоида на стойках, мерцание красных огней, указывающее путь сквозь темноту.

Все дусы окружили его; страх-желание-страх, — посылали они.

— Яй! — крикнул им Стэн, голос пропал на ветру. Но его зверь остался, косолапя, брел рядом с ним, покуда землянин шел туда, где на берегу мертвого моря Кутат виднелся чуждый силуэт.

Подойдя поближе, Стэн узнал этот огромный и слепой корпус, узнал рисунок его огней…

И на мгновение он забыл, как назвать его.

«Флауэр».

Слово вернулось к нему, нечто реальное стало реальным.

— "Флауэр", — выдохнул он, незнакомый и надтреснутый голос на живом ветру. — "Флауэр"… открой люк.

Но ответом было молчание. Стэн поднял первый попавшийся камень и швырнул его в корпус, и еще один, и никакого отклика. Буря усиливалась, и он знал, что скоро придется искать укрытие.

А потом он увидел, как задвигался глаз сканера, сопровождаемый светом, и, остановившись на нем и на звере, осветил их обоих. Зверь протестующе попятился. Рука Стэна метнулась вверх, чтобы прикрыть глаза козырьком, и он замер, вспоминая другую ночь, когда стоял вместе с этим дусом в лучах прожекторов под дулами винтовок.

Наступило долгое молчание.

— "Флауэр"! — крикнул он.

Лучи по-прежнему держали их. Дункан стоял, шатаясь под порывами ветра, и крепко держался одной рукой за спину дуса, как в тот раз.

Внезапно люк раскрылся, и трап задвигался вниз, приглашая.

Стэн подошел к нему, поставил ногу на звенящий металл, и дус встал рядом с ним. Он поднял руки, чтобы рассеять все подозрения, и неторопливо пошел.

— Боз, — проговорил он.

Странно было видеть Боаз, седину, что стала

куда заметней в ее волосах, напоминая ему о том, что прошло немало времени. Стэн осознавал направленные на него винтовки, людей, что держали под прицелом его и дуса. Он снял мэз и зейдх, чтобы они могли узнать его. Он пригладил свои волосы, которым позволил отрасти; лицо его покрывала щетина бороды — ни у кого из мри ничего подобного не было. Он чувствовал себя голым перед этими людьми, перед Боаз и Луисом. Он смотрел на их лица и видел тревогу, отражающуюся в их глазах.

— Мы связались с «Сабером», — сказал Луис. — Они хотят видеть тебя.

Стэн увидел безжалостность в их глазах: он бежал, приняв сторону врага; даже Боаз оказалась не готовой понять это.

И они видели след мри, пустыню звезд.

— Хорошо, я иду.

— Оставь оружие, — сказал Луис, — и прогони дуса.

— Нет, — тихо проговорил Стэн. — Вам придется смириться с этим, и зверь останется со мной.

Он почувствовал, что некоторые готовы броситься на него. Дункан стоял спокойно, ощущая исходящий от дуса импульс защиты и страх, которым был заполнено помещение.

— Есть, конечно, аргументы, которые ты мог бы привести в свое оправдание, — сказала Боаз. — Но ни один из них ничего не стоит, если ты причиняешь неприятности сейчас. Стэн, на чьей стороне ты играешь?

Он на мгновение задумался. Земной язык приходил с трудом, чужой, казался чем-то знакомым, привычным, но в то же время очень далеким. То, что Стэн хотел сказать, ему никак не удавалось облечь в четкие формы.

— Я не сдам свое оружие, пока мне угрожает опасность, — проговорил он. — Пускай решают на «Сабере». Доставьте меня туда. _М_и_р_. — Он отыскал наконец утраченное слово. — Я принес мир, если они хотят этого.

— Нам надо посоветоваться, — сказал Луис.

— Мы можем подняться и посоветоваться позже. Времени мало.

Боаз медленно кивнула. Луис взглянул на нее и согласился. Последовал приказной жест, и один из людей ушел.

— Где остальные? — спросил Луис.

Дункан не ответил. Медленно, осторожно, чтобы они не истолковали какое-нибудь его движение неверно, он начал одевать зейдх, ибо в ней он чувствовал себя более удобно. И пока Луис и

Боаз совещались между собой, он надел вуаль, приладив ее так, как того требовал этикет. Дус стоял рядом с ним, и люди с винтовками оставались на своих местах.

Но где-то на корабле слышался звук работающих машин — подготовка к старту, — подумал он, и паника охватила его. Он был пленником; они захватили его, и двери заперты, и теперь ему не уйти.

Над головой замигали предупреждающие лампы. Стэн тревожно огляделся по сторонам, потому что в отсек вошли еще трое вооруженных людей, направив на него винтовки, а Луис ушел.

— Садись, — посоветовала ему Боаз. — Садись вон там и успокой зверя перед стартом. Он будет сидеть спокойно?

— Да. — Стэн отступил к мягкой, как подушка, скамье, и устроился там, наклонившись вперед, чтобы касаться рукой дуса, сидящего у его ног.

Боаз задержалась, глядя на него сверху вниз — прежде светловолосая и полная, Боаз теперь заметно похудела, а в волосах ее вовсю хозяйничала седина; на лице появились морщинки — сейчас она удивлялась, — подумал он, — и не понимала.

— Ты говоришь с акцентом, — сказала она.

Стэн пожал плечами. Это могло быть правдой.

Послышалась предупредительная сирена. Приближался старт. Боаз направилась к скамье на противоположной стене отсека; там же теснились охранники со своими винтовками, осторожно держа оружие на коленях. Когда начались перегрузки, дус лег у ног Дункана, распластавшись, чтобы легче перенести их.

Старт был тяжелым, безрассудным. Пока они взлетали, Дункан чувствовал, как выступает пот, как кружится голова. Дус излучал страх… испуг, — подумал Дункан, — от этих людей с винтовками. Страх превратил его руки в лед, и все же в отсеке стояла удушливая жара.

Прошло немало времени, прежде чем стартовые перегрузки прекратились, прежде чем была принята новая ориентация и стало возможным двигаться. Дункан оставался на месте, не собираясь провоцировать охрану попыткой подняться. Боаз сидела тихо и смотрела на него.

— На все это обрек тебя Ставрос, — сказала она в конце концов; во взгляде ее была жалость.

Он снова пожал плечами, и взгляд его оставался таким же рассеянным и блуждающим, утонувшим в ожидании.

— Стэн… — сказала она.

Он взглянул на нее с горечью, зная, что она ждет от него ответа, а ответить он не мог.

— Он мертв, — сказал Стэн в конце концов, надеясь, что она догадается.

Боль была в ее глазах: возможно, понимание.

— Боз, — сказал он, — я не чувствую горечи.

Она закусила губу и сидела с побелевшим лицом, глядя на него.

Вошел Луис; последовала неслышная Стэну перемена, и охрана поднялась, взяв винтовки наперевес, все время держа его под прицелом. Он сидел, и поглаживал дуса, и успокаивал его.

Охрана заметно вспотела. Чтобы противостоять встревоженному дусу, надо было как-то воздействовать на человека. Они были спокойны. Не было паники. Боаз сидела и вытирала лицо.

— До встречи есть еще немного времени, — сказала она. — Ты хочешь воды или чего-нибудь поесть?

Это было первое подобное предложение. Легкое сомнение все еще владело Стэном, сознание того, что будь они мри, это вызвало бы чувство признательности.

Здесь тоже было чувство признательности.

— Если это поставят передо мной, — проговорил он, — без принуждения, я возьму.

Так и сделали. Боаз отдала распоряжение, и охранник поставил на скамью бумажный стаканчик с водой и сэндвич, завернутый в целлофан — так, что Стэн мог достать это. Взяв стаканчик с водой, он держал его под мэз, чтобы пить не спеша. Вода была холодна, как лед, и после стольких дней, когда ему приходилось пить воду пустыни, Дункану показалось, что у нее странный привкус: должно быть, антисептик.

Потом он отломил кусочек сэндвича и ел, не снимая вуали. Он не хотел бы открывать свое лицо для их любопытных взглядов. У него не было сил и обмениваться с ними ненавистью, а вуаль спасала от расспросов. Тем не менее, руки его дрожали. Стэн пытался предотвратить это, но сказывалась слабость: слишком долго он довольствовался лишь съедобной мякотью трубчатого дерева. Его желудок мог принять лишь несколько кусочков. Стэн снова завернул остатки в целлофан и убрал в поясной мешочек, сохраняя на случай нужды.

И он скрестил руки на груди, и ждал. Он устал, невыразимо устал. В длительном однообразии подлета к «Саберу» ему хотелось спать, и он так и делал: глаза закрыты, руки скрещены — зная, что дус зловеще наблюдает за теми, что сидели в

отсеке, не сводя со Стэна глаз.

Боаз появилась и вновь ушла. Пришел Луис и предложил — предложил искренне, — отметил Дункан, — дать ему лекарство от кашля, который временами изводил Стэна.

— Нет, — ответил он. — Спасибо, нет.

Ответ лишил Луиса дара речи, как было и с Боаз. Стэн почувствовал облегчение, когда его оставили в покое, и спокойно дышал. Он смотрел на человека из охраны и даже без помощи дуса знал, что тот думает — холодное недоверие, почти ненависть, которая, скорее всего, даст возможность землянину убить. Потухшие глаза, в отличие от живости мри среди своих братьев: уроженец Хэйвена, повидавший немало врагов. На его щеке остался шрам от ожога, который он не стал залечивать. Человек действия, судя по этому, офицер не из последних. Этого Стэн уважал.

И человек, похоже, оценил Стэна. Взгляды столкнулись, сцепились. «Изменник!» — светилось во взгляде человека; в нем был интерес, но не было прощения. Такого человека Дункан хорошо понимал.

Этого человека Дункан убьет первым, если на него нападут. Дус позаботится об остальных.

«Не давай им коснуться меня», — снова и снова

думал Стэн, поскольку вспомнил, зачем пришел сюда и что угрожало его жизни; но внешне, тем не менее, он сохранял полное спокойствие: руки скрещены, взгляд рассеян, иногда глаза закрыты. Сейчас главное было отдохнуть.

Наконец последовало маневрирование около шлюза, мягкий толчок. Боаз и Луис некоторое время не появлялись… совещаясь, несомненно с высшим руководством.

Луис кивнул головой по направлению к двери.

— Тебе придется оставить свое оружие, — сказал Луис. — Так будет лучше всего; в противном случае тебя заставят это сделать, а для нас лучше, чтобы ничего подобного не было.

Дункан поднялся, взвешивая ситуацию, расстегнул в конце концов пояс с ин'ейн и меньший, с захен'ейн, повернулся и положил их на скамью, на которой сидел.

— Боз, — сказал он, — ты принесешь их мне. Они мне будут необходимы.

Она потянулась осторожно взять их.

— И дус останется, — проговорил Луис.

— Это мудро, — отозвался Стэн; он не хотел, чтобы дус был брошен в хаос надвигающихся событий. — Он останется здесь. Это все требования?

Луис кивнул, и охранники заняли свои места, чтобы сопровождать его. Оставшись без оружия, Стэн чувствовал странную легкость. Он задержался, взглянул на дуса, заговорил с ним, и тот застонал, и улегся с несчастным видом, положив голову на лапы. Стэн оглянулся на Боаз.

— На твоем месте я бы не позволял кому-нибудь дотронуться до него, — сказал он.

И пошел под охраной.

Отделанные металлом коридоры «Сабера» оглашались звуками открываемых и закрываемых дверей. Дункан ждал, пока подойдет другая группа охранников, чтобы сопровождать его дальше.

И то немногое внимание, которым он удостоил эту группу профессиональных военных, относилось, главным образом, к веснушчатому мужчине, который командовал отрядом с «Сабера».

— Галей… — позвал Стэн.

Офицер регулярной армии взглянул на него, стараясь держаться прямо, и лишь пожал плечами.

— Я назначен сюда, потому что знаком с вами. Идемте со мной, сэр. С вами встретится контр-адмирал. Давайте соблюдать молчание, хорошо?

— Для этого я сюда и пришел, — сказал Дункан.

На лице Галея проступило облегчение.

— С вами все хорошо? Они сказали, что вы вошли. Вы вошли сами?

Дункан кивнул, подражая мри.

— Да, — уточнил он, — по своему выбору.

— Мне придется обыскать вас.

Дункан обдумал это, прикинул, что у Галея нет выбора, и кивком выразив согласие, стоял, широко разведя руки, пока Галей проводил его внешний осмотр. Когда Галей закончил, Стэн привел в порядок мантии и замер неподвижно.

— У меня есть подходящий мундир, — сказал Галей.

— Нет.

Это, казалось, привело Галея в замешательство. Он кивнул остальным. Они двинулись вперед, и Дункан пошел рядом с Галеем, но впереди и сзади качались дула винтовок.

В воздухе чувствовался какой-то давно забытый, едва уловимый неприятный запах, запах влаги и мускуса. «Человечество», — подумал Дункан; но сейчас запах казался значительно острее, чего Стэн не заметил на другом корабле.

«Регулы».

Дункан остановился. Винтовка ткнулась ему в спину… Он набрал полную грудь этой воздушной

смеси и пошел дальше, держась рядом с Галеем.

Двери каюты были распахнуты; Стэн свернул в нужную сторону и вместе с Галеем вошел в каюту контр-адмирала.

Кох занимал стоящее за столом кресло.

И рядом с ним в тележке восседал регул. Дункан взглянул на выражение костяного лица, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце: чувства были обоюдными. Ноздри регула резко сжались.

— Союзник, сэр? — не дожидаясь приглашения, спросил Дункан у Коха, прежде чем кто-либо заговорил.

— Шарн Алань-ни. — Глаза контр-адмирала были темными и узкими, как у регула. Его седая чисто выбритая голова теперь походила на голый череп, лицо — заострившееся и безжалостное. — Садитесь, ПлаР.

Дункан опустился на стоящее рядом со столом кресло, облокотившись на спинку и переводя взгляд с Коха на регула.

— Мне придется отчитываться и перед чужаком?

— Союзником. У нас объединенное командование.

Все встало на свои места.

— Союзник, — сказал Дункан, не сводя глаз с

Шарн, — который пытался убить нас и который уничтожил мой корабль.

Регул зашипел.

— Бай Кох, это мри. В нем нет ничего от вас. Говоря все это, этот юноша-без-гнезда преследует свои интересы. Мы видели путь, которым прошли мри, безжизненные планеты. Мы видели их работу. Этот впечатлительный юноша был силой завербован ими, и теперь он целиком их.

— Я оставил маяки, — сказал Дункан, глядя на Коха, — специально. Вы слышали их? Кто-то услышал мои сообщения, прежде чем открыть огонь… или кто-то достиг их раньше?

Кох лишь моргал глазами. Грубая кожа Шарн стала более темной.

— В этих сообщениях говорилось, что мри расположены к дружбе. Что мы достигли согласия.

Шарн внезапно зашипела, став бесцветной: — Предательство!

— В обоих наших родах, — сказал Дункан. — Бай Шарн, меня послали к мри… как, впрочем, вас послали остановить меня. Возможно, мы с вами единственные в этой комнате, кто на самом деле понимает друг друга.

— Это не доведет тебя до добра, — бросил Кох.

Дункан пожал плечами.

— Я не ошибся насчет маяков? Это Шарн решила напасть на города?

— Мы были обстреляны, — проговорил Кох.

— С моего корабля? Разве не регулы оказались здесь первыми?

Кох молчал.

— Вы — убийца, — сказал Дункан. — Мри предпочли бы переговоры, но вы позволили регулами идти первыми. Была включена защита. Мри больше не контролируют ее. Вы воюете против машин. Стоит вам прекратить, они тоже остановятся. Если вы будете продолжать, вы уничтожите планету.

— Возможно, это самое безопасное решение.

Дункан с ледяным отчуждением взглянул на контр-адмирала.

— "Флауэр" был свидетелем того, что вы сделали. Если раса землян узнает о том, что здесь произошло, к вам будут относиться совсем по-другому. Возможно, вы не понимаете, что вам грозит, но это ничего не меняет. Вы поставите последний штрих в пустыне звезд, по которой вы прошли. Вы превратитесь в чудовищ.

— Чушь!

— Вы знаете, о чем я говорю. «Флауэр» — ваша совесть. Ставрос… кто бы ни отправил их с

вами… поступил верно. Будут свидетели. Вот этот лейтенант… другие из вашего экипажа… они будут свидетелями. Вы сражаетесь против умирающего народа, уничтожая древний, древний мир. — Его взгляд остановился на Шарн, что сидела сейчас, полностью сжав ноздри. — И вы тоже. Бай Шарн, вы действительно думаете, что регулам нужны земляне без мри? А как же счета и балансы? Присмотритесь к своим нынешним союзникам. Один без другого опасен для регулов. Не думайте, что земляне любят вас. Взгляните на меня, бай Шарн.

Ноздри бай быстро затрепетали.

— Убейте этого юношу! Избавьтесь от него и его советов, бай Кох! Это яд!

Дункан посмотрел на Коха: ни ему, ни Шарн не удалось растопить ледяное равнодушие во взгляде контр-адмирала, и внезапно, снова подумав о землянах, Стэн узнал этот взгляд, взгляд уроженца Хэйвена, полный ненависти. Мри бы никогда не подумал, что у Коха могли быть подобные мысли: мри были верны госпоже, а госпожа проявляла уважение к возрасту.

— Вы хотите уничтожить их, — сказал он Коху. — И, возможно, считаете, что вам удастся удержать меня здесь в качестве источника ин-

формации. Я расскажу вам то, что знаю. Но я предпочитаю сделать это, если бай уйдет.

Стэн поставил Коха в довольно невыгодное положение. Теперь контр-адмиралу придется либо выгнать Шарн, либо оставить ее — здесь могло быть лишь единственное решение.

— Представьте ваши объяснения начальнику Службы безопасности, — заговорил Кох. — Рапорт дойдет до меня.

— Им я не скажу ничего, — отрезал Дункан.

Кох сидел, глядя на Стэна, и, возможно, верил ему. Краска заливала лицо контр-адмирала; на виске пульсировала вена.

— Что вы еще хотите сказать?

— Во-первых, когда я закончу, я уйду. Я оставил Службу. Я — второй после кел'анта мри. Вы, конечно, можете задержать меня, это ваше право, но я больше не подчиняюсь приказам Ставроса или вам.

— Вы дезертир!

Дункан мягко вздохнул.

— Я был отправлен на одном корабле с мри, чтобы изучать их. Меня вышвырнули. Госпожа подобрала меня вновь.

Кох долго молчал. Наконец он открыл стол, вынул листок бумаги, пустил его по столу. Дункан

дотянулся до листка; глупая печать показалась ему чужой.

Кодовые номера. Один был его. «Рекомендации, связной по особым поручениям Стэн Х.Дункан: отстраняется от Службы 9/4/21 кодовая миссия Зонд. Код санкционирования Феникс, ограничения зашифрованы в файле SS-DS-34. Моими полномочиями, этой датой, Джордж Т.Ставрос, губернатор, Зона Кесрит.»

Дункан поднял глаза.

— Ваши полномочия, — сказал Кох, — по моей просьбе… на мое усмотрение. Ваш переход на сторону противника был предвиден.

Дункан осторожно сложил листок, спрятал его в поясную сумку, пока ярость клокотала в нем. Он справился с собой. «Если я могу разозлить тебя, — сказал как-то Ньюн, — твоя защита снова не выдержит. Я хочу, чтобы ты думал о чем-либо еще, кроме Игры.»

Он взглянул на Шарн, чьи ноздри дрожали, чьи ороговелые губы были плотно сжаты.

— Если больше не будет стрельбы, — сказал Кох, — мы прекратим огонь.

— Этого мне достаточно, — отозвался Дункан с прежней холодностью.

— И мы совершим посадку, и установим то, что

следовало установить в первую очередь.

— Я договорюсь о прекращении огня. Высадите меня снова на планету.

— Нет, — проговорила Шарн. — Баю очень не понравится любое примирение с этими созданиями.

— Вы, — язвительно сказал Дункан, — боитесь, что мри помнят?

Ноздри Шарн резко сжались, и кожа ее потемнела и вновь посветлела. Ее пальцы судорожно двигались по пульту управления тележки, и она по-прежнему смотрела на них обоих.

— Мри могут приспосабливаться к не-мри, — сказал Дункан. — Я — живое доказательство того, что это возможно.

Темные глаза Коха блуждали поверх головы Стэна.

— Откиньте вуаль, ПлаР.

Дункан убрал вуаль, пристально глядя на стоящего перед ним человека, чье лицо было голым.

— По вам не скажешь, что это просто.

— Я не слишком далеко зашел, и вы вполне можете иметь со мной дело. Я то, чего, возможно, добивался Ставрос. Я могу быть вам полезен. Я могу пригласить госпожу Народа для переговоров, а это гораздо больше того, что вам удастся

достичь другими способами.

— В вашем распоряжении день. На это время огонь прекращен. Вы представите отчет.

— Да. Я поговорю с Боаз.

— Она не имеет на это права.

— У нее гораздо больше прав, чем у людей из вашей службы безопасности. Ее работа дает Боаз такие права. Я поговорю с ней. Она сможет понять то, что я расскажу. Они — нет. Они постараются переврать.

— Там будет присутствовать офицер службы безопасности. Он предложит вопросы.

— Я отвечу то, что посчитаю нужным. Я не стану помогать вам в поисках мри.

— Значит, вам известно, где их штаб?

Дункан улыбнулся.

— Камни и песок, дюны и равнины. Вот где вам придется искать их. От меня вы больше ничего не получите.

— Мы сможем отыскать вас в любой момент?

— Меня отыскать будет легко. Просто пришлите «Флауэр» к тому же месту и ждите. В конце концов я приду.

Кох закусил губу.

— И вы сможете заключить соглашение?

— Да.

— Я не верю вашей самонадеянности.

— Меня они послушают. Я поговорю с ними на их языке.

— В этом я не сомневаюсь. Отправляйтесь беседовать с Боаз.

— Мне потребуется челнок.

Кох нахмурился.

— Он мне действительно необходим, — сказал Дункан. — Или отправьте меня тем же путем. Советую как можно быстрее отправить меня обратно. Мри непросто отыскать. На это потребуется время.

Кох тихо выругался.

— У Боаз есть десять часов на вас. Можете идти.

Дункан закрылся вуалью и поднялся, скрестил руки и слегка наклонил голову, что означало уважение.

И охрана, что оставалась у двери, обступила его, и он вышел.

И здесь была приземистая тень. Стэн рванулся назад. Рука регула сжала его руку с сокрушительной силой. Регул пронзительно закричал на него, и Стэн выгнулся в этих тисках; клинок ожег его ребра, скользнув по ним.

Охранники бросились к нему. От навалившихся-

ся землян регул потерял равновесие, стал падать, таща Дункана за собой. Ботинок Галея несколько раз ударил по запястью регула, пытаясь выбить нож.

Дункан вырвался, выхватил пистолет из кобуры контр-адмирала и повернулся. Люди, протягивая руки, бросились к нему.

Шарн.

Вокруг темных глаз регула появились белые обводы: ужас. Дункан выстрелил и, когда охрана схватила его, спокойно позволил им отобрать пистолет.

Он уничтожил врага, что угрожал Народу. Оставшихся юнцов можно было не опасаться. Когда охрана помогла ему подняться, Стэн глубоко вздохнул, печально глядя на выгнувшуюся на тележке громадину.

Кох стоял рядом с красным лицом, ноздри побелели по краям.

— Я служу госпоже Народа, — спокойно проговорил Дункан, даже не пытаясь вырваться из державших его рук. — Я привел в исполнение приговор. Теперь можете исполнить свой или позвольте мне уйти и служить нашим интересам. Регулам известно, кто я. Их это не удивит. Я знаю. Теперь я могу предложить вам мир с Кутат.

В углу разоруженные молодые регулы, сбившись в кучу, цеплялись за край тележки. Они издавали странный клокочущий звук — регулы выражали свое горе. Темные глаза смотрели на Дункана. Тот не обращал на это внимания.

— Идите, — сказал Кох. Следы гнева незаметно исчезли с его лица. Судя по глазам, он задумал что-то странное. Он взглянул на охрану, на Галея. — Он пойдет с вами. Отпустите его.

Дункан встряхнул свободными руками, поправил мантии и направился из комнаты, проследовав через беспорядочную кучку регулов, собравшихся снаружи. Один из юнцов, более старший, не сводил со Стэна глаз, ноздри его раздувались и схлопывались в крайнем возбуждении, и, когда тот проходил мимо, поспешил укрыться за другим.

Спокойно, не обращая внимания на землян, которые выстроились в коридоре, глядя на него во все глаза, Дункан направился к «Флауэру».

— Что ты собираешься делать теперь? — спросила Боаз после долгого молчания.

Дункан взглянул на ленту. Боаз остановила ее. Он сидел, скрестив ноги, на большом стуле, локти на коленях, тогда как Боаз предпочла пол.

— То, что сказал. Только то, что сказал.

— Уговаривать мри?

— Ты думаешь, что это невозможно?

— Ты знаток, — проговорила она. — Скажи мне.

— Это возможно, Боз. На условиях мри.

— После убийства?

Стэн медленно закрыл глаза. На нем была вуаль. Ему было неуютно среди них, даже здесь, в госпитале.

— Я сделал, что следовало. Никто не мог сделать этого.

— Месть?

— Практичность.

— Ты сказал, что они не испытывают к регулам чувства обиды.

— Они забыли о регулах. Это было Мрак тому назад. Я все простил, Боз. Начисто.

— А твои руки?

— Никакого раскаяния.

Некоторое время Боаз молчала, и что бы ей ни хотелось сказать, она ни промолвила ни слова. Это было словно вуаль на ее глазах, что внезапно разъединила их.

— Да. Я полагаю, здесь его быть не может.

— Была женщина, которую убили регулы. И не только ее.

— Я рада, что в тебе еще многое уцелело.

— Это не из-за нее я убил регула.

Боаз снова замолчала. Все меньше и меньше оставалось того, что можно было сказать.

— Мне вспоминается другой Стэн Дункан, — проговорила она наконец.

— Ты же понимаешь, что он единственный.

Она поднялась, взяла со стойки его оружие, отдала ему.

— Галей отвезет тебя. Он вызвался сам. Мне кажется, он заблуждается, думая, что знает тебя. Дус за дверью.

— Да. — Стэн знал, где дус. Тот тоже знал о его присутствии и оставался спокойным. Стэн прицепил оружие, чувствуя знакомую тяжесть, коснулся своего джи'тэл, поправил ремни. — Мне лучше уйти сейчас.

— Это оговорено. В твою экипировку входит сигнальный маяк, который они хотят, чтобы ты нес. Тебе предлагается использовать его, когда будешь готов к встрече.

— Мне потребуется некоторое время. — Он направился к двери, остановился, подумав, что надо снять вуаль — этот жест означал дружбу.

Ему не хотелось делать этого.

Стэн вышел к поджидавшей его охране и не

оглянулся.

И вместе с идущим рядом дусом он спустился к отсеку, где стоял челнок, получил от службы безопасности сигнальный маяк; здесь Стэн оставил охрану и поднялся по трапу на корабль, впервые оставшись без опеки.

Он вошел и направился прямо в рубку, где его ждал Галей.

Храбрый человек, Галей. Дункан критически посмотрел на него, когда человек поднялся ему навстречу, давая место дусу, что устроился между ними. _И_с_п_у_г_: Стэн ощутил его в чувствах дуса, но Галеем двигало что-то еще, если даже несмотря на это тот находился здесь.

Верность?

Стэн не знал, чем, или почему, или как ему удалось расшевелить это в человеке, которого он едва знал… разве что они вдвоем прошли Сил'атен… что этот человек, как и он, узнал необжитые районы Кесрит, которые видели немногие из его расы.

Он протянул Галею руку, как это было принято среди землян, и рука Галея была влажной.

— Ты знаешь, куда надо лететь?

— Выведи меня на последнее место посадки «Флауэра». Я покажу.

— Хорошо, — сказал Галей. Он сел на свое место за пультом управления; Дункан занял сидение рядом с ним и пристегнул ремни, пока дус, зверь по-космически мудрый, втискивался поплотнее, закреплялся.

Вспыхнули огни. Дункан наблюдал за полным решимости лицом Галея, мертвенно бледным в свете приборов. Открылся внешний люк, и челнок выбросился наружу, в сторону планеты.

— Держись выше, — посоветовал Дункан. — Защитные системы еще работают.

— Есть проход, — отозвался Галей. — Мы уже пользовались им.

После этого они почти не разговаривали. Земля мчалась им навстречу, превращаясь в горы и дюны, над которыми челнок сбросил скорость.

Появилась впадина моря, что вела их домой. Дус, осмелев, поднялся на лапы. Дункан погладил его, и зверь заурчал, излучая свое удовольствие.

Челнок коснулся земли, вздрогнул, замер. Открылся люк.

Холодный разреженный воздух Кутат достиг его. Стэн освободился от ремней и поднялся, убрал руку со спины дуса, чтобы взять свою сумку, и направился к люку. Он услышал, как сзади поднимается Галей и обернулся.

— С тобой все в порядке? — почему-то спросил Галей.

— Да. — Он еще раз обернул вокруг лица вуаль, чтобы легче привыкнуть к здешнему воздуху, и вновь взглянул на раскинувшуюся за люком пустыню. Он начал спускаться вниз по трапу, и дус — за ним по пятам, вниз, к песку, который содержал спокойное ощущение реальности, в отличие от мира, что остался наверху.

Дом.

Сначала он направился в сторону морской впадины — то было неверное направление. Он возьмет настоящее, когда угаснет свет, когда он будет уверен, что никто не следит за ним. Он обязательно спрячет снаряжение в скалах — потом, в будущем, оно понадобится — не доверяя этому подарку землян, который он должен был отнести к мри; он обязательно снимет и проверит свое оружие, не доверяя ему — ведь оно побывало в чужих руках. Им не удастся выследить его.

Служба госпоже. Дикая, нетронутая земля. Стэн вдохнул ветер, и лишь когда отошел уже довольно далеко, появилось беспокойство: не было слышно старта челнока.

Он оглянулся и увидел маленькую фигурку, что стояла в проеме люка, глядя ему вслед.

Он повернулся и зашагал дальше, и, в конце концов, услышал старт.

Челнок прошел над головой. Стэн поднял глаза, увидел, что челнок закладывает разворот, словно в приветствии, и исчезает.